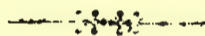

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО
ЦАРСТВОВАНИЕ
ФЕОДОРА ІОАННОВИЧА

СОЧИНЕНИЕ

Н. М. Карамзина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

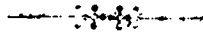
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО

ЦАРСТВОВАНИЕ

ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА

СОЧИНЕНИЕ

Н. М. Карамзина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

дозв. ценз. спв., 29 декабря 1884 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2

Царствованіе Θεодора Іоанновича.

1584 — 1587.

Г Л А В А I.

Свойства Θεодоровы. — Члены Верховной Думы. — Волненіе народа. — Собраніе Великой Думы Земской. — Царевичъ Дмитрій и мать его отправляются въ Угличъ. — Матежъ въ Москвѣ. — Власть и свойства Годунова. — Царское вѣнчаніе Θεодорова. — Разныя милости. — Годуновъ правитель Царства. — Усмиреніе Черемискаго бунта. — Вторичное покореніе Сибири. — Сношенія съ Англією и съ Литвою. — Заговоръ противъ Годунова. — Сравненіе Годунова съ Адашевымъ. — Перемиріе съ Швецією. — Посольство въ Австрію. — Возобновленіе дружества съ Данією. — Дѣла Крымскія. — Посольство въ Константинополь. — Царь Иверскій, или Грузинскій, данникъ Россіи. — Дѣла съ Персією. — Дѣла внутреннія. — Основаніе Архангельска. — Строеніе Бѣлаго или Царева города въ Москвѣ. — Начало Уральска. — Опасности для Годунова. — Ссылки и казни. — Жалостная смерть героя Шуйскаго. — Судьба Магнусова семейства. — Праздность Θεодорова.

«Первые дни по смерти тирана» (говоритъ римскій историкъ) «бываютъ счастливѣйшими для народовъ»: ибо конецъ страданія есть живѣйшее изъ человѣческихъ удовольствій.

Но царствованіе жестокое часто готовить царствованіе слабое: новый вѣнценосецъ, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадаетъ въ другую крайность, въ послабленіе вредное государству. Сего могли опасаться истинные друзья отечества, тѣмъ болѣе, что знали необыкновенную кротость наслѣдника Иоаннова, соединенную въ немъ съ умомъ робкимъ, съ набожностію безпредѣльною, съ равнодушіемъ къ мірскому величію. На громомъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла постника и молчальника, болѣе для келіи и пещеры, нежели для власти державной рожденнаго: такъ, въ часы искренности, говорилъ о Θεодорѣ самъ Іоаннъ, оплакивая смерть любимаго старшаго сына. Не наслѣдовавъ ума царственнаго, Θεодоръ не имѣлъ и саповитой наружности отца, ни мужественной красоты дѣда и прадѣда: былъ росту малаго, дряблъ тѣломъ, лицомъ блѣденъ; всегда улыбался, но безъ живости; двигался медленно, ходилъ неровнымъ шагомъ, отъ слабости въ ногахъ; однимъ словомъ, изъявлялъ въ себѣ преждевременное изнеможеніе силъ, естественныхъ и душевныхъ. Угадывая, что сей двадцатисемилѣтній государь, осужденный природою на всегдашнее малолѣтство духа, будетъ зависѣть отъ вельможъ или монаховъ, многіе не смѣли радоваться концу тиранства, чтобы не пожалѣть о немъ во дни безпачалія, козней и смуть боярскихъ, менѣе губительныхъ для людей, но еще бѣдственнѣйшихъ для великой державы, устроенной сильною, нераздѣльною властію царскою.....

Къ счастью Россіи, Теодоръ, боясь власти, какъ опаснаго повода къ грѣхамъ, ввѣрилъ кормило Государства рукѣ искусной — и сіе царствованіе, хотя не чуждое беззаконій, хотя и самымъ ужаснымъ злодѣйствомъ омраченное, казалось современникамъ милостію Божіею, благоденствіемъ, золотымъ вѣкомъ, ибо паступило послѣ Іоаннова!

Новая Пентархія или Верховная Дума, составленная умирающимъ Іоанномъ изъ пяти вельможъ, была предметомъ общаго вниманія, надежды и страха. Князь Мстиславскій отличался единственно знатностью рода и сана, будучи старшимъ бояриномъ и воеводою. Никиту Романовича Юрѣва уважали какъ брата незабвенной Анастасіи и дядю государева, любили какъ вельможу благодушнаго, не очерченнаго даже и злословіемъ въ бѣдственныя времена кровопійства. Въ князѣ Шуйскомъ чтили славу великаго подвига ратнаго, отважность и бодрость духа. Бѣльскаго, хитраго, гибкаго, ненавидѣли какъ перваго любимца Іоаннова. Уже знали рѣдкія дарованія Годунова, и тѣмъ болѣе опасались его, ибо онъ онъ также умѣлъ снискать особенную милость тирана, былъ зятемъ гнуснаго Малюты Скуратова, свойственникомъ и другомъ (едва ли искреннимъ) Бѣльскаго. Пріавъ власть государствепную, Дума Верховная, въ самую первую ночь (18 марта), выслала изъ столицы многихъ извѣстныхъ служивниковъ Іоанновой лютости, другихъ заключила въ темницы, а къ родственникамъ вдовствующей царицы, Нагимъ, приставила стражу, обвиняя ихъ въ злыхъ умыслахъ (вѣроятно, въ намѣреніи объявить юнаго

Члены
Верховной
Думы.

Димитрія наслѣдникомъ Іоанновымъ). Москва волновалась; но бояре утишили сіе волненіе: торжественно присягнули Θεодору вмѣстѣ со всѣми чиновниками, и въ слѣдующее утро письменно обнародовали его воцареніе. Отряды воиновъ ходили изъ улицы въ улицу; пушки стояли на площадяхъ. Немедленно пославъ гонцевъ въ области съ указомъ молиться о душѣ Іоанновой и счастливомъ царствованіи Θεодора, новое правительство созвало Великую Думу Земскую, знатнѣйшее духовенство, дворянство и всѣхъ людей имѣнитыхъ, чтобы взять нѣкоторыя общія мѣры для государственнаго устройства. Назначили день царскаго вѣнчанія; соборною грамотою утвердили его священные обряды; разсуждали о благосостояніи Державы, о средствахъ облегчить народныя тягости. Тогда же послали вдовствующую царицу съ юнымъ сыномъ, отца ея, братьевъ, всѣхъ Нагихъ, въ городъ Угличъ, давъ ей царскую службу, стольниковъ, страпчихъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ для обереганія. Добрый Θεодоръ, нѣжно прощаясь съ младенцемъ Димитріемъ, обливался горькими слезами, какъ бы невольно исполняя долгъ, болѣзненный для своего сердца. Сіе удаленіе царевича, единственнаго наслѣдника Державы, могло казаться блестящею ссылкою, и пестуи Димитріевъ, Бѣльскій, не желая въ ней участвовать, остался въ Москвѣ: онъ надѣялся законодательствовать въ Думѣ, но увидѣлъ грозу надъ собою.

Между тѣмъ, какъ Россія славилла благія намѣ-

Собраніе
Великой Думы
Земской.

Димитрій и
мать его отпра-
вляются въ
Угличъ.

ренія новаго правительства, въ Москвѣ коварствовали зависть и незаконное властолюбіе: сперва носились темные слухи о великой опасности, угрожающей юному монарху, а скоро наименовали и человѣка, готоваго злодѣйствомъ изумить Россію: сказали, что Бѣльскій, будто бы отравивъ Іоанна, мыслить погубить и Феодора, умертвить всѣхъ бояръ, возвести на престолъ своего друга и совѣтника — Годунова! Тайными виновниками сей клеветы считали князей Шуйскихъ, а Ляпуновыхъ и Кикиныхъ, дворянъ рязанскихъ, ихъ орудіями, возмутителями народа легковѣрнаго, который, принявъ оную за истину, хотѣлъ усердіемъ спасти царя и царство отъ умысловъ изверга.

Вопль бунта раздался изъ конца въ Мятежъ въ
Москвѣ. конецъ Москвы, и двадцать тысячъ вооруженныхъ людей, чернь, граждане, дѣти боярскіе, устремились къ Кремлю, гдѣ едва успѣли затворить ворота, собрать нѣсколько стрѣльцевъ для защиты и Думу для совѣта въ опасности внезапной. Мятежники овладѣли въ Китаѣ-городѣ тяжелымъ снарядомъ, обратили царь-пушку къ воротамъ Флоровскимъ и хотѣли разбить ихъ, чтобы вломиться въ крѣпость. Тогда государь выслалъ къ нимъ князя Ивана Метиславскаго, боярина Никиту Романовича, дяковъ Андрея и Василия Щелкаловыхъ, спросить, что виною мятежа, и чего они требуютъ? «Бѣльскаго!» отвѣтствовалъ народъ: «выдайте намъ злодѣя! Опъ мыслить извести царскій корень и всѣ роды боярскіе!» Въ тысячу голосовъ вопили: «Бѣльскаго!» Сей несчастный вельможа, изумленный обвиненіемъ, уstraшенный злобою народа, искалъ безо-

пасности въ государевой спальнѣ, трепеталъ и молилъ о спасеніи. Феодоръ зналъ его невинность; знали оную и бояре; но, искренно или притворно ужасаясь кровопролитія, вступили въ переговоры съ мятежниками; склонили ихъ удовольствоваться ссылкой мнимаго преступника и немедленно выслали Бѣльскаго изъ Москвы. Народъ, восклицая: «да здравствуетъ царь съ вѣрными боярами!» мирно разошелся по домамъ; а Бѣльскій съ того времени воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Отъ такой постыдной робости, отъ такого уничтоженія самодержавной власти чего ожидать надлежало? козней въ Думѣ, своевольства въ народѣ, безпорядка въ правленіи. Бѣльскаго удалили: Годуновъ остался для мести! Мятежники не требовали головы его, не произнесли его имени, уважая въ немъ царицына брата; но онъ видѣлъ умысль клеветниковъ, видѣлъ, что дерзкіе виновники сего возмущенія готовятъ ему гибель, и думалъ о своей безопасности. Дотогдѣ дядя царскій, по древнему уваженію къ родственному старѣйшинству, могъ считать себя первымъ вельможею: такъ мыслилъ и дворъ и народъ; такъ мыслилъ и лукавый дьякъ государственный, Андрей Щелкаловъ, стараясь списать довѣренность боярина Юрѣва и падѣясь вмѣстѣ съ нимъ управлять Думою. Знали власть Годунова надъ сестрою пѣжною, добродѣтельною Ириною, уподобляемою лѣтописцами Анастасіи (ибо тогда не было иного сравненія въ добродѣтеляхъ женскихъ); знали власть Ирины надъ Феодоромъ, который въ семь мѣръ истинно любилъ, можетъ быть, одну супругу. Но Годуновъ, казалось, выдалъ друга. Радовались

его безсилію или боязливости, не угадывая, что онъ, вѣроятно, притворствовалъ въ дружбѣ къ Бѣльскому, внутренно опасаясь въ немъ тайнаго совѣтника, и воспользуется симъ случаемъ для утвержденія своего могущества, ибо, Теодоръ, мягко-сердечный, обремененный державою, испуганный мятежемъ, видя необходимость мѣръ строгихъ для государственнаго устройства, и не имѣя ни проицанія въ умѣ, ни твердости въ волѣ, искалъ болѣе нежели совѣтника или помощника, — искалъ, на кого возложить всю ства Годунова. Тягость правленія, съ отвѣтственностію предъ единымъ Богомъ, и совершенно отдался смѣлому честолюбцу, ближайшему къ сердцу его милой супруги. Безъ всякой хитрости, слѣдую единственно чувству, зная умъ, не зная только злыхъ, тайныхъ наклонностей Годунова, Ирина утвердила союзъ между царемъ, неспособнымъ властвовать, и поданнымъ, достойнымъ власти. Сей мужъ знаменитый находился тогда въ полномъ цвѣтѣ жизни, въ полной силѣ тѣлесной и душевной, имѣя 32 года отъ рожденія. Величественною красотою, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ вельможъ (какъ говоритъ лѣтописецъ), Борисъ не имѣлъ только... добродѣтели; хотѣлъ, умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви ко славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли: если бы родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный поданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, не могъ одолѣть искушеній, тамъ, гдѣ

зло казалось для нея выгодною — и проклятіе вѣвовъ заглушаетъ въ исторіи добрую славу Борису.

Первымъ дѣйствиємъ Годунова было наказаніе Ляпуновыхъ, Кикиныхъ и другихъ главныхъ возмутителей московской черни: ихъ послали въ дальніе города и заключили въ темницы. Народъ молчалъ или славилъ правосудіе царя; дворъ угадывалъ виновника сей законной строгости, и съ безпокойствомъ взиралъ на Бориса, коего рѣшительное владычество открылось пе прежде Θεодорова царскаго вѣнчанія, отложеннаго, ради шести-недѣльнаго моленія объ усопшемъ вѣнценосцѣ, до 31 мая.

Въ сей день, на самомъ разсвѣтѣ, сдѣлалась ужасная буря, гроза, и ливный дождь затопилъ Царское вѣнчаніе Θεодорова. многія улицы въ Москвѣ, какъ бы въ предзнаменованіе грядущихъ бѣдствій; но суевѣріе успокоилось, когда гроза миновалась, и солнце возсіяло на чистомъ небѣ. Собралось безчисленное множество людей на Кремлевской площади, такъ что воины едва могли очистить путь для духовника государева, когда онъ несъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, изъ царскихъ палатъ въ храмъ Успенія святыню Мономахову, животворящій крестъ, вѣнецъ и бармы (Годуновъ несъ за духовникомъ скипетръ). Не взирая на тѣсноту безпримѣрную, все затихло, когда Θεодоръ вышелъ изъ дворца со всѣми боярами, князьями, воеводами, чиновниками: государь въ одеждѣ небснаго цвѣта, придворные въ золотой — и сія удивительная тишина провождала царя до самыхъ дверей храма, также наполнен-

наго людьми всякаго званія, ибо всѣмъ россіянамъ дозволялось видѣть священное торжество Россіи, единого семейства подъ державою отца-государя. Во время молебна окольнічіе и духовные саповники ходили по церкви, тихо говоря народу: «благоговѣйте и молитесь!» Царь и митрополитъ Діонисій сѣли на изготовленныхъ для нихъ мѣстахъ, у вратъ западныхъ, и Феодоръ среди общаго безмолвія сказалъ первосвятителю: «Владыко! родитель нашъ, самодержецъ Іоаннъ Василіевичъ, оставилъ земное царство, и пріявъ ангельскій образъ, отшелъ на царство небесное; а меня благословилъ державою и всѣми хоругвями Государства; велѣлъ мнѣ, согласно съ древнимъ уставомъ, помазаться и вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, діадимою и святыми бармами: завѣщаніе его извѣстно духовенству, боярамъ и народу. И такъ, по волѣ Божіей и благословенію отца моего. соверши обрядъ священный, да буду царь и помазанникъ!» Митрополитъ, осѣнивъ Феодора крестомъ, отвѣтствовалъ: «Господинъ, возлюбленный сынъ церкви и нашего смиренія, Богомъ избранный и Богомъ на престолъ возведенный! данною намъ благодатію отъ Святаго Духа помазуемъ и вѣнчаемъ тебя, да именуешься самодержцемъ Россіи!» Возложивъ на царя животворящій крестъ Мономаховъ, бармы и вѣнецъ на главу, съ моленіемъ, да благословитъ Господь его правленіе, Діонисій взялъ Феодора за десницу, поставилъ на особенномъ царскомъ мѣстѣ, и, вручивъ ему скипетръ, сказалъ: «блюди хоругви великія Россіи!» Тогда архидіаконъ на амвонѣ, священники въ алтарѣ и клиросы возгласили

многолѣтіе царю вѣнчанному, привѣтствуемому духовенствомъ, сановниками, народомъ съ изъявленіемъ живѣйшей радости; и митрополитъ въ краткой рѣчи напомнилъ Θεодору главныя обязанности вѣнценосца: долгъ хранить законъ и царство, имѣть духовное повиновеніе къ святителямъ и вѣру къ монастырямъ, искреннее дружество къ брату, уваженіе къ боярамъ, основанное на ихъ родовомъ старѣйшинствѣ, милость къ чиновникамъ, воинству и всѣмъ людямъ. «Цари намъ вмѣсто Бога», продолжалъ Діонисій: «Господь ввѣряетъ имъ судьбу человѣческаго рода, да блюдутъ не только себя, но и другихъ отъ зла; да спасаютъ міръ отъ тревоженія, и да боятся серпа небеснаго! Какъ безъ солнца мракъ и тьма господствуютъ на землѣ, такъ и безъ ученія все темно въ душахъ. Будь же любомудръ, или слѣдуй мудрымъ; будь добродѣтеленъ; ибо едина добродѣтель украшаетъ царя, едина добродѣтель бессмертна. Хочешь ли благоволенія небеснаго? благоволи о подданныхъ... Не слушай злыхъ клеветниковъ, о царь, рожденный милосердымъ!.. Да цвѣтетъ во дни твои правда; да успокоится отечество! И возвыситъ Господь царскую десницу твою надъ всѣми врагами, и будетъ царство твое мирно и вѣчно въ родъ и родъ!» Тутъ, проливая слезы умиленія, всѣ люди воскликнули: «будетъ и будетъ многолѣтно!» — Θεодоръ, въ полномъ царскомъ одѣяніи, въ коронѣ Мономаховой, въ богатой мантіи, и держа въ рукѣ длинный скипетръ (сдѣланный изъ драгоцѣннаго китоваго зуба), слушалъ литургію, имѣя видъ утомленнаго. Предъ нимъ лежали короны

завоеванныхъ царствъ; а подлѣ него, съ правой стороны, какъ ближній вельможа, стоялъ Годуновъ, дядя же Теодоровъ, Никита Романовичъ Юрьевъ, наряду съ другими боярами. Ничто, по сказанію очевидцевъ, не могло превзойти сего торжества въ великолѣпіи. Амвонъ, гдѣ сидѣлъ государь съ митрополитомъ,—налой, гдѣ лежала утварь царская, и мѣста для духовенства были устланы бархатами, а помость церкви коврами персидскими и красными сукнами англійскими. Одежды вельможъ, въ особенности Годунова и князя Ивана Михайловича Глинскаго, сіяли алмазами, яхонтами, жемчугомъ удивительной величины, такъ что иноземные писатели цѣнятъ ихъ въ милліоны. Но всего болѣе торжество украшалось веселіемъ лицъ и знаками живѣйшей любви къ престолу. Послѣ херувимской пѣсни митрополитъ, въ дверяхъ царскихъ, возложилъ на Теодора Мономахову цѣпь аравійскаго золота; въ концѣ же литургіи помазалъ его Святымъ Миромъ и причастилъ Святыихъ Таинъ. Въ сіе время Борисъ Годуновъ держалъ скипетръ, Юрьевъ и Дмитрій Ивановичъ Годуновъ (дядя Ирины), вѣнецъ царскій на золотомъ блюдѣ. Благословенный Діонисіемъ и въ южныхъ дверяхъ храма осыпанный деньгами, Теодоръ ходилъ поклониться гробамъ предковъ, моляся, да наследуетъ ихъ государственныя добродѣтели, Между тѣмъ Ирина, окруженная боярынями, сидѣла въ коронѣ подъ раствореннымъ огнемъ своей палаты и была привѣтствуема громкими восклицаніями народа: «да здравствуетъ царица!» Въ тронной вельможи и чиновники цѣловали руку у го-

сударя; въ столовой палатѣ съ нимъ обѣдали, равно какъ и все знатное духовенство. Пирь, веселія, забавы народныя продолжались цѣлую недѣлю и заключились воинскимъ праздникомъ внѣ города, гдѣ, на обширномъ лугу, въ присутствіи царя и всѣхъ жителей московскихъ, гремѣло 170 мѣдныхъ пушекъ, предъ осмью рядами стрѣльцевъ, одѣтыхъ въ тонкое сукно и въ бархатъ. Множество всадниковъ, также богато одѣтыхъ провождало Феодора.

Одаривъ митрополита, святителей, и самъ Разныя милости. пять дары отъ всѣхъ людей чинныхъ, гостей и купцовъ, россійскихъ, англійскихъ, нидерландскихъ, норвѣжичанъ царь объявилъ разныя милости: уменьшилъ налоги; возвратилъ свободу и достояніе многимъ знатымъ людямъ, которые лѣтъ двадцать сидѣли въ темницѣ; исполняя завѣщаніе Иоанново, освободилъ и всѣхъ военнопленныхъ: наименовалъ боярами князей Дмитрія Хворостинина, Андрея и Василія Ивановичей Шуйскихъ, Никиту Грубецкаго, Шестунова, двухъ Куракиныхъ, Феодора Шереметева и трехъ Годуновыхъ, внучатныхъ братьевъ Ирины; пожаловалъ герою, князю Ивану Петровичу Шуйскому, все доходы города Пскова, имъ спасеннаго. Но сіи личныя милости были ничто въ сравненіи съ тѣми, коими Феодоръ осыпалъ своего шурина, давъ ему все, что подданный могъ имѣть въ самодѣржавіи: не только древній знатный санъ конюшаго, въ теченіе семнадцати лѣтъ никому не жалованный, но и титуло ближняго великаго боярина, намѣстника двухъ Царствъ, Казанскаго и Астра-

ханскаго. Безпримѣрному сану отвѣтствовало и богатство безпримѣрное: Годунову дали, или Годуновъ взялъ себѣ, лучшія земли и помѣстья, доходы области Двинской, Ваги,—всѣ прекрасныя луга на берегахъ Москвы-рѣки, съ лѣсами и пчельниками,—разныя казенныя сборы московскіе, рязанскіе, тверскіе, сѣверскіе, сверхъ особеннаго денежнаго жалованья,—что, вмѣстѣ съ доходомъ отъ родовыхъ отчинъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ, приносило ему ежегодно не менѣе осьми или десяти сотъ тысячъ нынѣшнихъ рублей серебряныхъ: богатство, какого отъ начала Россіи до нашихъ временъ не имѣлъ ни одинъ вельможа, такъ что Годуновъ могъ на собственномъ иждивеніи выводить въ поле до ста тысячъ воиновъ! Онъ былъ уже не временщикъ, не любимецъ, но властитель Царства. Увѣренный въ Феодорѣ, Борисъ еще опасался завистниковъ и враговъ: для того хотѣлъ изумить ихъ своимъ величіемъ, чтобы они не дерзали и мыслить объ егѣ низверженіи съ такой высокой степени, недоступной для обыкновеннаго честолюбія вельможъ-царедворцевъ. Дѣйствительно изумленные, сіи завистники и враги нѣсколько времени заботились втайнѣ, безмолвствуя, но вымышляя ударъ; а Годуновъ, со рвеніемъ души славолубивой, устремился къ великой цѣли: дѣлами общественной пользы оправдать довѣренность царя, заслужить довѣренность народа и признательность отечества. Пентархія, учрежденная Иоанномъ, какъ тѣнь исчезла: осталась древняя Дума Царская, гдѣ Мстиславскій, Юрьевъ, Шуйскій судили наряду съ иными боярами, слѣдуя мановенію правителя: ибо такъ со-

временники именовали Бориса, который одинъ, въ глазахъ Россіи, смѣло правилъ рулить государственнымъ, повелѣвалъ е-
 Годуновъ
 правитель. немъ царскимъ, но дѣйствовалъ сво-
 имъ умомъ, имѣя совѣтниковъ, но не имѣя ни совмѣстниковъ, ни товарищей.

Когда Феодоръ, утомленный мірскимъ великолѣпіемъ, искалъ отдохновенія въ набожности; когда, прервавъ блестящія забавы и пиры, въ видѣ смиреннаго богомольца ходилъ пѣшкомъ изъ монастыря въ монастырь, въ Лавру Сергіеву и въ иныя святыя обители, вмѣстѣ съ супругою, прс-
 возождаемою знатнѣйшими боярынями и цѣлымъ полкомъ особенныхъ царициныхъ тѣлохранителей (пышность новая, изобрѣтенная Годуновымъ, чтобы вселить въ народъ болѣе уваженія къ Иринѣ и къ ея роду)... въ то время правительство уже неусыпно занималось важными дѣлами государственными, исправляло злоупотребленія власти, утверждало безопасность внутреннюю и внѣшнюю. Во всей Россіи, какъ въ счастливыя времена князя Ивана Бѣльскаго и Адашева, смѣнили худыхъ намѣстниковъ, воеводъ и судей, избравъ лучшихъ; грозя казнію за неправду, удвоили жалованье чиновниковъ, чтобы они могли пристойно жить безъ лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, гдѣ надлежало возстановить честь оружія или спокойствіе отечества. Начали съ Казани. Еще лилася кровь россиянъ на
 Усмиреніе берегахъ Волги, и бунтъ кипѣлъ въ
 Черемисскаго землѣ Черемисской: Годуновъ болѣе
 бунта. умомъ, нежели мечемъ, смирилъ мятежниковъ, увѣривъ ихъ, что новый царь, забы-

вая старыя преступленія, готовъ, какъ добрый отецъ, миловать и виновныхъ въ случаѣ искренняго раскаянія; они прислали старѣйшинъ въ Москву и дали клятву въ вѣрности. Тогда же Борисъ велѣлъ строить крѣпости на горной и луговой сторонѣ Волги, Цивильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ, Санчурскъ и другіе. населилъ оныя россіянами, и тѣмъ водворилъ тишину въ сей землѣ, столь долго для насъ бѣдственной.

Усмиривъ Казанское царство, Годуновъ довершилъ завоеваніе Сибирскаго. Еще не зная о гибели Ермака, но зная уменьшеніе его силъ отъ болѣзней и голода, онъ немедленно послалъ туда воеводу, Ивана Мансурова, съ отрядомъ стрѣльцевъ, а въ слѣдъ за нимъ и другихъ, Василія Сургина, Ивана Мяснаго, Данила Чулкова съ знатнымъ числомъ ратниковъ и съ огнестрѣльнымъ снарядамъ. Первый встрѣтилъ нашихъ сибирскихъ витязей, атамана Матвѣя Мецерака съ остаткомъ Ермаковыхъ сподвижниковъ, на рѣкѣ Турѣ. «Добліе казаки ожили радостию», говоритъ лѣтописецъ: не боясь новыхъ опасностей и битвъ, ужасаясь единственно мысли явиться въ отечествѣ бѣдными изгнанниками съ вѣстію, о завоеваніи утраченномъ, они, исполненные мужества и надежды, возвратились къ устью Тобола, ноне могли взять Искера, гдѣ властвовалъ уже не старецъ Кучумъ, а юный, бодрый князь Сейдякъ, его побѣдитель: свѣдавъ о бѣгствѣ казачковъ, онъ собралъ толпы погаевъ, преданныхъ ему татаръ сибирскихъ, выгналъ Кучума, и слы-

Вторичное
покореніе
Сибири.

ша о новомъ приближеніи россиянъ, стоялъ на берегу Иртыша съ войскомъ многочисленнымъ, готовый къ усиленному бою. Казаки предложили Мансурову плыть далѣе Иртышемъ, не смотря на осеннее время, холодъ и морозы. Тамъ, гдѣ сія рѣка впадаетъ въ Обь, они вышли на берегъ и сдѣлали деревянную крѣпость. Пишутъ, что остяки, думая взять оную, принесли съ собою славнаго Бѣлогорскаго идола, или Шайтана, начали ему молиться подъ деревомъ и разбѣжались отъ ужаса, когда россияне пушечнымъ выстрѣломъ сокрушили сей кумирь обожаемый. Воеводы Сукинъ и Мясной оставились на берегу Туры, и на мѣстѣ городка Чингтя основали пынѣшній Тюмень. Чулковъ же, не находя сопротивленія, или преодолевъ оное, заложилъ Tobольскъ, и въ немъ первую церковь христіанскую (въ 1587 году); извѣстилъ о томъ воеводу Мансурова, атамана Мещеряка, соединился съ нимъ, разбилъ князя Сейдяка, дерзнувшаго приступить къ Tobольской крѣпости, взялъ его въ плѣнъ раненаго, весь обозъ, все богатство, и сею побѣдою, которая стоила жизни послѣдному Ермакову атаману, Никитѣ Мещеряку, довершилъ паденіе Ногайскаго Иртышскаго царства. Искеръ опустѣлъ, и Tobольскъ сдѣлался новою столицею Сибири. Другое же, менѣе вѣроятное преданіе славить не мужество, а хитрость воеводы Чулкова, весьма не достохвальную: узнавъ, какъ пишутъ, что Сейдякъ, другъ его, царевичъ киргизскій Уразъ-Магметъ, и Мурза-Карача вышли изъ Искера съ пятьюстами воиновъ, и на Княжескомъ лугу, близъ Tobольска, увеселяются птичьею ловлею, воевода

пригласилъ ихъ къ себѣ въ гости, связалъ и послалъ въ Москву. Еще изгнанникъ Кучумъ держался съ шайками ногаевъ Тайбугина Улуса въ степи Барабинской, жегъ селенія, убивалъ людей въ волостяхъ Курдацкой, Салыпской, въ самыхъ окрестностяхъ Тобола. Чтобы унять сего разбойника, новый сибирскій воевода, князь Кольцовъ-Мосальскій, ходилъ во глубину пустынь Ишимскихъ и близъ озера Чили-Кула (1 августа 1591) истребилъ большую часть его конницы, захватилъ двухъ женъ ханскихъ и сына, именемъ Абдуль-Хаира. Тщетно государь, желая водворить тишину въ своемъ новомъ, отдаленномъ царствѣ, предлагалъ Кучуму жалованье, города и волости въ Россіи; обѣщалъ даже оставить его царемъ въ землѣ Сибирской, если онъ съ покорностію явится въ Москвѣ. О томъ же писалъ къ отцу и плѣнникъ Абдуль-Хаиръ, славя великодушіе Феодора, который далъ ему и царевичу Маметкулу богатая земли въ собственность, любя живить смертныхъ и миловать виновныхъ. Оставленный двумя сыновьями, ногайскими союзниками и знатымъ Чинъ-Мурзою (который выѣхалъ къ намъ вмѣстѣ съ матерью царевича Маметкула), Кучумъ гордо отвѣтствовалъ на предложенія Феодоровы: «Я не уступалъ Сибири Ермаку: хотя онъ и взялъ ее. Желая мира, требую Иртышскаго берега». Но бессильная злоба Кучумова не мѣшала россиянамъ болѣе и болѣе укрѣпляться въ Сибири заложеніемъ новыхъ городовъ отъ рѣки Печоры до Кети и Тары, для безопаснаго сообщенія съ Пермію и съ Уфою, тогда же построенною, вмѣстѣ съ Самарою, для обузда-

нія погаевъ. Въ 1592 году, при тобольскомъ воеводѣ князѣ Ѳеодорѣ Михайловичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, были основаны Пелымъ, Березовъ, Сургутъ; въ 1594 Тара, въ 1596 Нарымъ и Кетскій Острогъ, неодолимыя твердыни для дикихъ остяковъ, вогуличей и всѣхъ бывшихъ Кучумовыхъ улусниковъ, которые иногда еще мыслили о сопротивленіи, измѣняли и не хотѣли платить яска: такъ въ грамотахъ царскихъ упоминается о мятежѣ Пелымскаго князя Аблегирима, коего велѣно было воеводѣ нашему схватить хитростію или силою, и казнить вмѣстѣ съ сыномъ и съ пятью или шестью главными бунтовщиками вогульскими. Кромѣ воиновъ, стрѣльцевъ и казаковъ, Годуновъ посылалъ въ Сибирь и земледѣльцевъ изъ Перми, Вятки, Каргополя, изъ самыхъ областей Московскихъ, чтобы населить пустыни и въ удобныхъ мѣстахъ завести пашню. Распоряженіями благоразумными, обдуманными, безъ усилій тягостныхъ, онъ навѣки утвердилъ сіе важное приобрѣтеніе за Россією, въ обогащеніе государства новыми доходами, новыми способами торговли и промышленности народной. Около 1586 года Сибирь доставляла въ казну 200,000 соболей, 10,000 лисиць черныхъ и 500,000 бѣлокъ, кромѣ бобровъ и горностаевъ.

Въ дѣлахъ внѣшней политики Борисъ слѣдовалъ правиламъ лучшихъ временъ Іоанновыхъ, изъясняя благоразуміе съ рѣшительностію, осторожность въ соблюденіи цѣлости, достоинства, величія Россіи. Два посла были въ Москвѣ свидѣтелями Ѳеодорова воцаренія: Елисаветинъ и литовскій. «Кончина Іоаннова (пишетъ Баусъ)

измѣнила обстоятельства и предала меня въ руки главнымъ врагамъ Англіи: боярину Юрьеву и дьяку Андрею Щелкалову, которые въ первые дни новаго царствованія овладѣли Верховною Думою. Меня не выпускали изъ дому, стращали во время бунта московскаго, и Щелкаловъ велѣлъ мнѣ сказать въ насмѣшку: Царь англійскій умеръ! Борисъ Годуновъ, нашъ добροжелатель, еще не имѣлъ тогда власти». Въ началѣ мая объявили Баусу, что онъ можетъ ѣхать назадъ въ Англію; представили его царю, отпустили съ честію, съ дарами и съ дружжелюбнымъ письмомъ, въ коемъ Теодоръ говорилъ Елисаветѣ: «Хотя дѣло о сватовствѣ и тѣсномъ союзѣ съ Англіею кончилось смертію моего родителя, однакожь искренно желаю твоей доброй пріязни, и купцы лондонскіе не лишаются выгодъ, данныхъ имъ послѣднею жалованною грамотою». Но Баусъ въ безразсудной досадѣ не хотѣлъ взять ни письма, ни даровъ царскихъ; оставилъ ихъ въ Холмогорахъ, и вмѣстѣ съ медикомъ Робертомъ Якоби уѣхалъ изъ Россіи. Удивленный такою дерзостію, Теодоръ послалъ гонца Бекмапа къ королевѣ; жаловался на Бауса; снова предлагалъ ей дружбу, обѣщая милость купцамъ англійскимъ, съ условіемъ, чтобы и наши могли свободно торговать въ Англію. Сей гонецъ долго жилъ въ Лондонѣ, не видя Елисаветы; наконецъ увидѣлъ въ саду, гдѣ и вручилъ ей письмо государево. «Для чего нынѣшній царь (спросила королева) не любитъ меня? Отецъ его былъ моимъ другомъ; а Теодоръ гонитъ нашихъ купцовъ изъ Россіи».

Сношенія съ
Англіею и
Литвою.

Слыша отъ Бекмапа, что царь не гонитъ ихъ, но жалуетъ, и что они платятъ казнѣ вдвое менѣе иныхъ чужеземныхъ купцовъ въ Россіи, Елисавета написала въ отвѣтъ къ Θεодору. «Братъ любезнѣйшій! Съ неизъяснимою скорбію узнала я о преставленіи великаго государя, отца твоего, славныя памяти, и моего нѣжнѣйшаго друга. Въ его время смѣлые англичане, открывъ моремъ неизвѣстный дотолѣ путь въ отдаленную страну вашу, пользовались тамъ важными правами, и если обогащались, то не менѣе и Россію обогащали, благодарно хваляся покровительствомъ Иоанновымъ. Но имѣю утѣшеніе въ печали: гонецъ твой увѣрилъ меня, что сынъ достоинъ отца, наследовавъ его правила и дружество къ Англіи. Тѣмъ болѣе сожалѣю, что посоль мой Баусъ заслужилъ твое негодованіе: мужъ испытанный въ дѣлахъ государственныхъ, какъ здѣсь, такъ и въ иныхъ земляхъ, — всегда скромный и благоразумный. Удивляюсь, хотя и вѣрю твоимъ жалобамъ, которыя могутъ быть изъяснены досадами, сдѣланными ему однимъ изъ твоихъ совѣтниковъ думныхъ» (дьякомъ Щелкаловымъ), «явнымъ доброхотомъ гостей нѣмецкихъ. Но взаимная наша любовь не измѣнится отъ сей непріятности. Требуешь свободной торговли для купцовъ россійскихъ въ Англіи, чего никогда не бывало, и что несовмѣстно съ пользою нашихъ; но мы и тому не противимся, если ты исполнишь обѣщаніе Иоанново и дашь новую жалованную грамоту, для исключительной торговли въ своемъ царствѣ обществу лондонскихъ купцовъ, нами учрежденному, не позволяя участвовать въ ея выгодахъ

другимъ англичанамъ». Не весьма довольный отвѣтомъ Елисаветы, ни холоднымъ приѣмомъ Бекмана въ Лондонѣ, но желая сохранить полезную связь съ ея державою, царь велѣлъ (въ сентябрѣ 1585 года) ѣхать къ королевѣ англійскому купцу, Иерониму Горсею, чтобы объясниться съ нею удовлетворительнѣе, и выборомъ такого посланника доказать ей искренность нашего добраго расположенія. «Предѣлы Россіи,—писалъ Теодоръ къ Елисаветѣ съ Горсеемъ,—открыты для вольной торговли всѣхъ народовъ, сухимъ путемъ и моремъ. Къ намъ ѣздятъ купцы султановы, царскіе, нѣмецкіе, испанскіе, французскіе, литовскіе, персидскіе, бухарскіе, хивинскіе, шамахинскіе и многіе иные, такъ, что можемъ обойтись и безъ англичанъ, и въ удобность имъ не затворимъ дорогъ въ свою землю. Для насъ всѣ равны; а ты, слушаясь корыстолюбивыхъ гостей лондонскихъ, не хочешь равнять съ ними и другихъ своихъ подданныхъ! Говоришь, что у васъ никогда не бывало нашихъ людей торговыхъ—правда: ибо они и дома торгуютъ выгодно; слѣдственно могутъ и впредь не ѣздить въ Англію. Мы рады видѣть купцовъ лондонскихъ въ Россіи, если не будешь требовать для нихъ исключительныхъ правъ, несогласныхъ съ уставами моего царства». Сии Теодоровы мысли о вольной торговлѣ удивили англійскаго историка, Юма, который находилъ въ нихъ гораздо болѣе истины и проищанія, нежели въ Елисаветиныхъ понятіяхъ о купечествѣ.

Но Елисавета пастояла: извинаясь предъ Теодоромъ, что важныя государственныя дѣла мѣ

шали ей входить въ дальнія объясненія съ Бекманомъ, и что она видѣлась съ нимъ только въ саду, гдѣ обыкновенно гуляетъ и бесѣдуетъ съ людьми ближними, королева уже не требовала монополіи для купцовъ лондонскихъ; убѣждала царя единственно освободить ихъ отъ платежа тягостныхъ пошлинъ—и свѣдавъ отъ Горсея всѣ обстоятельства двора Московскаго, писала особенно къ царицѣ и къ брату ея, именуя первую любезнѣйшею кровною сестрою, а Годунова роднымъ пріятелемъ; славилась умъ и добродѣтель царицы; увѣдомляла, что изъ дружбы къ ней снова отпускаетъ въ Москву медика своего Якоби, особенно искуснаго въ цѣленіи женскихъ и родильныхъ болѣзней; благодарила Годунова за доброту къ англичанамъ, падаѣсь, что онъ, какъ мужъ ума глубокаго, будетъ и впредь ихъ милостивцемъ, сколько въ одолженіе ей, столько и для истинныхъ выгодъ Россіи. Такъ хитрила Елисавета—и не бесполезно: царица приняла ея ласковую грамоту съ любовью, Годуновъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ, и (въ 1587 году) далъ право англичанамъ торговать беспошлинно (лишивъ казну болѣе двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода), съ обязательствомъ: 1) не привозить къ намъ чужихъ издѣлій; 2) не разсылать закупщиковъ по городамъ, по лично самимъ мѣняться товарами; 3) не продавать ничего въ розницу, а только оптомъ: сукна, камки, бархаты кипами, вина кифами и проч.; 4) не отправлять людей своихъ сухимъ путемъ въ Англію безъ вѣдома государева; 5) въ тяжбахъ съ россиянами завесѣть отъ суда

царскихъ казначеевъ и дьяка посольскаго. Честолюбивый Борисъ не усомнился извѣстить королеву, что онъ доставилъ ей выгоды гостямъ лондонскимъ, чувствуя ея милость, и желаетъ всегда блюсти ихъ подъ своею рукою, въ надеждѣ, что они будутъ вести себя тихо, честно, безъ обмановъ, не мѣшая испанцамъ, французамъ, нѣмцамъ, ни другимъ англичанамъ торговать въ нашихъ пристаяхъ и городахъ: «ибо море океанъ есть путь Божій, всемірный, незаградимый». Здѣсь въ первый разъ видимъ вельможу россійскаго въ перепискѣ съ иноземнымъ вѣщеносцемъ, чего дотолѣ не терпѣла осторожная политика нашихъ царей. Въ то же время получивъ бумагу отъ министровъ Елисаветиныхъ, о разныхъ неумѣренныхъ требованіяхъ ихъ купечества, Годуновъ велѣлъ дьяку Щелкалову написать въ отвѣтъ, что все возможное для Англіи сдѣлано, а болѣе уже ничего не сдѣлается; что имъ стыдно беспокоить такого великаго человека суесловіемъ, и что шурину царскому, знатнѣйшему боярину великой державы Россійской, не прилично самому отвѣчать на бумагу нескромную. Высоко цѣня благосклонность славной королевы, и чувствительный къ ея лести, Годуновъ зналъ однакожь мѣру угожденія. Англичане старались низвергнуть непамятнаго для нихъ Щелкалова; но Борисъ, уважая его опытность и способности, ввѣрялъ ему всѣ дѣла иноземныя и далъ новое, знаменитое титуло дьяка ближняго.

Еще гораздо важнѣе и затруднителнѣе были для насъ сношенія съ Литвою, ибо Стефанъ, какъ

бы предчувствуя, что ему жить недолго, нетерпѣливо хотѣлъ довершить начатое: возвысить державу свою униженіемъ Россіи, и считая Ливонію только задаткомъ, а миръ отдохновеніемъ, мечталъ о возстановленіи древнихъ границъ Витовтовыхъ на берегахъ Угры. Посоль его Сапѣга, узнавъ въ Москвѣ о кончинѣ Иоанновой, сказалъ боярамъ, что онъ безъ поваго королевскаго наказа не можетъ видѣть поваго царя, ни говорить съ ними о дѣлахъ; ждалъ сего наказа три мѣсяца, и представленный Θεодору (22 іюня), объявилъ ему за тайну, будто бы въ знакъ искренняго доброджелательства, о намѣреніи султана воевать Россію—то есть, Баторій хотѣлъ испугать Θεодора и страхомъ расположить къ уступчивости противъ Литвы!.. Во время сего пышнаго, какъ обыкновенно, представленія царь сидѣлъ на тронѣ съ державою и скипетромъ; близь него стояли рынды въ бѣлой одеждѣ и въ златыхъ цѣпяхъ; у трона одинъ Годуновъ; всѣ иные вельможи сидѣли далѣе. Но послу оказали честь безъ ласки: не приглашенный Θεодоромъ къ обѣду, онъ съ сердцемъ уѣхалъ домой и не впустилъ къ себѣ чиповника съ блюдами стола царскаго. Начавъ переговоры, Сапѣга требовалъ, чтобы Θεодоръ далъ королю 120 тысячъ золотыхъ за нашихъ плѣнниковъ, освободилъ литовскихъ безъ выкупа, удовлетворилъ всѣмъ жалобамъ его подданныхъ на россіяпъ и не именовалъ себя въ государственныхъ бумагахъ ливонскимъ княземъ, если не желаетъ войны: ибо смерть Иоаннова, какъ думалъ Баторій, уничтожала договоръ Запольскій. Ему отвѣтствовали, что Θεодоръ, движимый един-

ственно челоуѣколюбіемъ, уже освободилъ 900 военнопленныхъ, поляковъ, вепгровъ, пѣмцевъ, въ день своего царскаго вѣнчанія; что мы ожидаемъ такого же христіанскаго дѣла отъ Стефана; что справедливыя жалобы литовскія не останутся безъ удовлетворенія; что сынъ Іоанновъ, паслѣдовавъ державу, паслѣдовалъ и титулъ отца, который именовался ливонскимъ. Въ слѣдствіе многихъ преній, Сапѣга заключилъ съ боярами мирное условіе только на десять мѣсяцевъ; а царь послалъ боярина, князя Теодора Михайловича Троекурова. и думнаго дворянина, Михайла Безнина, въ Варшаву, чтобы склонить короля къ истинному миролюбію. Но Стефанъ болѣе нежели когда нибудь хотѣлъ войны и чаялъ въ ней успѣха, свѣдавъ, что дѣлалось тогда въ Москвѣ, и съ прибавленіями, внушенными злобою.

Годуновъ, стараясь дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ заслуживать благодарность отечества, а ласками пріязнь главныхъ бояръ, спокойно властвовалъ 16 или 17 мѣсяцевъ, презиралъ недоброжелателей, имѣя въ рукѣ своей сердце государево, и снискавъ особенную дружбу двухъ знаменитѣйшихъ вельможъ, Никиты Романовича Юрьева и князя Ивана Теодоровича Мстиславскаго; одинъ правительствовалъ, но совѣтовался съ ними, удовлетворяя тѣмъ ихъ умѣренному честолюбію. Сія счастливая для него связь рушилась конечною Юрьева, ибо слабодушный князь Мстиславскій, хотя и названный отецъ Борисовъ, будучи обманутъ кознями враговъ его, Шуйскихъ, Боротынскихъ, Головиныхъ, присталъ къ нимъ, и, если вѣрить лѣтописцу, сдѣлался участникомъ

заговора, гнуснаго: хотѣли, чтобы онъ позвалъ Бориса на пирь и предалъ въ руки убойцы! Такъ сказали Годунову устроенные друзья его. свѣдавъ о злобомъ ковѣ; такъ сказавъ Годуновъ царю... Было ли законное слѣдствіе, розысканіе, неизвѣстно; знаемъ единственно, что князя Ивана Мстиславскаго, невольнаго постриженнаго, сослали въ обитель Кириловскую; Воротынскихъ, Головиныхъ въ мѣста дальнія; иныхъ заключили въ темницу; Шуйскихъ не коснулись: для того ли, что не могли обличить ихъ, или изъ уваженія къ ходатайству митрополита, связаннаго дружествомъ съ ними? Вообще не казнили смертію ни одного человѣка. Можетъ быть, Годуновъ опасался кровопролитіемъ напомнить ненавистныя времена Иоанновы; можетъ быть — что еще вѣроятнѣе — онъ каралъ единственно личныхъ своихъ недоброжелателей, распустивъ слухъ о мнимомъ злодѣйскомъ умыслѣ. Даже сынъ Мстиславскаго, князь Феодоръ Ивановичъ, остался въ Думѣ первымъ или старѣйшимъ бояриномъ. Не смотря на такую умѣренность въ наказаніи дѣйствительнаго или вымышленнаго преступленія, столица и дворъ были въ тревогѣ: ближніе, друзья опальныхъ страшались дальнѣйшей мести, и знатный чиновникъ, Михайло Головинъ, ушелъ изъ Медынской своей отчины къ Баторію, какъ бы въ оправданіе Годунова: ибо сей бѣглець-измѣнникъ, милостиво принятый въ Литвѣ, заклинали короля не мириться съ царемъ, увѣряя, что Москва и Россія въ безначаліи, въ неустройствѣ, отъ малоумія Феодорова и несогласія вельможъ; что

королю надобно только идти и взять все, ему удобное, въ нашемъ сиромъ, бѣдномъ отечествѣ, гдѣ никто не хочетъ ни воевать, ни служить государю. Баторій вѣрилъ, и холодно принявъ московскихъ пословъ, сказалъ имъ, что можетъ изъ снисхожденія дать намъ перемиріе на десять лѣтъ, если возвратимъ Литвѣ Новгородъ, Псковъ, Луки, Смоленскъ, землю Сѣверскую, и примолвилъ: «Отецъ Теодоровъ не хотѣлъ меня знать, но узналъ; сыну будетъ то же».

Послы доказывали безразсудность королевскаго требованія; ихъ не слушали. Тогда они употребили хитрость: во первыхъ, искусно разгласили, что Михайло Головинъ есть лазутчикъ, посланный къ Стефану московскими боярами; во вторыхъ, предложили вельможамъ короннымъ и литовскимъ заключить тѣсный союзъ между ихъ державою и Россіею для истребленія хана Крымскаго. Та и другая мысль имѣла счастливое дѣйствіе. Въ Варшавѣ перестали вѣрить Головину, разсуждая, что знатные россияне могли естественно уходить изъ отечества въ царствованіе жестокаго Иоанна, а не Теодора милосердаго; что сей мнимый бѣглець сорить деньгами, безъ сомнѣнія данными ему изъ казны царской для подкупа людей, и пелѣпо унижая Россію, будто бы готовую упасть къ ногамъ Стефановымъ, изблнчаетъ тѣмъ свою ложь; что король, обольщенный Давидомъ Бѣльскимъ, погубилъ многочисленное войско подъ стѣнами ужаснаго Пскова, и не долженъ быть новою жертвою легковѣрія; что онъ уже близокъ къ старости; что внезапная смерть можетъ исхитить мечъ, если и побѣдный, изъ рукъ неутоми-

маго вонтеля; что шумный сеймъ будетъ спорить о выборѣ Стефанова преемника, а сильный врагъ опустошать Литву; что лучше воспользоваться извѣстною слабостію Теодоровою для утвержденія съ московскими боярами искренняго, вѣчнаго союза между обоими государствами, независимо отъ жизни или смерти ихъ вѣнценосцевъ. Сіе мнѣніе одержало верхъ въ Думѣ королевской, такъ, что Троекуровъ и Безнптъ не только возвратились въ Москву съ новою мирною грамотою, срокомъ на два года, но король отправилъ къ намъ и своего посла чрезвычайнаго. съ предложеніемъ столь неожиданнымъ, что оно изумило совѣтъ царскій.

Посломъ былъ знаменитый мужъ, Михайло Габурда, давно извѣстный и пріятный двору Московскому совершеннымъ знаніемъ нашего языка, умомъ гибкимъ, вѣжливостію, а всего болѣе усердіемъ къ закону греческому. Онъ вручилъ боярамъ миролюбивыя, ласковыя письма отъ вельможъ королевскихъ, и въ тайной бесѣдѣ съ ними сказалъ: «Имѣя полную довѣренность отъ государя нашего, духовенства и всѣхъ мужей думныхъ, коронныхъ и литовскихъ, объявляю, что мы искренно хотимъ быть въ неразрывномъ союзѣ съ вашимъ отечествомъ и ревностно стоятъ противъ всѣхъ общихъ недруговъ. Для того оставимъ суетныя препія о городахъ и волостяхъ, коихъ ни вы намъ, ни мы вамъ не уступимъ безъ кровопролитія. Пусть каждый во вѣки вѣковъ безспорно владѣетъ тѣмъ, чѣмъ владѣетъ нынѣ! Ничего не требуемъ; не требуйте и вы!.. Слушайте далѣе. Мы съ вами братья единаго славянска-

го племени, отчасти и единой вѣры: для чего намъ не имѣть и единого властителя? Господь да продолжитъ лѣта обоихъ вѣнценосцевъ; по они смертные: мы готовы, въ случаѣ Стефановой кончины, присоединить великое княжество Литовское и Польшу къ державѣ Феодора (такъ, чтобы Краковъ считался наравнѣ съ Москвою, а Вильна съ Новымъгородомъ), если, въ случаѣ Феодоровой смерти, обяжетесь признать Стефана государемъ всей Россіи. Вотъ симый надежный способъ — и нѣтъ иного — утвердить тишину, незыблемое, истинное дружество между нашими государствами!» Бояре донесли царю, и, послѣ торжественнаго совѣщанія Думы съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, дали слѣдующій отвѣтъ: «Мы не дозволяемъ себѣ и мыслить о копчинѣ нашего великаго самодержца; не хотимъ даже предполагать и Стефановой; у васъ иное обыкновеніе, едва ли достохвальное: ибо пристойно ли послу ѣхать въ чужую землю за тѣмъ, чтобы говорить о смерти своего вѣнценосца? Устрашая сію непристойность, объявляемъ согласіе государя на миръ вѣчный». Но Гарабурда не хотѣлъ слышать о томъ безъ договора о соединеніи державъ, прибавивъ: «развѣ отдадите намъ и Новгородъ и Псковъ: ибо Стефанъ не удовольствуется ни Смоленскою, ни Сѣверскою областію». А нашъ государь — сказали ему бояре — не дастъ вамъ ни драгицы съ кровли. Можемъ обойтись безъ мира. Россія пынѣ не старая: берегите отъ ея руки уже не Ливонію, не Полоцкъ, а Влзьпу! Изъявивъ сожалѣніе, что наши вельможи и духовенство не вразумились въ мысль великую, добрую. Гара-

бурда откланялся царю, а послѣ боярамъ, которые особенно принимали его въ набережныхъ сѣняхъ, сидя на рундукѣ (гдѣ Борисъ занималъ четвертое мѣсто, уступая первенство князьямъ Мстиславскому, Ивану Петровичу Шуйскому, Дмитрію Ивановичу Годунову); дали ему руку, и письмо учтивое къ королевскимъ вельможамъ, сказавъ: «Ты былъ у насъ съ дѣломъ важнымъ, но ничего не сдѣлалъ. Ненавидя кровопролитіе, царь объяснится съ королемъ черезъ своего посла». Гарабурда уѣхалъ (30 апрѣля), а князь Троекуровъ вторично отправился къ Стефану (28 іюня) съ новымъ наказомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Баторій немедленно обнажилъ бы мечъ на Россію, если бы вельможные паны, особенно литовскіе, боясь разоренія земли своей, не противились его славолюбію и не грозили королю отказомъ сейма въ деньгахъ и въ людяхъ. Обольщенный успѣхами войны съ Іоанномъ, онъ только для вида и въ угодность вельможамъ спосился съ нами, будто бы желая мира, и нелѣпо предлагая Думѣ Царской отдать ему Россію по смерти Θεодора, въ то же время просилъ денегъ у Папы, чтобы идти къ Москвѣ, для себя завоевать пашу землю, а для Рима пашу церковь; іезуитъ Антоній былъ его ревностнымъ ходатаемъ (злобясь на россіянъ за худой успѣхъ своего посольства къ Іоанну), и Сикстъ V обаялся давать Стефану ежемѣсячно 25 тысячъ скудій для предпріятія столь великаго! Въ семъ расположеніи Стефанъ не думалъ слѣдовать примѣру Θεодорова милосердія: хваля безкорыстное освобожденіе литовскихъ плѣнниковъ, требовалъ

неумѣреннаго окуна за нашихъ; взявъ съ царя 54 тысячи рублей, отпустилъ нѣкоторыхъ, но удержалъ знатнѣйшихъ, и не хотѣлъ возвратить серебра, отнятаго въ Литвѣ у гостей московскихъ, которые ѣхали въ Грецію съ милостынею для поминовенія царевича Иоанна; не упималъ воеводъ своихъ, которые изъ Ливоніи, Витебска и другихъ мѣстъ посылали шайки разбойниковъ въ области Псковскую, Великолуцкую, Черниговскую; однимъ словомъ, явно искушалъ терпѣніе Россіи, чтобы произвести войну.

Троекуровъ нашелъ Стефана въ Гроднѣ, и вручилъ его папамъ грамоту нашихъ бояръ. Прочитавъ ее, папы изъявили сильное негодованіе. «Желая тишины (говорили они), мы, вопреки королю, предлагали вамъ условія искренняго братства, согласныя съ выгодами обѣихъ державъ; а вы, не отвѣтствуя на главное предложеніе, пишете, что царю угодно осчастливить короля миромъ, если уступимъ вамъ Кіевъ, Ливонію и все, что именуется древнею собственностію Россіи! То есть, мы кормимъ вельможъ московскихъ хлѣбомъ, а вельможи московскіе бросаютъ намъ камень! Отчего такая гордость? Развѣ мы не вѣдаемъ нипѣйшихъ жалкихъ обстоятельствъ вашей земли? У васъ есть царь; но какой? едва дышетъ, и бездѣтецъ: умѣетъ только молиться. Бояре въ смутахъ, пародъ въ волпещи, держава въ неустройствѣ, рать безъ усердія и безъ добрыхъ воеводъ. Знаемъ, что вы тайно сноситеся съ братомъ императора пѣмецкаго: какое ваше намѣреніе? можете ли найти защитника въ цесарѣ, когда онъ и себѣ худой защитникъ? Уже

многіе государи европейскіе мѣтятъ на васъ. Султанъ требуетъ Астрахани и Казани; ханъ съ огнемъ и мечемъ въ нѣдрахъ Россіи; народъ черемисскій бунтуетъ. Гдѣ умъ вашихъ бояръ? Отечество въ невзгодѣ, а они презираютъ наше доброжелательство и твердятъ, что царь готовъ стоять противъ всѣхъ недруговъ! Увидимъ. Доселѣ мы удерживали Стефана отъ исполненія клятвы, имъ данной при восшествіи на престолъ: клятвы отнять у Россіи все литовское, чѣмъ она завладѣла послѣ Витовта. Теперь не хотимъ досаждать ему пересказомъ вашихъ рѣчей бездѣльныхъ, но скажемъ: Иди на Россію, до береговъ Угры: вотъ наше золото, вотъ наши руки и головы!»

Князь Троекуровъ слушалъ хладнокровно, отвѣтствовалъ съ жаромъ: «Не мы, но вы суесловите, паны вельможные! Какія рѣчи, дерзостныя и пелѣныя! Царствованіе благодатное именуете невзгодою и бѣдствіемъ для Россіи! Видите гнѣвъ Божій, гдѣ мы видимъ одну милость небесную! А будущее извѣстно ли смертному? Вы не бесѣдовали со Всевышнимъ. Горе тому, кто злословитъ Вѣнценосца! Имѣемъ царя здраваго душею и тѣломъ, умнаго и счастливаго, достойнаго своихъ великихъ предковъ. Какъ отецъ, дѣдъ, прадѣдъ Θεодоровъ, такъ и Θεодоръ судитъ народъ, строитъ землю, любитъ тишину, но готовъ и разить недруговъ. Есть у него воинство, какого еще не бывало въ Россіи: ибо онъ милостивъ къ людямъ и жалуетъ ихъ щедро изъ казны своей; есть воеводы добліе, ревнители славы умереть за отечество. Такъ, Θεодоръ умѣетъ молиться, и Господь,

благоволя о небесной вѣрѣ его, конечно дастъ ему побѣду — и миръ, и благоденствіе, и чадъ возлюбленныхъ, да царствуетъ племя Св. Владиміра во вѣки вѣковъ! Пусть измѣнники оглашаютъ землю безстыднымъ лжесловіемъ о смутахъ вельможъ и неустройствѣ нашего царства: вѣтеръ клевету развѣваетъ. Не хотимъ уподобиться вамъ дерзостию и въ истинѣ: молчимъ о томъ, что видимъ въ Литвѣ и въ Польшѣ, ибо мы присланы не для раздора». Далѣе, сказавъ, что вельможи російскіе знаютъ только своего царя и не сносятся съ иноземными князьями; что султаны требуютъ не Астрахани, не Казани, а нашего дружества; что ханъ, помня 1572 годъ и князя Михаила Воротынского, не смѣетъ заглянуть и въ нашу Украину; что въ Россіи вездѣ тишина; что мы спокойно властвуемъ и въ отдаленной Сибири—на Кондѣ, въ Пелымскомъ Государствѣ, въ странѣ Пѣгихъ Колмаковъ и на Оби, гдѣ 94 города платятъ намъ дань — посолье заключилъ сими словами: «То ли называете невзгодою Россіи? Мира желаемъ, но не купимъ. Хотите ли войны? начинайте! Хотите ли добраго дѣла? говорите о дѣлѣ!»

Вступили въ переговоры. Царь соглашался не требовать Кіева, ни Волыніи, ни Подоліи, требуя для мира одной Ливоніи, по крайней мѣрѣ Дерпта, Нейгауза, Ацеля, Киремпе, Маріенбурга, Тарваста. «Къ чему такое великодушіе?» сказали паны князю Троекурову съ пасмѣшкою: «мы дозволяемъ вамъ отыскивать всей Литвы: завоюйте и возьмите!» Они вторично предложили соединить обѣ державы на вѣки вѣковъ, и для того съѣхаться

вельможамъ московскимъ съ королевскими на границѣ; а Троекуровъ изъяснялъ имъ, что царь не можетъ рѣшить столь важнаго дѣла безъ общей Земской Думы; что пужно не мало времени для призванія всѣхъ государственныхъ людей въ Москву изъ Новгорода, Казани, Астрахани, Сибири — и требовалъ должайшаго перемирія. «Въ Россіи нѣтъ обычая совѣтоваться съ землею», возражали паны: «Царь вздумаетъ, бояре скажутъ да, и дѣло сдѣлаю». Споривъ нѣсколько дней, утвердили перемиріе еще на два мѣсяца (отъ 3 іюня до августа 1588), чтобы въ теченіе сего времени съѣхаться великимъ посламъ съ обѣихъ сторонъ на рѣкѣ Иватѣ, между Оршею и Смоленскомъ, для условія о томъ, 1) «какъ царю жить въ любви братской съ Стефаномъ, и 2) какъ ихъ государствамъ быть подъ единою державою въ случаѣ Θεодоровой или Стефановой кончины, или 3) какими городами Литвѣ и Россіи владѣть безспорно, буде оцѣ не захотятъ соединиться». Хотя третья статья отнимала силу у второй; хотя въ самомъ дѣлѣ мы ничего не уступали и не вредили ни чести, ни безопасности государственной такими условіями, однако-жъ сей договоръ былъ подписанъ Троекуровымъ уже въ крайности, когда паны объявили ему отпускъ. Мы желали длить время, въ надеждѣ на будущее и видя доброе расположеніе къ миру въ землѣ непріятельской. Самъ архіепископъ Гнѣзненскій въ бесѣдѣ съ царскимъ чиновникомъ (Новосильцовымъ, посланнымъ тогда въ Вѣну), сказалъ ему, что Россія имѣетъ одного непримиримаго врага въ Литвѣ и въ Польшѣ, Ба-

торія, коему жить не долго; что у него открылись на ногѣ опасныя раны, и что медики не смѣютъ цѣлить ихъ, боясь тѣмъ ускорить его смерть; что Стефанъ не любимъ народомъ за безмѣрное славолубіе и за худое обхожденіе съ супругою; что и вельможи и дворянство хотятъ быть подъ рукою Теодора, зная христіанскія добродѣтели сего вѣнценосца, умъ и благость царицы, мудрость и высокія достоинства правителя, Бориса Теодоровича Годунова. «Сей мужъ знаменитый (продолжалъ архіепископъ) питалъ, утѣшалъ нашихъ плѣнниковъ, когда они еще сидѣли въ темницѣ, и давъ имъ свободу. милостиво угостилъ въ своихъ палатахъ, одаривъ каждого сукнами и деньгами. Слава его вездѣ разносится. Вы счастливы, имѣя нынѣ властителя Сравненіе Годунова съ Адашевымъ. подобнаго Алексѣю Адашеву, великому человекѣу, который управляетъ Россіею въ царствованіе Иоанново». Еще не довольный такимъ сравненіемъ, Новосильцовъ увѣрялъ, что Годуновъ превосходитъ Адашева и знаменитостію сана и глубокимъ разумомъ. — Однимъ словомъ, здравая политика нудила насъ удалять войну, сколько возможно. Еще Стефанъ бодрствовалъ духомъ и тѣломъ, отпуская князя Троекурова; величавый и гордый въ привѣтствіяхъ, съ видомъ суровымъ далъ ему руку; велѣлъ кланяться Теодору... и самъ заключилъ свои дѣянія въ отношеніи къ Россіи, которая ненавидѣла и чтила его, ибо онъ, враждуя намъ, исполнялъ законный долгъ, предписываемый государю пользою государства, и лучше легкомысленныхъ паповъ вѣдалъ невозможность истиннаго мира и

трудность соединенія королевства ихъ съ Царствомъ Московскимъ. Уже Баторій назначилъ день сейма въ Варшавѣ, чтобы утвердить будущую судьбу королевства заблаговременнымъ избраніемъ своего преемника, истинною и краснорѣчіемъ оживить въ сердцахъ любовь къ отечеству, ревность ко славѣ; накопецъ исторгнуть согласіе на войну съ Россією. Но судьба не благопріятствовала замысламъ великаго мужа, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Въ сихъ послѣднихъ сношеніяхъ съ Баторіемъ правительство наше имѣло еще особенную, тайную цѣль: хотѣло возвратить отечеству изгнанниковъ и бѣглецовъ Іоаннова царствованія, не столько изъ милосердія, сколько для государственной выгоды. Слыша, что нѣкоторые изъ нихъ желаютъ, но боятся ѣхать въ Россію, царь посылалъ къ нимъ милостивыя грамоты — именно къ князю Гаврилу Черкасскому, Тимоѣю Тетерину, Мурзѣ Купкееву, Девятому Кашкарову, къ самому измѣннику Давиду Бѣльскому (свойственнику Годунова) — обѣщая имъ забвеніе вины, чины и жалованье, если они съ раскаяніемъ и съ усердіемъ явятся въ Москвѣ, чтобы доставить намъ все пужныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Литвы, о видахъ и способахъ ея политики. Феодоръ прощалъ всехъ бѣглецовъ, кромѣ несчастнаго Курбскаго (вѣроятно, что его уже не было на свѣтѣ) и кромѣ новаго измѣнника, **Михаила Головина**; вывѣдавъ отъ него много тайнаго о Россіи, Баторій имѣлъ у насъ и собственныхъ лазутчиковъ, между купцами литовскими, для чего Феодоръ велѣлъ имъ торговать един-

ственно въ Смоленскѣ, запретивъ ѣздить въ Москву.

Стараясь удалить разрывъ съ Литвою, но ожидая его непрестанно, царь оказывалъ Переگیریе съ тѣмъ болѣе миролюбія и снисходительности въ дѣлахъ съ шведскимъ королемъ, чтобы вдругъ не имѣть двухъ непріятелей, однако-жь не забывая достоинства Россіи, чувствуя необходимость загладить ея стыдъ возвратомъ нашей древней собственности, похищенной шведами, и только отлагая войну до удобнѣйшаго времени. Свѣдавъ о кончинѣ Іоанновой, эстонскій намѣстникъ де-ла-Гарди спрашивалъ у новгородскаго воеводы, князя Василія Ѳеодоровича Шуйскаго-Скопина, хотимъ ли мы наблюдать договоръ, заключенный на берегу Плюсы, и будутъ ли наши послы въ Стокгольмѣ для условія о вѣчномъ мирѣ? Но въ письмѣ своемъ, какъ бы желая досадить царю, онъ назвалъ короля великимъ княземъ Ижорскимъ и Шелонскія Пятины въ землѣ русской. Ему отвѣчали, что Россія никогда не слыхала о шведскомъ великомъ князѣ Пятины Шелонской; что онъ (де-ла-Гарди) можетъ извиниться единственно невѣдѣніемъ государственныхъ обычаевъ, будучи иноземцемъ и пришлецомъ, удаленнымъ отъ двора и дѣль думныхъ; что царь исполняетъ договоръ отца своего, не любить бѣдствій войны и ждетъ пословъ шведскихъ, а своихъ не можетъ отправить въ Стокгольмъ. Колкость произвела брань. Де-ла-Гарди въ новомъ письмѣ къ Шуйскому говорилъ о старомъ невѣжествѣ, о безумной гордости россиянь, еще необразумленныхъ худыми ея слѣдствіями.

«Знайте (писалъ онъ), что меня не именуютъ чужеземцемъ въ высокохвальномъ королевствѣ шведскомъ: правда, не рѣдко удаляюсь отъ двора, но единственно для того чтобы учить васъ смиренію. Вы не забыли, думаю, сколько разъ мои знамена встрѣчались съ вашими, то есть, сколько разъ вы уклоняли ихъ предо мною и спасались бѣгствомъ?» Отвѣтомъ на сію непристойность было молчаніе презрѣнія. Еще благоразумнѣе и достохвальнѣе поступилъ Ѳеодоръ въ личномъ сношеніи съ королемъ Іоанномъ. Предлагая намъ не возобновлять гибельнаго кровопролитія, Іоаннъ въ грамотѣ къ царю употребилъ слѣдующее выраженіе: «отецъ твой, терзая собственную землю, питаясь кровію подданныхъ, былъ злымъ сосѣдомъ и для насъ и для всѣхъ иныхъ вѣнецъ». Сію грамоту Ѳеодоръ возвратилъ королю, велѣвъ сказать гошцу его, что къ сыну не пишутъ такъ о родителяхъ! Но слова не мѣшали дѣлу: бояринъ, князь Ѳеодоръ Дмитріевичъ Шестуновъ, и думный дворянинъ Игнатій Татищевъ, съѣхались (25 октября 1685) на устьѣ Плюсы, близъ Нарвы, съ шведскими знатными сановниками, Класомъ Тоттомъ, де-ла-Гарди и другими. Шведы требовали Новгорода и Пскова, а мы и взятыхъ ими городовъ Россійскихъ и всей Эстоніи, и семисотъ тысячъ рублей деньгами; смягчались, уступали съ обѣихъ сторонъ, и не могли согласиться. Шведы грозили намъ союзомъ съ Баторіемъ и панятіемъ ста тысячъ воиновъ; мы грозили имъ силою одной Россіи, прибавляя: «не имѣемъ нужды, подобно вамъ, закладывать города свои и панимать воиновъ: дѣйствуемъ соб-

ственными руками и головами». Последнія наши условія для мира, отвергнутыя шведами, состояли въ томъ, чтобы король возвратилъ намъ Иванъ-городъ, Яму, Копорье за 10,000 рублей или 20,000 венгерскихъ червонцевъ. Сказали: «да будетъ же война!» Но одумались, и въ декабрѣ 1585 года утвердили перемиріе на четыре года безъ всякихъ уступокъ, съ обязательствомъ вновь съѣхаться послать обѣихъ державъ въ августѣ 1586 года для соглашенія о мирѣ вѣчномъ. Во время сихъ переговоровъ надменный де-ла-Гарди утонулъ въ Наровѣ.

Еще двѣ державы европейскія находились тогда въ сношеніяхъ съ Теодоромъ: Австрія и Данія. Извѣстивъ Рудольфа Посольство въ Австрію. о своемъ воцареніи, онъ предлагалъ ему дружбу и свободную торговлю между ихъ государствами. Саповника московскаго, Новосильцова, честили въ Прагѣ, гдѣ жилъ императоръ; не только австрійскіе министры, но и легаты римскій, послы испанскій, венеціанскій, давали ему обѣды; спрашивали его о Востокѣ и Сѣверѣ, о Персіи, земляхъ Каспійскихъ и Сибири; славили могущество царя и хвалили разумъ посланника, дѣйствительно разумаго, какъ то свидѣлствуютъ его бумаги. Онъ доносилъ Боярской Думѣ, что Рудольфъ занимается болѣе своею великолѣпною колюшною, нежели правленіемъ, уступивъ тягостную для него власть умному вельможѣ Адаму Дитрихштейну; что императоръ, бѣдный казною, не стыдится платить дань султану, единственно на время удаляя тѣмъ грозу меча оттоманскаго; что состояніе Европы пе-

чально; что Австрія бѣдствуетъ въ мирѣ, а Франція въ войнѣ междуусобной; что Филиппъ II, подозрѣвая сына (Карлоса) въ умыслѣ на жизнь отца, думаетъ объявить наслѣдникомъ Испаніи Эрнеста, цесарева брата. Въ сихъ донесеніяхъ Новосильцовъ описываетъ и предметы гражданской жизни, плоды народнаго образованія, заведенія полезныя или пріятныя, имъ видѣнныя и неизвѣстныя въ Россіи, даже сады и теплицы, исполняя посольскій наказъ любопытнаго Годунова. Министры австрійскіе за тайну объявили ему желаніе утвердить союзъ съ Россіею, чтобы низвергнуть Баторія и раздѣлить его королевство; но сія мысль, излишне смѣлая для слабаго Рудольфа, осталась безъ дѣйствія: императоръ хотѣлъ послать къ царю собственнаго вельможу, и не сдержалъ слова, написавъ съ Новосильцовымъ единственно учтивое письмо къ Θεодору.

Фридерикъ, король датскій, бывъ въ явной не-
 возобновленіе дружбѣ съ Іоанномъ, спѣшилъ увѣ-
 дружества съ рить новаго царя въ искреннемъ до-
 Данією. брожелательствѣ; прислалъ въ Мос-
 кву знатнаго чиновника; писалъ съ нимъ, что все-
 мірная слава о христіанскомъ нравѣ и чув-
 ствѣ Θεодоровомъ даетъ ему надежду прекра-
 тить всѣ старыя неудовольствія и возобновить
 дружественныя связи съ Россіею, государствен-
 ныя и торговыя. Сіи связи дѣйствительно возоб-
 повились, и Данія уже не мыслила тревожить
 нашей морской сѣверной торговли, желая только
 участвовать въ ея выгодахъ.

Будучи въ мирѣ—по крайней мѣрѣ на время—
 съ христіанскою Европою, Россія, спокойная вну-

три, хотя и не страшилась, однакожь непрестанно береглась Тавриды. Магметъ-Гирей, общая союзъ и царю и Литвѣ, тайно сносясь съ Черемисою и явно посылая Дѣла Крымскія. толпы разбойниковъ въ наши юго-восточные предѣлы, палъ отъ руки брата, Исламъ-Гирея, который съ янычарскою дружиною и съ имепемъ хана прибылъ изъ Константинополя. Убійствомъ послѣдовавъ и тронъ и политику своего предмѣстника, Исламъ писалъ Теодору: «Отецъ твой купилъ миръ съ нами десятью тысячами рублей, сверхъ мѣховъ драгоцѣнныхъ, присланныхъ отъ васъ моему брату. Дай мнѣ еще болѣе — и мы раздавимъ литовскаго недруга: съ одной стороны мое войско, съ другой султанское, съ третьей ногаи, съ четвертой полки твои устремятся на его землю» — и въ то же время крымскія шайки, вмѣстѣ съ азовцами, съ ногаями Казыева Улуса, жгли селенія въ уѣздахъ: Бѣлевскомъ, Козельскомъ, Воротынскомъ, Мещевскомъ, Мосальскомъ. Думный дворянинъ Михайло Безнинъ, съ легкою конницею встрѣтилъ ихъ на берегу Оки, подъ Слободою Монастырскою, разбилъ на голову, отпаялъ плѣнниковъ, и получилъ отъ царя золотую медаль за свое мужество. Еще два раза крымцы, числомъ отъ тридцати до сорока тысячъ, злодѣйствовали въ Украинѣ: въ іюнѣ 1587 года они взяли и сожгли Кропивну. Воеводы московскіе били, гнали ихъ, слѣдомъ пепла и крови; не отходили отъ береговъ Оки; стояли въ Тулѣ, въ Серпуховѣ, ожидая самого хана. Таврида уподоблялась для насъ ядовитому гаду, который издыхаетъ, но еще язвитъ смертоноснымъ

жаломъ: ввергала огонь и смерть въ предѣлы Россіи, не взирая на свое изнуреніе и бѣдствія, коихъ она была тогда жертвою. Сыновья Магметъ-Гиреевы, Сайдетъ и Муратъ, изгнанные дядею (въ 1585 году), возвратились съ пятнадцатью тысячами ногаевъ, свергнули Исламъ-Гирея съ престола, взяли его женъ, казну, опустошили всѣ улусы. Сайдетъ назвался ханомъ; по Исламъ, бѣжавъ въ Кафу, черезъ два мѣсяца снова изгналъ племянниковъ, съ 4,000 султанскихъ воиновъ одержавъ надъ ними побѣду въ кровопролитной сѣчѣ; умертвилъ многихъ князей и мурзь, обвиняемыхъ въ измѣнѣ; окружилъ себя турками и далъ имъ волю насильствовать, убивать и грабить. Пользуясь сими обстоятельствами, царь предложилъ убѣжище изгнанникамъ Сайдету и Мурату; дозволилъ первому кочевать съ толпами погайскими близъ Астрахани; звалъ второго въ Москву, честилъ, обязалъ присягою въ вѣрности, и съ двумя воеводами отпустилъ въ Астрахань, гдѣ надлежало ему быть орудіемъ нашей политики и гдѣ встрѣтили его, какъ знаменитаго князя владѣтельнаго: войско стояло въ ружьѣ, въ крѣпости и въ пристани гремѣли пушки, били въ набаты и въ бубны, играли въ трубы и въ зурны. Въ семь древнемъ городѣ, наполненномъ купцами восточными, Муратъ явился съ великолѣпнѣмъ царскимъ: открылъ пышный дворъ; торжественно принималъ сосѣдственныхъ князей и пословъ ихъ; держа въ рукѣ хартію Феодорову съ златою печатію, именовалъ себя владыкою четырехъ рѣкъ: Дона, Волги, Яика и Терека, всѣхъ вольныхъ улусниковъ и казаковъ; хвалил-

ся растоптать Ислама и смирить надменнаго султана; говорилъ: «милостию и дружбою царя московскаго будемъ царями: братъ мой крымскимъ, я—астраханскимъ; для того великіе люди російскіе даны мнѣ въ услугу». Такъ говорилъ онъ своимъ единовѣрцамъ, а воеводу астраханскаго, князя Феодора Михайловича Лобанова-Ростовскаго, тайно убѣждалъ избавить его отъ строгаго, явнаго присмотра, дабы ногаи и крымцы имѣли къ нему болѣе довѣренности и не видали въ немъ раба московскаго: ибо Лобановъ и другіе воеводы, сохраняя пристойность, наблюдали за всѣми движеніями Мурата. Величаясь знаками наружнаго уваженія, онъ ѣздилъ въ мечеть сквозь ряды многочисленныхъ стрѣльцевъ, но не могъ ни съ кѣмъ объясняться безъ свидѣтелей. Между тѣмъ служилъ намъ ревностно: склопалъ ногаевъ къ тишинѣ и къ покорности; увѣрялъ, что царь единственно для ихъ безопасности и для обузданія хищныхъ казаковъ стронетъ города на Самарѣ и на Уфѣ; грозилъ огнемъ и мечемъ мятежному князю сей орды. Якшисату, за неприязнь къ Россіи, и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Сайдетомъ, готовился ударить на Тавриду, съ ногаями, казаками, черкесами, ожидая только Феодорова повелѣнія, пушекъ и десяти тысячъ обѣщанныхъ ему стрѣльцевъ для сего предпріятія.

Но царь медлилъ. Опасаясь Стефана гораздо болѣе, нежели Ислама, и не увѣренный въ мирѣ съ первымъ, онъ писалъ къ Мурату (въ февралѣ 1587 года): «Благопріятное время для завоеванія Тавриды еще не наступило: мы должны прежде усмирить инаго врага, сильнѣйшаго. Будь

готовъ съ вѣрными ногаями и казаками идти къ Вильнѣ, гдѣ встрѣтишься со мною; и когда управимся съ своимъ литовскимъ педругомъ, тогда легко востребимъ и вашего: поздравимъ Сайдетъ-Гирея ханомъ улусовъ крымскихъ». А къ Исламу приказывалъ государь въ сіе же время: «Ханъ Сайдетъ-Гирей, царевичъ Муратъ, князья ногайскіе, черкесскіе, шавкальскіе, тюменскіе и горскіе молятъ насъ о дозволеніи свергнуть тебя съ престола. Еще удерживаемъ ихъ на время, еще можемъ забыть твои разбои, буде искренно желаешь ополчиться на Литву, когда выйдетъ срокъ перемирія, заключеннаго нами съ ея властителемъ кровожаднымъ: ибо мы вѣрны слову и договорамъ. Я самъ поведу рать свою отъ Смоленска къ Вильнѣ: а ты съ главною силою иди въ Волынію, въ область Галицкую и далѣе; великой рати идти къ Путивлю, гдѣ она соединится съ нашею Сѣверскою, чтобы осадить Кіевъ, имѣя съ правой стороны мое войско астраханское, коему должно съ царевичемъ Муратомъ также вступить въ Литву. Испытавъ худыя слѣдствія впаденій въ Россію, испытай счастья союзомъ съ нею». Предвидя, что Сайдетъ, низвергнувъ Ислама, подобно ему сдѣлался бы для насъ атаманомъ разбойниковъ, и что мы промѣняли бы только одного варвара на другого. Θεодоръ обольщалъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ Крымскимъ ханствомъ, а хана ужасалъ ими, чтобы имѣть болѣе силы для войны съ Баторіемъ. Сія хитрость не осталась безъ дѣйствія: Исламъ, боясь племянниковъ, увѣрялъ Θεодора, что впаденія крымцевъ въ Россію происходили отъ своевольства нѣко-

торыхъ мурзъ, казненныхъ за то безъ милосердія; что онъ ждетъ московскаго посла съ Шертною грамотою, и наступитъ всѣми силами на Литву. Исламъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ своимъ улусникамъ, что имъ до времени лучше грабить Стефанову землю, нежели Теодорову!

Всего болѣе занимаясь Баторіемъ, Швеціею, Тавридою, мы видѣли опасность важную и съ другой стороны, будучи въ сосѣдствѣ съ державою страшною для цѣлой Европы, и конечно не имѣли пужды въ предостереженіяхъ австрійскаго двора, чтобы ожидать грозы съ береговъ Босфора. Трофеи султанскіе въ нашихъ рукахъ, замыселъ Солимановъ на Астрахань. бѣгство и гибель Селимовой рати въ пустыняхъ Каспійскихъ, не могли остаться безъ слѣдствія: вся хитрость московской политики должна была состоять въ томъ, чтобы удалить начало неминуемаго, ужаснаго боренія до временъ благопріятнѣйшихъ для Россіи, коей надлежало еще усилиться и внѣшними приобрѣтеніями и внутреннимъ образованіемъ. дабы вступить въ смертный бой съ сокрушителями Византійскаго царства. Такъ дѣйствовали Іоаннъ Великій, сынъ, внукъ его, умѣвъ даже иногда пріязню султановъ обуздывать и Крымъ и Литву; того хотѣлъ и Теодоръ, отправивъ (въ іюль 1584 года) посланника Благова въ Константинополь, извѣстить султана Посольство въ о восшествіи своемъ на престоль, Константинополь. объяснить ему миролюбивую систему Россіи, въ разсужденіи Турціи, и склонить Амурата къ дружественной связи съ нами. «Наши прадѣды (Іоаннъ и Баязеть)»—писалъ Теодоръ къ

султану—дѣды (Василій и Солиманъ), отцы (Іоаннъ и Селимъ) назывались братьями, и въ любви ссылались другъ съ другомъ: да будетъ любовь и между нами. Россія открыта для купцевъ твоихъ, безъ всякаго завѣта въ товарахъ и безъ пошлины. Требуемъ взаимности, и ничего болѣе». А посланнику велѣно было сказать пашамъ Амуратовымъ слѣдующее: «Мы знаемъ, что вы жалуетесь на разбой терскихъ казаковъ, мѣшающихъ сообщенію между Константинополемъ и Дербентомъ, гдѣ нынѣ султанъ властвуетъ, отнявъ его у шаха персидскаго. Отецъ государевъ, Іоаннъ, для безопасности черкесскаго князя, Темрюка, основалъ крѣпость на Терекѣ, но въ удовольствіе Селима вывелъ оттуда своихъ ратниковъ; съ сего времени живутъ въ ней казаки волжскіе, опасные бѣглецы, безъ государева вѣдома. Жалуетесь еще на утѣсненіе магометанской вѣры въ Россіи: но кого же утѣсняемъ? Въ сердцѣ московскихъ владѣній, въ Касимовѣ, стоятъ мечети и памятники мусульманскіе: царя Шигъ-Алея, царевича Кайбулы. Самнъ-Булатъ, сынъ Симеонъ, великій князь тверскій, принялъ христіанство добровольно, а на мѣсто его сдѣланъ царемъ касимовскимъ Мустафалей, закона Магометова, сынъ Кайбулипъ. Нѣтъ, мы никогда не гнали и не гонимъ иновѣрцевъ». Не имѣя приказа входить въ дальнѣйшія объясненія, Благовъ, честимый въ Константинополѣ наравнѣ съ господаремъ волошскимъ и болѣе посла венеціанскаго, не безъ труда убѣдилъ Амурата послать собственнаго чиновника въ Москву. Паша говорилъ: «Султанъ есть великій самодержецъ; послы его ѣздятъ только къ знаме-

нитымъ монархамъ: къ цесарю, къ королю французскому, испанскому, англійскому; ибо они имѣютъ съ нимъ важныя дѣла государственныя и присылаютъ ему казну или богатую дань; а съ вами у насъ одни купеческія дѣла». Благовъ отвѣтствовалъ: «Султанъ великъ между государями мусульманскими, царь великъ между христіанскими. Казны и дани не присылаемъ никому. Торговля важна для государствъ; могутъ встрѣтиться и другія дѣла важнѣйшія; но если султанъ не отправитъ со мною знатнаго чиновника въ Москву, то посламъ его уже никогда не видать очей царскихъ». Султанъ велѣлъ надѣть на Благова кафтанъ бархатный съ золотомъ и ѣхать съ нимъ въ Москву чаушу своему, Адзію-Ибрагиму, коего встрѣтили на берегахъ Дона воеводы россійскіе, высланные для безопасности его путешествія. Вручивъ Теодору письмо султанское (въ декабрѣ 1585), Ибрагимъ отказался отъ всякихъ переговоровъ съ боярами; а султанъ, называя Теодора королемъ московскимъ, изъявлялъ ему благодарность за добрую волю быть въ дружбѣ съ Оттоманскою имперіею, подтверждалъ свободу торговли для нашихъ купцевъ въ Азовѣ, и восточнымъ слогомъ превозносилъ счастье мира; но требовалъ въ доказательство искренней любви, чтобы царь выдалъ Ибрагиму измѣнника, Магметъ-Гиреева сына, Мурата, и немедленно унялъ донскаго атамана Кишкипа, злого разбойника азовскихъ предѣловъ. Видя, что система константинопольскаго двора въ отношеніи къ Россіи не измѣнилась—что султанъ не думаетъ о заключеніи дружественнаго, государственнаго договора

съ нею, желая единственно свободной торговли между обѣими державами, до перваго случая объявить себя нашимъ врагомъ, царь отпустилъ Ибрагима съ отвѣтомъ, что на Дону злодѣйствуютъ болѣе казаки литовскіе, нежели россійскіе; что атаманъ Кишкинъ отозванъ въ Москву, и товарищамъ его не велѣно тревожить азовцевъ; что о сынѣ Магметъ-Гиреевѣ, нашемъ слугѣ и присяжникѣ, будетъ наказано къ султану съ повымъ посломъ царскимъ. Но въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ мы уже никого не посылали въ Константинополь, и даже явно дѣйствовали противъ Оттоманской имперіи.

Въ самый день Ибрагимова отпуска (5 октября 1586) государь торжественно вступилъ въ обязательство, которое могло и долженствовало быть весьма неприятно для султана. Около ста лѣтъ мы не упоминали о Грузіи: въ сей несчастной землѣ, угнетаемой турками и персіянами, властвовалъ тогда князь или царь Александръ, который, приславъ въ Москву священника, монаха и наѣздника Царь Иверскій, черкесскаго, слезно молилъ Θεодора данинъ Россіи. Взять древнюю знаменитую Иверію подъ свою высокую руку, говоря: «Настали времена ужасныя для христіанства, предвидѣнныя многими боговдохновенными мужами. Мы, единовѣрные братья россіянгъ, стенаемъ отъ злочестивыхъ: единъ ты, вѣщепосецъ православія, можешь спасти нашу жизнь и душу. Бью тебѣ челомъ до лица земли со всѣмъ народомъ: да будемъ твои во вѣки вѣковъ!» Столь убѣдительно и жалостно предлагали Россіи новое царство, неодолимое для воинственныхъ древнихъ персовъ и маке-

донянь, блестящее завоеваніе Помпеево! Она взяла его: даръ опасный! ибо мы, господствомъ на берегахъ Кура, ставили себя между двумя сильными, воюющими державами. Уже Турція владѣла западною Иверіею и спорила съ шахомъ о восточной, требуя дани съ Кахетіи, гдѣ царствовали Александръ, и съ Карталиніи, подвластной князю Симеону, его зятю. Но дѣло шло болѣе о чести и славѣ нашего имени, нежели о существенномъ господствѣ въ мѣстахъ столь отдаленныхъ и едва доступныхъ для Россіи, такъ что Теодоръ, объявивъ себя верховнымъ владыкою Грузіи, еще не зналъ пути въ сію землю! Александръ предлагалъ ему основать крѣпости на Терекѣ, послать тысячь двадцать воиновъ на мятежнаго князя Дагестанскаго, Шавкала (или Шамкала), овладѣть его столицею, Тарками и берегомъ Каспійскаго моря открыть сообщеніе съ Иверіею чрезъ область ея данника, князька Сафурскаго. Для сего требовалось не мало времени и приготовленій: избрали другой, вѣрнѣйшій путь, чрезъ землю мирнаго князя Аварскаго; отправили сперва гонцевъ московскихъ, чтобы обязать царя и народъ иверскій клятвою въ вѣрности къ Россіи, а за гонцами послали и знатнаго сановника, князя Симеона Звенигородскаго, съ жалованною грамотою. Александръ, цѣлуя крестъ, клялся вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Иракліемъ, Давидомъ и Георгіемъ, вмѣстѣ со всею землею, быть въ вѣчномъ, неизмѣнномъ подданствѣ у Теодора, у будущиxъ его дѣтей и послѣдниковъ, имѣть однихъ друзей и враговъ съ Россіею, служить ей усердно до издыханія, присылать ежегодно въ Москву пять-

десять златотканыхъ вамокъ персидскихъ и десять ковровъ съ золотомъ и серебромъ, или, въ ихъ цѣну, собственныя узорочья земли Иверской, а Θεодоръ обѣщалъ всѣмъ ея жителямъ безстрашное пребываніе въ его державной защитѣ—и сдѣлалъ, что могъ.

Въ удовольствіе султана оставленный нами городокъ Терскій, нѣсколько времени служивъ дѣйствительно пристанищемъ для однихъ казаковъ вольныхъ, былъ немедленно исправленъ и занятъ дружинами стрѣльцевъ подъ начальствомъ воеводы, князя Андрея Ивановича Хворостинина, коему надлежало утвердить власть Россіи надъ князьями черкесскими и кабардинскими, ея присяжниками со временъ Іоанновыхъ, и вмѣстѣ съ ними блюсти Иверію. Другое астраханское войско смирило Шавкала, и завладѣло берегами Койсы. Доставивъ Александру снаряжь огнестрѣльный, Θεодоръ обѣщалъ прислать къ нему и мастеровъ искусныхъ въ литіи пушекъ. Ободренный надеждою на Россію, Александръ умножилъ собственное войско: собралъ тысячъ пятнадцать всадниковъ и пѣшихъ, вывелъ въ поле, строилъ, училъ, давалъ имъ знамена крестоносныя, епископовъ, монаховъ въ предводители, и говорилъ князю Звенигородскому: «Слава Россійскому Вѣнценосцу! Это не мое войско, а Божіе и Θεодорово». Въ сіе время наши оттоманскіе требовали отъ него запасовъ для Баки и Дербента: онъ не далъ, сказавъ: «я холопъ великаго царя московскаго!» и на возраженіе ихъ, что Москва далеко, а турки близко, отвѣтствовалъ: «Терекъ и Астрахань не далеко». Но Царская наша Дума благоразумно со-

вѣтовала ему манить султана и не раздражать до общаго возстанія Европы на Оттоманскую Имперію. Встревоженный слухомъ, что царевичъ Муратъ, будучи зятемъ Шавкаловымъ, мыслить измѣнить намъ, тайно ссылаясь съ тестемъ, съ погаями, съ вѣроломными князьями черкескими, чтобы внезапно овладѣть Астраханью и отдать ее султану, Александръ заклиналъ государя не вѣрить магометанамъ, прибавляя: «если что сдѣлается надъ Астраханью, то я кину свое бѣдное царство и побѣгу, куда несуть очи». Но князь Звенигородскій успокоилъ его. «Мы не спускаемъ глазъ съ Мурата (говорилъ опъ) и взяли аманатовъ у всѣхъ князей погайскихъ, Казыева Улуса и заволжскихъ. Султанъ съ ханомъ постыдно бѣжали отъ Астрахани (въ 1569 году); а нынѣ она еще болѣе укрѣплена и паолнена людьми воинскими. Россія умѣетъ стоять за себя и своихъ». Между тѣмъ, занимаясь государственною безопасностью Иверіи, мы усердно благотворили ей въ дѣлахъ вѣры: прислали ученыхъ іереевъ исправить ея церковные обряды, и живописцевъ для украшенія храмовъ святыми иконами. Александръ съ умиленіемъ повторялъ, что жалованная грамота царская упала ему съ неба и вывела его изъ тьмы на свѣтъ; что наши священники суть ангелы для духовенства иверскаго, омраченнаго невѣжествомъ. Въ самомъ дѣлѣ, славясь древностью христіанства въ землѣ своей, сіе несчастное духовенство уже забывало главные уставы вселенскихъ соборовъ и святыя обряды богослуженія. Церкви, большею частію на крутизнѣ горъ, стояли уединенны и пусты: осматри-

вая ихъ съ любопытствомъ, іереи московскіе находили въ нѣкоторыхъ остатки древней богатой утвари съ означеніемъ 1441 года: «Тогда»—изъянялъ имъ Александръ—«владѣлъ Иверією великій деспотъ Георгій; она была еще единымъ царствомъ; къ несчастію, праждѣ мой раздѣлилъ ее на три княжества и предалъ въ добычу врагамъ Христовымъ. Мы окружены невѣрными; но еще славимъ Бога истиннаго и царя благовѣрнаго». Князь Звенигородскій именемъ Россіи обѣщала свободу всей Иверіи, возстановленіе ея храмовъ и городовъ, коихъ онъ вездѣ видѣлъ развалины, упоминая въ своихъ донесеніяхъ о двухъ бѣдныхъ городкахъ, Крымѣ и Загемѣ, нѣкоторыхъ селеніяхъ и монастыряхъ. Съ того времени Θεодоръ началъ писаться въ титулѣ Государемъ земли Иверской, Грузинскихъ Царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей.

Возстановленіемъ Терской крѣпости и присвоеніемъ Грузіи досаждая султану, мы еще болѣе возбуждали его негодованіе дружбою съ Персією. Извѣстивъ Θεодора о своихъ мнимыхъ побѣдахъ

дѣла съ Персїею. Худабендѣ) предложилъ ему изгнать турковъ изъ Баку и Дербента, обязываясь уступить намъ въ вѣчное владѣніе сіи издавна персидскіе города, если и самъ возметъ ихъ. Чтобы заключить союзъ на такомъ условіи, Θεодоръ послалъ къ шаху (въ 1588 году) дворянина Васильчикова, который пашель Годабенда уже въ темницѣ: воцарился сынъ его, Мирза Аббасъ, свергнувъ отца. Но сія перемѣна не нарушила

добраго согласія между Россією и Персією. Новый шахъ, съ великою честію принявъ въ Казвинѣ сановника Феодорова, послалъ двухъ вельможъ, Бутакбека и Андибей, въ Москву, объявить царю, что уступаетъ намъ не только Дербентъ съ Баку, но и Таврисъ и всю Ширванскую землю, если нашимъ усерднымъ содѣйствіемъ турки будутъ вытѣснены оттуда; что султанъ предлагалъ ему миръ, желая выдать дочь свою за его племянника, но что онъ (Аббасъ) не хочетъ и слышать о семъ, въ надеждѣ на союзъ Россіи и вѣнценосца испанскаго, коего посоль находилъ тогда въ Персіи. Особенно представленные Годунову, вельможи шаховы сказали ему: «Если государи наши будутъ въ искренней любви и дружбѣ, то чего не сдѣлаютъ общими силами? Мало выгнать турковъ изъ персидскихъ владѣній: можно завоевать и Константинополь. Но такія великія дѣла совершаются людьми ума великаго: какая для тебя слава, мужъ знаменитый и достоинствами и милостію царскою, если твоими мудрыми совѣтами избавится міръ отъ насилія оттомановъ!» Имъ отвѣтствовали, что мы уже дѣйствуемъ противъ Амурата; что войско наше на Терекѣ и заграждаетъ путь султанскому отъ Чернаго моря къ персидскимъ владѣніямъ; что другое, еще сильнѣйшее, въ Астрахани; что Амуратъ велѣлъ было своимъ пашамъ идти къ морю Каспійскому, но удержалъ ихъ, свѣдавъ о новыхъ російскихъ твердыняхъ въ сихъ мѣстахъ опасныхъ, о соединеніи всѣхъ князей черкесскихъ и ногайскихъ. готовыхъ подъ московскими знаменами устремиться на турковъ. Съ симъ отпустили пословъ, ска-

завѣ, что наши выѣдутъ въ слѣдъ за ними къ шаху; но они еще не успѣли выѣхать, когда узнали въ Москвѣ о мирѣ Аббаса съ султаномъ.

Такъ дѣйствовала внѣшняя, и мирная и честолюбивая политика Россіи въ теченіе первыхъ лѣтъ Θεодорова царствованія или Годунова владычества, не безъ хитрости и не безъ успѣха, болѣе осторожно, нежели смѣло, — грозя и маня, обѣщая, и не всегда искренно. Мы не шли на войну, но къ ней готовились, вездѣ укрѣпляясь, вездѣ усиливая рать. Желая какъ бы певидимо присутствовать въ ея станахъ, Θεодоръ учредилъ дѣла внутрен- общіе смотры, избирая для того воин- ніи. скихъ царедворцевъ, способныхъ, опытныхъ, которые ѣздили изъ полка въ полкъ, чтобы видѣть исправность каждаго, оружіе, людей, устройство, и доносить государю. Воеводы, неуступчивые между собою въ зловредныхъ спорахъ о родовомъ старѣйшинствѣ, безъ прекословія отдавали себя на судъ дворянамъ, стольникамъ, дѣтямъ боярскимъ, представляющимъ лице государево въ сихъ смотрахъ.

Внутри царства все было спокойно. Правительство занималось новою описью людей и земель пашенныхъ, уравниемъ палоговъ, населеніемъ пустынь, строеніемъ городовъ. Въ 1584 году московскіе воеводы, Нащокинъ и Волоховъ, основали на берегу Двины городъ Архангельскъ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ монастырь сего

Основаніе имени и дворъ купцевъ англійскихъ. Архангельска. Астрахань, угрожаемую султаномъ и столь важную для нашихъ торговыхъ и государственныхъ дѣлъ съ Востокомъ, для обузданія по-

гаевъ, черкесскихъ и всѣхъ сосѣдственныхъ съ ними князей, укрѣпили каменными стѣнами. Въ Москвѣ, вокругъ Большого Посада, за-
Строеніе Бѣла-го или Царева города въ Москвѣ.
 ложили (въ 1586 году) Бѣлый или Царевъ городъ, начавъ отъ Тверскихъ воротъ (строителемъ онаго названъ въ лѣтописи русскій художникъ Кононъ Федоровъ), а въ Кремлѣ многія палаты: Денежный дворъ, приказъ Посольскій и Помѣстный, Большой приходъ, или казначейство, и дворецъ Казанскій. Упомянемъ здѣсь также о началѣ нынѣшняго Уральска. Около 1584 года шесть или семь сотъ волжскихъ казаковъ вы- брали себѣ жилище на берегахъ Яика. въ мѣстахъ привольныхъ для рыбной ловли; окружили его земляными укрѣпленіями, и сдѣлался ужасомъ ногаевъ, въ особенности князя Уруса, Измаилова сына, который непрестанно жаловался царю на ихъ разбой, и коему царь всегда отвѣтствовалъ, что они бѣглецы, бродяги, и живутъ тамъ самовольно; но Урусъ не вѣрилъ и писалъ къ нему: «Городъ столь значительный можетъ ли существовать безъ твоего вѣдома? Нѣкоторые изъ сихъ грабителей, взятые нами въ плѣнъ, именуютъ себя людьми царскими». Замѣтимъ, что тогдашнее время было самымъ цвѣтущимъ въ исторіи нашихъ донскихъ или волжскихъ казаковъ-витязей. Отъ Азова до Искера гремѣла слава ихъ удалства, раздражая султана, грозя хану, смиряя ногаевъ, утверждая власть московскихъ вѣнценосцевъ надъ Сѣверомъ Азіи.

Въ сихъ обстоятельствахъ, благоприятныхъ для величія и цѣлости Россіи, когда все доказывало

умъ и дѣятельность правительства, то есть, Годунова, онъ былъ предметомъ ненависти и злыхъ умысловъ, не смотря на всѣ его уловки въ искусствѣ обольщать людей. Споясь отъ лица своего съ монархами Азіи и Европы, мѣняясь дарами съ ними, торжественно принимая ихъ пословъ у себя въ домѣ, высококомѣрный Борисъ желалъ казаться скромнымъ: для того уступалъ первыя мѣста въ совѣтѣ инымъ старѣйшимъ вельможамъ, но, сидя въ немъ на четвертомъ мѣстѣ, однимъ словомъ, однимъ взоромъ и движеніемъ перста заграждалъ уста противорѣчію. Вымышлялъ отличія, знаки царской милости, чтобы плѣнять суетность бояръ, и для того ввелъ въ обыкновеніе званые обѣды, для мужей думныхъ, во внутреннихъ комнатахъ дворца, гдѣ Θεодоръ угощалъ вмѣстѣ и Годуновыхъ и Шуйскихъ, иногда не приглашая Бориса. Хитрость бесполезная! Кого великій бояринъ приглашалъ въ сіи дни къ своему обѣду, тому завидовали гости царскіе. Всѣ знали, что правитель оставляетъ Θεодору единственно имя царя—и не только многіе изъ первыхъ людей государственныхъ, но и граждане столицы изъявляли вообще нелюбовь къ Борису. Господство безпредѣльное въ самомъ достойномъ вельможѣ бываетъ противно народу. Адашевъ имѣлъ нѣкогда власть надъ сердцемъ Иоанновымъ и судьбою Россіи, но стоялъ смиренно за монархомъ умнымъ, пылкимъ, дѣятельнымъ, какъ бы исчезая въ его славѣ; Годуновъ самовластвовалъ явно и величался предъ трономъ, закрывая своимъ надменіемъ слабую тѣнь вѣнценосца. Жалѣли о ничтожности Θεодоровой и видѣли въ Го-

дуновѣ хищника правѣ царскихъ; помнили въ немъ Четово Монгольское племя и стыдились униженія Рюриковыхъ державныхъ наслѣдниковъ. Лъстецовъ его слушали холодно, непріятелей со вниманіемъ, и легко вѣрили имъ, что зять Малютинъ, временщикъ Иоанновъ, есть тиранъ, хотя еще и робкій! Самыми общественными благодѣянiями, самыми счастливыми успѣхами своего правленія онъ усиливалъ зависть, острилъ ея жало и готовилъ для себя бѣдственную необходимость дѣйствовать ужасомъ; но еще старался удалить сію необходимость: для того хотѣлъ мира съ Шуйскими, которые, имѣя друзей въ Думѣ и приверженниковъ въ народѣ, особенно между людьми торговыми, не переставали враждовать Годунову, даже открыто. Первосвяtitель Діонисій взялся быть миротворцемъ: свелъ враговъ въ своихъ палатахъ кремлевскихъ, говорилъ именемъ отечества и вѣры, тронулъ, убѣдилъ — такъ казалось — и Борисъ съ видомъ умиленія подалъ руку Шуйскимъ: они клялися жить въ любви братской, искренно доброхотствовать другъ другу, вмѣстѣ радѣть о государствѣ — и князь Иванъ Петровичъ Шуйскій съ лицомъ веселымъ вышелъ отъ митрополита на площадь къ Грановитой палатѣ извѣстить любопытный народъ о семъ счастливомъ мирѣ, — доказательство, какое живое участіе принимали тогда граждане въ дѣлахъ общественныхъ, уже имѣвъ время отдохнуть послѣ Грознаго! Всѣ слушали любимаго, уважаемаго героя Псковскаго въ тишинѣ безмолвія; но два купца, выступивъ изъ толпы, сказали: «Князь Иванъ Петровичъ! вы миритесь нашими голова-

ми: и намъ и вамъ будетъ гибель отъ Бориса!» Сихъ двухъ купцовъ въ ту же ночь взяли и сослали въ неизвѣстное мѣсто, по указу Годунова, который, желавъ миромъ обезоружить Шуйскихъ, скоро увидѣлъ, что они, не уступая ему въ лукавствѣ, подъ личиною мнимаго новаго дружелюбия оставались его лютыми врагами, дѣйствуя заодно съ инымъ, важнымъ и дотоле тайнымъ непріателемъ великаго боярина.

Хотя духовенство Россійское никогда сильно не изъясняло мірскаго властолюбія, всегда болѣе угождая, нежели противясь волѣ государей въ самыхъ дѣлахъ церковныхъ; хотя, со временъ Іоанна III, митрополиты наши въ разныхъ случаяхъ отзывались торжественно, что занимаются единственно устройствомъ богослуженія, христіанскимъ ученіемъ, совѣстію людей, спасеніемъ душъ: однакожь, присутствуя въ думахъ земскихъ, сзываемыхъ для важныхъ государственныхъ постановленій — не законодательствуя, но одобряя или утверждая законы гражданскіе — имѣя право совѣтовать царю и боярамъ, толковать имъ уставы Царя Небеснаго для земнаго блага людей — сіи іерархи участвовали въ дѣлахъ правленія соотвѣтственно ихъ личнымъ способностямъ и характеру государей: мало при Іоаннѣ III и Василии, болѣе во время дѣтства и юности Іоанна IV, менѣе въ годы его тиранства. Феодоръ, духомъ младенецъ, превосходя старцевъ въ набожности, занимаясь церковію ревностиѣ, нежели державою, бесѣдуя съ иноками охотиѣ, нежели съ боярами, какую государственную важность могъ бы дать сану первосвятительства, безъ руководства Году-

нова, при митрополитѣ честолюбивомъ, умномъ, сладкорѣчивомъ? ибо таковъ былъ Діонисій, прозванный мудрымъ грамматикомъ. Но Годуновъ не для того хотѣлъ державной власти, чтобы уступить ее монахамъ: честилъ духовенство, какъ и бояръ, только знаками уваженія, благосклонно слушалъ митрополита, рассуждалъ съ нимъ, но дѣйствовалъ независимо, досаждая ему непреклонностію своей воли. Симъ объясняется непріязненное расположеніе Діонисія къ Годунову и тѣсная связь съ Шуйскими. Зная, что правитель великъ царицею—думая, что слабодушный Теодоръ не можетъ имѣть и сильной привязанности, ни къ Борису, ни къ самой Иринѣ; что дѣйствіемъ внезапности и страха легко склонить его ко всему чрезвычайному—митрополитъ, Шуйскіе, друзья ихъ тайно условились съ гостями московскими, купцами, нѣкоторыми гражданскими и воинскими чиновниками имелемъ всей Россіи торжественно ударить челомъ Теодору, чтобы онъ развелся съ неплодною супругою, отпустивъ ее, какъ вторую Соломонію, въ монастырь, и взялъ другую, дабы имѣть наслѣдниковъ, необходимыхъ для спокойствія Державы. Сіе моленіе народа, будто бы устрашаемаго мыслию видѣть конецъ Рюрикова племени на тронѣ, хотѣли подкрѣпить волненіемъ черни. Выбрали, какъ пишутъ, и невѣсту,—сестру князя Теодора Ивановича Мстиславскаго, коего отецъ, низверженный Годуновымъ, умеръ въ Кирилловской обители. Написали бумагу; утвердили оную цѣлованіемъ креста... Но Борисъ, имѣя множество преданныхъ ему людей и лазутчиковъ, открылъ сей ужасный для него

заговоръ еще во время, и поступилъ, казалось, съ рѣдкимъ великодушіемъ: безъ гнѣва, безъ укоризнъ хотѣлъ усовѣститъ митрополита; представлялъ ему, что разводъ есть беззаконіе; что Теодоръ еще можетъ имѣть дѣтей отъ Ирины, цвѣтущей юностію, красотою и добродѣтелию; что во всякомъ случаѣ тронъ не будетъ безъ наслѣдниковъ, ибо царевичъ Димитрій живетъ и здравствуетъ. Обманутый, можетъ быть, сею кротостію, Діонисій извипялся, стараясь извинить и своихъ единомышленниковъ ревностною, боязливою любовію къ спокойствію Россіи, и далъ слово, за себя и за нихъ, не мыслить болѣе о разлученіи супруговъ нѣжныхъ; а Годуновъ, обѣщаясь не мстить ни виновникамъ, ни участникамъ сего кова, удовольствовался одною жертвою: несчастную княжну Мстиславскую, какъ опасную совмѣстницу Ирины, постригли въ монахини. Все было тихо въ столицѣ, въ Думѣ и при дворѣ! но не долго. Чтобы явно не нарушить даннаго обѣщанія, Годуновъ, лицемѣрно совѣстный, искалъ другого предлога мести, оправдываясь въ умѣ своемъ злобою враговъ непримиримыхъ, закономъ безопасности собственной и государственной, всѣми услугами, оказанными имъ Россіи и еще замышляемыми въ ревности къ ея пользѣ—искалъ, и не усомнился прибѣгнуть къ средству низкому, къ ветхому орудію Іоаннова тиранства: ложнымъ доносамъ. Слуга Шуйскихъ, какъ увѣряютъ, продалъ ему честь и совѣсть, явился во дворцѣ съ извѣтомъ, что они въ заговорѣ съ московскими купцами и думаютъ измѣнить царю. Шуйскихъ взяли подъ стражу; взяли и

друзей ихъ, князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Быкасовыхъ, многихъ дворянъ и купцовъ богатыхъ. Нарядили судъ, допрашивали обвиняемыхъ и свидѣтелей; людей знатныхъ и чиновныхъ не коснулись тѣлесно, купцовъ и слугъ пытали, безжалостно и бесполезно: ибо никто изъ нихъ не подтвердилъ клеветы доносчика—такъ говорилъ народъ; но судъ не оправдалъ судимыхъ. Шуйскихъ удалили, хваляся мило-^{Ссылки и казни.}сердіемъ и признательностію къ за-слугѣ героя Псковскаго: князя Андрея Ивановича, объявленнаго главнымъ преступникомъ, сослали въ Каргополь; князя Ивана Петровича, будто бы имъ и его братьями обольщеннаго, на Бѣлоозеро; у старшаго изъ нихъ, князя Василія Федоровича Скопина-Шуйскаго, отняли Каргопольское намѣстничество, но дозволили ему, какъ невинному, жить въ Москвѣ; другихъ заточили въ Буй-городокъ, въ Галичь, въ Шую; князя Ивана Татева въ Астрахань, Крюка-Колычева въ Нижній-Новгородъ, Быкасовыхъ и многихъ дворянъ на Вологду, въ Сибирь, въ разныя пустыни; а купцамъ московскимъ (участникамъ заговора противъ Ирины), Федору Нагаю съ шестью товарищами, отсѣкли головы на площади. Еще не трогали митрополита; но опъ не хотѣлъ быть робкимъ зрителемъ сей опалы, и съ великодушною смѣлостію, торжественно, предъ лицомъ Феодора назвалъ Годунова клеветникомъ, тираномъ, доказывая, что Шуйскіе и друзья ихъ гибнутъ единственно за доброе намѣреніе спасти Россію отъ алчнаго властолюбія Борисова. Такъ же смѣло обличалъ правителя и крутицкій архіепис-

скопъ Варлаамъ, грозя ему казнію небесною и не бояся земной, укоряя Θεодора слабостію и постыднымъ ослѣпленіемъ. Обоихъ, Діонисія и Варлаама, свели съ престола (кажется, безъ суда): перваго заточили въ монастырь Хутыинскій, второго въ Антоніевъ Новгородскій, посвятивъ въ митрополиты ростовскаго архіепископа Іова. Опасаясь людей, но уже не страшась Бога, правитель—такъ увѣряютъ лѣтописцы—велѣлъ удавить двухъ главныхъ Шуйскихъ въ заточеніи: боярина Андрея Ивановича, отличнаго умомъ, и знаменитаго князя Ивана Петровича... Спаситель Пскова и нашей чести воинской, мужъ безсмертный въ исторіи, коего великій подвигъ описанъ современниками на разныхъ языкахъ европейскихъ ко славу русскаго имепи, лаврами увѣнчанную главу свою предалъ срамной петлѣ въ душевной темницѣ

Жалостная или въ ямѣ! Тѣло его погребли въ
смерть героя обители св. Кирилла... Такъ начались
Шуйскаго. злодѣйства; такъ обнаружилось сердце

Годунова, упоенное прелестями владычества, раздраженное кознями враговъ, ожесточенное местью! Надѣясь страхомъ обузывать недоброжелательство, милостями умножать число приверженниковъ и мудростію въ дѣлахъ государственныхъ сомкнуть уста злословію, Борисъ дерзнулъ тогда же на обманъ вѣроломный и новую лютость. Мнимый, единственный въ исторіи король ливонскій, бѣдный Магнусъ, еще въ Іоанново время кончилъ жизнь въ Пильтенѣ, гдѣ вдовствующая супруга его, Марія Владиміровна, и двухлѣтняя дочь Евдокія оставались безъ имѣнія, безъ отчества, безъ друзей. Годуновъ призвалъ ихъ въ

Москву, обѣщая богатый удѣлъ и знаменитаго жениха юной вдовѣ Маріи; но предъ Судьба Магнундья будущее — опасаясь, чтобы, сова семейства. въ случаѣ Теодоровой и Димитріевой кончины, сія правнука Іоанна Великаго не вздумала, хотя и безпримѣрно, хотя и несогласно съ нашими государственными уставами, объявить себя наслѣдницею трона (коиъ опъ уже располагалъ въ мысляхъ)—Борись, вмѣсто удѣла и жениха, предоставлялъ ей на выборъ монастырь или темницу! Инокія неволею, Марія требовала одного утѣшенія: не быть разлученною съ дочерью, но скоро оплакала ея смерть неестественную, какъ думали, и еще жила лѣтъ восемь въ глубокой печали, съ горькими слезами вспоминая судьбу родителей, мужа и дочери. Сія двѣ жертвы подозрительнаго беззаконія, Марія и Евдокія, лежатъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, близъ того мѣста, гдѣ, внѣ храма, видимъ и смиренную, какъ бы опальную могилу ихъ гонителя, ни величіемъ, ни славою не спасеннаго отъ праведной мести небесной!

Но сія месть еще ожидала дальнѣйшихъ преступленій... Смиривъ дворъ опалою Шуйскихъ, духовенство сверженіемъ митрополита, а гражданъ столицы казнію зпатныхъ гостей московскихъ—окруживъ царя и заявлявъ Думу своими ближними родственниками, Годуповъ уже не видалъ никакого сопротивленія, никакой важной для себя опасности до конца Теодоровой жизни—или дремоты, ибо такъ можно назвать смиренную праздность сего жалкаго вѣнценосца, которую современники описываютъ слѣдующимъ образомъ:

«**Θеодоръ** вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра, и ждалъ духовника въ спальнѣ. **Θеодорова.** наполненной иконами. освѣщенной днемъ и ночью лампадами. Духовникъ приходилъ къ нему съ крестомъ, благословленіемъ, святою водою и съ иконою Угодника Божія, празднуемаго въ тотъ день церковію. Государь кланялся до земли, молился въ слухъ минутъ десять и болѣе: шелъ къ Ирилѣ, въ ея комнаты особенныя, и вмѣстѣ съ нею къ заутренѣ; возвратясь, садился на креслахъ въ большой горницѣ, гдѣ присутствовали его съ добрымъ днемъ нѣкоторые ближніе люди и молахи; въ 9 часовъ ходилъ къ литургіи, въ 11 обѣдалъ, послѣ обѣда спалъ не менѣе трехъ часовъ; ходилъ опять въ церковь къ вечернѣ, и все остальное время до ужина проводилъ съ царицею, съ шутами и съ карлами, смотря на ихъ кривлянья или слушая пѣсни—иногда же любуясь работою своихъ ювелировъ, золотарей, швецовъ, живописцевъ; ночью, готовясь ко сну, опять молился съ духовникомъ и ложился съ его благословеніемъ. Сверхъ того всякую педѣлю посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы, и въ праздничные дни забавлялся медвѣжьею травлею. Иногда челобитчики окружали **Θеодора** при выходѣ изъ дворца: избывая мірскія суеты и докуки, онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ **Борису!**»

Внутренно радуясь сему уничижительному бездѣйствію царя, хитрый **Годуновъ** тѣмъ болѣе старался возвысить **Ирину** въ глазахъ россиянь, однимъ ея державнымъ именованіемъ, безъ **Θеодорова**, издавая милостивые указы, прощая, жалуетъ, утѣ-

шая людей, чтобы общемо къ ней любовію, соединенною съ уваженіемъ и благодарностію народа, утвердить свое настоящее величіе и приготовить будущее.

1587 — 1592.

Г Л А В А II.

Смерть Баторія.—Важные переговоры съ Литвою.—Перемиріе.—Сношенія съ Австрією и съ Тавридою.—Война Шведская.—Новое перемиріе съ Литвою. Величіе Годунова.— Учрежденіе патриаршества въ Россіи.—Замысль Годунова.—Убіеніе царевича Дмитрія.—Пожаръ въ Москвѣ.— Нашествіе хана и битва подъ Москвою.—Новый санъ Годунова.—Донской монастырь.—Клевета на правителя и мечь его.— Милосердіе и слава Годунова.— Беременность Ирины.—Рожденіе и кончина царевны Феодосіи.

12 декабря 1586 года скончался Стефанъ Баторій (или отъ яда или отъ неискusstва Смерть Баторія. врачей, какъ думали), одинъ изъ знаменитѣйшихъ вѣнцесосцевъ въ мірѣ, одинъ изъ опаснѣйшихъ злодѣевъ Россіи, коего смерть болѣе обрадовала насъ, нежели огорчила его державу, ибо мы боялись увидѣть въ немъ новаго Гедимина, новаго Витовта, а Польша и Литва неблагодарныя предпочитали дешевое спокойствіе драгоценному величію. Если бы жизнь и геній Баторія не угасли до кончины Годунова, то слава Россіи могла бы навѣки померкнуть въ самомъ пер-

вомъ десятилѣтїи новаго вѣка: столь зависима судьба государствъ отъ лица и случая, или отъ воли Провидѣнія!

20 декабря Боярская Дума получила изъ разныхъ мѣстъ извѣстїе о смерти короля, хотя еще и не совсѣмъ достовѣрное: воеводы наши съ литовской границы писали о томъ къ царю, какъ о слухѣ, прибавляя, что вельможные паны мыслятъ избрать себѣ въ государя Стефанова брата, князя Седмиградскаго или шведскаго королевича, Сигизмунда, или его (Теодора). Честь и польза сего возможнаго соединенїя трехъ державъ казались Годунову очевидными: немедленно послали дворянина, Елизарїя Ржевскаго, въ Литву, удостовѣриться въ Стефановой кончинѣ, изъяснить панамъ важныя перего- участїе въ ихъ горести и предложить вѣры съ Литвою. имъ избранїе царя въ короли. Ржевскїй возвратился изъ Новагородка съ благодарнымъ письмомъ литовскихъ вельможъ; по они не хотѣли входить въ переговоры, сказавъ, что дѣло столь великое будетъ рѣшено Сеймомъ въ Варшавѣ, куда царь долженъ прислать своихъ пословъ; тайно же дали чувствовать Ржевскому, что Теодоръ и бояре московскїе пишутъ къ нимъ слишкомъ холодно, не слѣдуя примѣру императора, Франціи и Швеціи, которые осыпаютъ ихъ (пановъ) не только ласковыми словами, но и дарами богатыми. Между тѣмъ Польша и Литва были въ сильномъ волненїи; страсти кипѣли; вельможки и дворянство раздѣлились: одни держали сторону Замойскаго, сподвижника Стефанова; другїе Зборовскихъ, враговъ Баторїя, такъ, что они въ торжественныхъ собранїяхъ обнажали мечи

на усердныхъ читателей его славной памяти. Обѣ стороны ждали Сейма какъ битвы: ополчались, нанимали воиновъ, имѣли стражу и станы въ полѣ. Но смежная съ нами Литва опасалась Россіи: для того знатные послы, вельможи Черниковскій и князь Огипскій, прибыли въ Москву (6 апрѣля), и молили Теодора утвердить новою записью перемиріе съ ихъ сиротствующею державою до конца 1588 года. Охотно заключая сей договоръ, бояре сказали имъ, что отъ вельможъ коронныхъ и литовскихъ зависитъ счастье и бѣдствоіе отечества: счастье, если поддадутся великому монарху Россіи; бѣдствоіе, если вновь обратятся къ Седмиградскому варвару или къ тѣни Шведскаго королевства. «Вы уже имѣли Баторія на престолѣ (говорили они), и съ нимъ войну, разореніе, стыдъ: ибо руками своего вѣщценосца платили дань султану. Можно ли ожидать великодушія отъ пришельца, низкаго родомъ и духомъ, алчнаго единственно къ корысти и безжалостнаго къ христіанству? Въ его ли сердцѣ обитаетъ святая любовь, безъ коей и власть двигать горы, по выраженію апостола, есть ничто? Не въ угодность ли оттоманамъ хотите избрать и шведскаго королевича? Безъ сомнѣнія, угодите имъ: ибо они радуются междоусобію христіанъ; а кровопролитіе неминуемо, если Сигизмундъ съ ненавистію къ Россіи сядетъ на престолъ Ягеллоновъ. Монарха нашего вы уже знаете, равно великаго и милосердаго; знаете, что первымъ дѣйствиємъ его вѣцаренія было безкорыстное освобожденіе вашихъ плѣнниковъ,—великодушіе непонятное для Баторія, ибо онъ торговалъ россійскими плѣнни-

ками до конца дней своихъ. Баторій въ могилѣ, и Феодоръ не радуется, не мыслить о мести, но изъявляетъ вамъ сожалѣніе и предлагаетъ способъ навѣки успокоить Литву съ Польшею; желаетъ королевства не для умноженія силъ и богатства державы своей (ибо силенъ и богатъ Россію), но для защиты васъ отъ невѣрныхъ; не хочетъ никакихъ прибытковъ; уступитъ панамъ и рыцарству все, что земля королю платила, дастъ имъ сверхъ того помѣстья въ новыхъ російскихъ владѣніяхъ, и собственною казною воздвигнетъ крѣпости на берегахъ Днѣпра, Донца и Дона, чтобы нога оттомановъ и крымцевъ не топтала ни Кіевской, ни Волынской, ни Подольской области. Цари невѣрные опустятъ руки; заключенные въ своихъ предѣлахъ, едва ли и въ нихъ удержатся. Россія возьметъ для себя Азовъ, Кафу, ханство Крымское; для васъ земли Дунайскія. Многочисленные воинства ожидаютъ слова государева, чтобы устремиться.... на кого? рѣшите.... на враговъ ли христіанства, если будете имѣть единого монарха съ нами, или на Литву и на Ливонію, если предпочтете намъ шведовъ. Думайте не о дружбѣ султана: ибо какое согласіе между свѣтомъ и тьмою, какое общеніе вѣрному съ невѣрнымъ? думайте о славѣ и побѣдѣ. Что мѣшаетъ нашему братству? закоренѣлая ваша, по грѣхамъ, ненависть къ Россіи. Обратимся къ любви: все зависитъ отъ начала, и малый огонь производитъ великій пламень. Государь Россійскій, обѣщая вамъ безопасность и величіе, не требуетъ отъ васъ ничего, кромѣ ласки. Послы убѣждали царя отправить на Сеймъ кого нибудь изъ вель-

можь своихъ, и два боярина, Степанъ Васильевичъ Годуновъ, князь Федоръ Михайловичъ Троекуровъ, съ знатнымъ дьякомъ Василемъ Щелкаловымъ, немедленно выѣхали изъ Москвы въ Варшаву, имѣя полную довѣренность государеву и 48 писемъ къ духовнымъ и къ свѣтскимъ, короннымъ и литовскимъ сановникамъ, но безъ даровъ. Федоръ предлагалъ Сейму слѣдующія условія:

1) Государю Россійскому быть королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, а народамъ обѣихъ державъ соединиться вѣчною, неразрывною пріязнью.

2) Государю Россійскому воевать лично, и всѣми силами. Оттоманскую имперію, низвергнуть хана крымскаго, посадить на его мѣсто Сайдетъ-Гирея, слугу Россіи, и заключивъ союзъ съ цесаремъ, королемъ испанскимъ, шахомъ персидскимъ, освободить Молдавію, землю Волошскую, Боснію, Сербію, Венгрію отъ ига султанскаго, чтобы присоединить оныя къ Литвѣ и Польшѣ, коихъ войско въ семь случаевъ будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россійскимъ.

3) Рать московская, казанская, астраханская, безъ найма и платы будетъ всегда готова для защиты Литвы и Польши.

4) Государю не измѣнять ни въ чемъ ихъ правъ и вольностей безъ приговора Вельможной Думы; она располагаетъ независимо казною и всѣми доходами государственными.

5) Россіянамъ въ Литвѣ и Польшѣ, литовцамъ и полякамъ въ Россіи, вольно жить и совокупляться бракомъ.

6) Государь жалуетъ земли бѣднымъ дворянамъ литовскимъ и польскимъ на Дону и Донцѣ.

7) Кому изъ ратныхъ людей Стефанъ Баторій остался долженъ, тѣмъ платитъ государь изъ собственной казны, до ста тысячъ золотыхъ монетъ венгерскихъ.

8) Деньги, которыя шли на содержаніе крѣпостей, уже не пужныхъ, между Литвою и Россією, употребить обѣимъ державамъ на войну съ невѣрными.

9) Россія, изгнавъ шведовъ и датчанъ изъ Эстоніи, уступить всѣ города ея, кромѣ Нарвы, Литвы и Польшы.

10) Купцамъ литовскимъ и польскимъ открытъ свободный путь во всѣ земли государства Московскаго, и чрезъ оныя въ Персію, въ Бухарію и другія восточныя страны, также моремъ къ устью Двины, въ Сибирь и въ великое Китайское государство, гдѣ родятся камни драгоцѣпные и золото.

Въ письменномъ наставленіи, данномъ посламъ, достойна замѣчанія статья о царевичѣ Дмитріи, гдѣ сказано: «если паны упомянутъ о юномъ братѣ государевомъ, то изъяснить имъ, что онъ младенецъ, не можетъ быть у нихъ на престолѣ и долженъ воспитываться въ своемъ отечествѣ». Правитель готовилъ ему иную долю.

Нѣтъ сомнѣнія, что Феодоръ, подобно отцу и дѣду, искренно хотѣлъ королевскаго сана, чтобы соединить державы, искони враждебныя, узами братства, предлагая Вельможной Думѣ условія выгодныя, съ обѣщаніями лестными, съ надеждами блестящими, — жертвуя милліономъ нынѣш-

нихъ рублей, и въ противность главному Іоаннову требованію соглашаясь быть королемъ избраннымъ, съ властію ограниченою, безъ всякаго наслѣдственнаго права для его дѣтей или рода. Дѣйствительно ли мыслилъ царь, или правитель, ополчиться на султана, чтобы завоеваніемъ богатыхъ земель дунайскихъ усилить Литву и Польшу, которыя могли впредь имѣть особенныхъ властителей и снова враждовать Россіи? Но онъ для такого важнаго предпріятія ставилъ въ условіе союзъ императора, Испаніи, Персіи, и не входилъ въ обязательство рѣшительное, прельщая воображеніе пановъ мыслию смѣлою и великою. Готовый повидимому къ уступчивости и снисхожденію для успѣха въ своемъ исканіи, Теодоръ оказалъ и хладнокровную непреклонность, когда Сеймъ безразсудно потребовалъ отъ него жертвъ несомнѣстныхъ съ православіемъ, достоинствомъ и пользою Россіи.

Бояръ нашихъ, Степана Годунова и князя Троекурова, именовъ Польской Думы остановили (12 іюля) въ селѣ Окуневѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Варшавы, сказавъ имъ, что для нихъ нѣтъ безопаснаго мѣста въ столицѣ, исполненной неистовыхъ людей воинскихъ, мятежа и раздоровъ. Такъ было дѣйствительно. Духовенство, вельможи, рыцарство или шляхта не могли согласиться въ избраніи короля: Замойскій и друзья его, въ угодность вдовствующей супругѣ Баторіевой, предлагали шведскаго принца, Сигизмунда, сына ея сестры; Зборовскіе — австрійскаго герцога, Максимилиана; паны литовскіе и примасть, архіепископъ Гнѣзненскій, — Теодора; а султанъ, до-

брокотствуя Стефанову брату, грозилъ имъ войною, если они, вмѣсто его, выберутъ Максимилиана или царя московскаго, враговъ Оттоманской имперіи. Такъ называемое рыцарское кѣло, мѣсто шумныхъ совѣщаній, представляло иногда зрѣлище битвы: толпы вооруженныхъ стрѣляли другъ въ друга. Наконецъ условились благоразумно прекратить междоусобіе и выставить въ полѣ три знамени: россійское, цесарское, шведское, чтобы видѣть подъ каждымъ число избирателей, и тѣмъ рѣшить большинство голосовъ. Знаменемъ Теодоровымъ была московская шапка, австрійскимъ шляпа нѣмецкая, шведскимъ сельдь — и первое одержало верхъ: подъ нимъ стеклося такое множество людей, что друзья Австріи и шведовъ, видя свою малочисленность, отъ стыда присоединились къ нашимъ. Но сіе блестящее торжество россійской стороны оказалось безплоднымъ, когда дѣло дошло до условій.

4 августа, духовенство, сенаторы, дворянство обѣихъ соединенныхъ державъ съ великою честью приняли Годунова и Троекурова въ рыцарскомъ колѣ; выслушали предложенія Теодоры, и желая дальнѣйшихъ объясненій, избрали 15 вельможъ, духовныхъ и свѣтскихъ, коимъ надлежало съѣхаться для того съ нашими послами въ селѣ Каменцѣ, близъ Варшавы. Тамъ, къ удивленію Годунова и Троекурова, сіи депутаты встрѣтили ихъ слѣдующими неожиданными вопросами: «Соединить ли государь московскій Россію съ королевствомъ такъ, какъ Литва соединилась съ Польшею, навѣки и неразрывно? приступитъ ли къ вѣрѣ римской? будетъ ли послушенъ намъ-

стнику Апостольскому? будетъ ли вѣнчаться на королевство и приобщится ли Святыхъ Таинъ въ латинской церкви, въ Краковѣ, отъ архіепископа Гнѣзненскаго? будетъ ли въ Варшавѣ чрезъ 10 недѣль? и напишетъ ли въ своемъ титулѣ королевство Польское выше царства Московскаго?» Бояре отвѣтствовали: «1) Государь желаетъ навѣки соединить Литву и Польшу съ Россіею такъ, чтобы онѣ всѣми силами помогали другъ другу въ случаѣ непріятельскаго нападенія, и чтобы ихъ жители могли свободно ѣздить изъ земли въ землю: литовцы къ намъ, россияне въ Литву, съ дозволенія государя; 2) Онъ родился и будетъ жить всегда въ греческой православной вѣрѣ, слѣдую святымъ обрядамъ ея; вѣнчаться на королевство долженъ въ Москвѣ, или въ Смоленскѣ, въ присутствіи вашихъ чиновъ государственныхъ; обязывается чтить Папу и не мѣшать дѣйствию его власти надъ духовенствомъ польскимъ, но не допустить его мѣшаться въ дѣла греческой церкви; 3) царь придетъ къ вамъ, когда успеетъ; 4) Корона Ягайлова будетъ подъ шапкою Мономаха, и титулъ Теодоровъ: царь и великій князь всея Россіи, владимірскій и московскій, король польскій и великій князь литовскій. Если бы и Римъ старый и Римъ новый, или царствующій градъ Византія, приложились къ намъ, то и древяго, славнаго ихъ имени государь не поставилъ бы въ своемъ титулѣ выше Россіи».

«И такъ Теодоръ не желаетъ быть нашимъ королемъ», возразили пань: «отказываетъ рѣшительно, обѣщаетъ неискренно; пишетъ, напримѣръ,

что его войско готово защитить насъ отъ султана: турки обыкновенно впадаютъ въ нашу землю изъ Молдавіи съ Дуная, изъ Трансильваніи, отъ Бѣлагорода; а войско московское далеко, еще далѣе астраханское и казанское. Султанъ, цесарь, шведы грозятъ намъ войною въ случаѣ, если изберемъ короля не по ихъ желанію: что же дастъ намъ царь, и сколько денегъ будетъ давать ежегодно для содержанія рати? ибо у насъ довольно своихъ людей, московскихъ не требуемъ. Деньги нужны и для того, чтобы усилить сторону вашихъ доброжелателей на Сеймѣ. Знаете ли, что императоръ за избраніе Максимилиана обязывается тотчасъ прислать Вельможной Думѣ 600 тысячъ золотыхъ и ежегодно присылать столько же въ теченіи шести лѣтъ; а король испанскій 800 тысячъ и столько же ежегодно въ теченіе осьми лѣтъ?» — Послы сказали: «У царя готово многочисленное легкое войско для вашей защиты: казаки волжскіе, донскіе, и самые крымцы: ибо ханомъ ихъ будетъ присяжникъ государевъ, Сайдетъ-Гирей. Царь намѣренъ помогать вамъ и казною, но безъ всякаго обязательства. Хвалитесь щедростію Австріи и короля испанскаго; но разсудите, что благовѣрный царь желаетъ вѣнца королевскаго не для своей пользы и чести, а единственно ради вашего спокойствія и величія. Сколько лѣтъ христіанская кровь лилася въ битвахъ россіянъ съ Литвою? Государь мыслить навѣки удалить сіе бѣдствіе; а вы, паны, не думая о томъ, вѣсите золото испанское и австрійское! Да будетъ, какъ вамъ угодно; и если казна для васъ милѣ покоя христіанскаго, то знайте, что государь не

хочетъ быть купцомъ, и за деньги ему не надобно доброжелателей, ни вашего королевства; не хочетъ питать сребролюбія людей безчувственныхъ ко благу отечества и вооружать ихъ другъ на друга въ мятежныхъ распряхъ Сейма: ибо не любить ни дракъ, ни беззаконія».

Сія твердость произвела сильное дѣйствіе въ депутатахъ: они встали, нѣсколько минутъ разсуждали между собою тихо, и наконецъ съ досадою объявили посламъ, что Феодору не быть на престолѣ Ягеллоновъ; когда же Годуповъ и Троекуровъ предложили имъ отсрочить избраніе короля и послать вельможъ въ Москву для новыхъ объясненій съ царемъ, кардиналъ Радзивиль и другіе депутаты отвѣчали: «Вы смѣтаетесь надъ нами. Изъ всѣхъ краевъ Литвы и Польши мы съѣхались въ Варшаву, живемъ здѣсь осьмью недѣлю какъ на войнѣ, тратимъ спокойствіе и деньги; а вы хотите еще другого Сейма! Не разъѣдемся безъ выбора». Тогда Феодоровы послы совѣтовали имъ избрать Максимилиана, благопріятеля Россіи. «Не имѣемъ нужды въ вашихъ наставленіяхъ», сказали паны съ грубостію: «намъ указываетъ Богъ, а не царь русскій». Хотѣли по крайней мѣрѣ заключить миръ, но также не могли согласиться въ условіяхъ: Литва требовала Смоленска или земли Сѣверской, а Феодоръ Дерпта. Разошлись съ неудовольствіемъ; но симъ еще не кончились переговоры.

Въ сей самый день и въ слѣдующіе были жаркія пренія между государственнымъ чинами Сейма, друзьями Австріи, Швеціи и Россіи. Первые, особенно духовенство и всѣ епископы, говорили,

что совѣсть не дозволяетъ имъ имѣть королемъ иновѣрца, еретика; а единомышленники ихъ, свѣтскіе вельможи, прибавляли: «естественнаго, закоренѣлаго врага Литвы и Польши, который сядетъ на королевство съ тяжкимъ могуществомъ Россіи, чтобы подавить нашу вольность, всѣ права и законы. Вы жаловались на угнетеніе, когда Стефанъ привелъ къ намъ нѣсколько сотъ гайдуковъ венгерскихъ: что будетъ, когда увидимъ здѣсь грозную опричнину, несмѣтныя тысячи надменныхъ, суровыхъ москвитянь? Повѣрите ли, чтобы они въ гордости своей захотѣли къ намъ присоединиться? Не скорѣе ли захотятъ представить державу нашу къ московской, какъ рукавъ къ кафтану?» Другіе унижали Θεодора, называя его скудоумнымъ, неспособнымъ блюсти государство, обуздывать своевольство, дать силу королевской власти, прибавляя, что онъ едва ли черезъ шесть мѣсяцевъ можетъ быть къ нимъ, а турки, непримиримые враги царя, завоевателя двухъ или трехъ державъ мусульманскихъ, успѣютъ между тѣмъ взять Краковъ. Вельможи нашей стороны возражали такъ: «Первый законъ для государства есть безопасность: избраемъ Θεодора мы примиряемъ врага сильнаго, Россію, и находимъ въ пей защиту отъ другого, не менѣе опаснаго,—отъ турковъ. Султанъ запрещаетъ намъ возвести Θεодора на престолъ королевства; но должно ли слушаться непріятеля? Не должно ли именно сдѣлать, чего онъ не желаетъ? Что касается до вѣры, то Θεодоръ крещенъ во имя Святой Троицы, и мы знаемъ, что въ Римѣ есть церковь греческая: слѣдственно Папа не осуждаетъ

сей вѣры, и безъ сомнѣнія дозволить ему въ ней остаться, съ нѣкоторыми, можетъ быть, условіями. Теодоръ великодушно освободилъ пашихъ плѣнниковъ, усмирилъ мятежи въ своемъ царствѣ, два раза побѣдилъ хана; желаетъ въ духѣ любви соединить державы, коихъ взаимная ненависть произвела столько бѣдствій, и будучи властителемъ самодержавнымъ, господствовать именемъ закона надъ людьми свободными: гдѣ же его скудоуміе? Не видимъ ли въ немъ монарха челоуѣколюбиваго и мудраго? Могъ ли бы онъ безъ ума править россіянами, непостоянными и лукавыми? Къ тому же скудоуміе властителя менѣе губительно для государства, чѣмъ внутренніе раздоры. Мы замышляемъ не новое: сколь многіе изъ васъ, до избранія и послѣ бѣгства Генрихова, хотѣли царя московскаго, въ удостовѣреніи, что Іоантъ оставилъ бы тиранство въ Россіи, а къ намъ прибылъ только съ могуществомъ спасительнымъ? Перемѣнилось ли что нибудь съ того времени? Развѣ къ лучшему: ибо Теодоръ и въ Россіи не тиранствуетъ, но любитъ подданныхъ и любимъ ими».

Сии убѣжденія заставили Сеймъ возобновить переговоры: депутаты его вторично съѣхались съ московскими посланцами въ Каменецъ, и хотѣли, чтобы царь немедленно далъ Вельможной Думѣ 100 тысячъ золотыхъ на военныя издержки, основалъ крѣпости не на Дону, гдѣ онѣ могутъ быть полезны только для Россіи, а на литовской юго-западной границѣ,—платилъ жалованье казакамъ днѣпровскимъ изъ казны своей, отвелъ земли польской шляхтѣ не въ дальнихъ, дикихъ сте-

пяхъ, какихъ много и въ Литвѣ за Кіевомъ, но въ областяхъ Смоленской и Сѣверской. Послы изъявили нѣкоторую уступчивость: соглашались дать панамъ 100 тысячъ золотыхъ; не отвергали и другихъ требованій; предложили, чтобы Θεодору писаться въ титулъ царемъ всея Россіи, королемъ польскимъ, великимъ княземъ владимірскимъ, московскимъ и литовскимъ. Самое главное препятствіе въ разсужденіи вѣры уменьшилось, когда воевода виленскій, Христофоръ Радзивиль и троцкій, Янъ Глѣбовичъ, тайно сказали нашимъ посламъ, что Θεодоръ можетъ, вопреки ихъ духовенству, остаться въ греческой вѣрѣ, если испросить только благословеніе у Папы и дастъ ему надежду на соединеніе церквей. «Для своего и нашего блага (говорили они) Θεодоръ долженъ быть снисходителенъ: ибо мы, въ случаѣ его упрямства, изберемъ врага Россіи, шведа, а не Максимилиана, о коемъ въ Литвѣ никто слышать не хочетъ, для того, что онъ корыстолюбивъ и бѣденъ: заведетъ насъ въ войну съ султаномъ, и не поможетъ королевству ни людьми, ни казною. Самъ императоръ великъ единственно титуломъ и богатъ только долгами. Знаемъ обычай австрійцевъ искоренять права и вольности въ земляхъ, которыя имъ поддаются, и вездѣ обременять жителей несносными налогами. Къ тому же у насъ писано въ книгахъ и вошло въ пословицу, что славянскому языку не видать добра отъ нѣмецкаго!»

Но Θεодоръ не хотѣлъ искать милости въ Папѣ, ни манить его лживымъ обѣщаніемъ соединенія церквей; не хотѣлъ также (чего неотмѣн-

но требовали и всѣ литовскіе паны) вѣнчаться на королевство въ Польшѣ, отъ святителя латинскаго, ужасаясь мысли измѣнить тѣмъ православію или достоинству російскаго монарха— и послы наши, имѣя дружелюбныя свиданія съ депутатами Сейма, 13 августа, услышали отъ нихъ, что канцлеръ Замойскій и немногіе паны выбрали шведскаго принца, а воевода познанскій. Станиславъ Згурка и Зборовскіе—Максимиліана. Тщетно вельможи литовскіе увѣряли нашихъ бояръ, что сіе избраніе, какъ незаконное, останется безъ дѣйствія; что если Теодоръ искренно желаетъ быть королемъ, и рѣшится, не упуская времени, къ нимъ пріѣхать, то они всѣ головами своими кинутся къ Кракову и не дадутъ короны ни шведу, ни австрійцу. Замойскій мечемъ и золотомъ вдовствующей королевы Анны доставилъ престолъ Сигизмунду, уничтоживъ избраніе Максимилиана. Послы наши успѣли только въ одномъ: заключили съ Вельможною Думою пятнадцатилѣтнее перемиріе безъ всякихъ уступокъ и выгодъ, единственно на томъ условіи, чтобы обѣимъ державамъ владѣть, чѣмъ владѣютъ, и чтобы избранному королю подтвердить сей договоръ въ Москвѣ чрезъ своихъ уполномоченныхъ. Еще Теодоръ, выслушавъ донесеніе Степана Годунова и Троекурова, надѣялся, что по крайней мѣрѣ Литва не признаетъ Сигизмунда королемъ, и для того еще писалъ ласковыя грамоты къ ея вельможамъ, соглашаясь быть особеннымъ великимъ княземъ литовскимъ, кievскимъ, волынскимъ, мазовскимъ, обѣщая имъ независимость и безопасность; писалъ къ нимъ и

Перемиріе.

Годуновъ, отправивъ къ каждому дары богатые (цѣною въ 20 тысячъ нынѣшнихъ рублей)... Но поздно! Дворянинъ Ржевскій возвратился изъ Литвы съ вѣстію, что 16 декабря Сигизмундъ коронованъ въ Краковѣ, и что вельможи литовскіе согласились на сей выборъ. Ржевскій уже зналъ о томъ, но вручилъ имъ дары; они взяли ихъ съ изъявленіемъ благодарности и желали, чтобы царь всегда былъ милостивъ къ Литвѣ единовѣрной!

Царь изъявилъ досаду, не за отверженіе его условій на Сеймѣ, но за избраніе Сигизмунда. Мы видѣли, что Теодоръ, подобно Іоанну, охотно уступилъ королевство эрцгерцогу, не имѣя никакихъ состязаній съ Австріею; но тѣсная связь Шведской державы съ Польскою усиливала сихъ двухъ нашихъ непріятелей, и главное обязательство, взятое Замоискимъ съ Сигизмунда, состояло въ томъ, чтобы ему вмѣстѣ съ отцомъ его, королемъ Іоанномъ, ополчиться на Россію: или завоевать Москву, или по крайней мѣрѣ Смоленскъ, Псковъ, а шведскому флоту Двинскую гавань св. Николая, чтобы уничтожить нашу морскую торговлю. Духъ Баторіевъ, казалось, еще жилъ и враждовалъ намъ въ Замоискомъ! Тѣмъ болѣе Теодоръ желалъ согласить виды и дѣйствія нашей политики

Сношенія съ Австріею: съ 1587 года до 1590
 Австріею и мы слали гонца за гонцомъ въ Вѣну,
 Крымъ. убѣждая императора доставить Максимилиану всѣми способами корону польскую, если не избраніемъ. то силою — вызывались слабдить его и деньгами для вооруженія — увѣряли, что намъ будетъ даже пріятнѣе уступить сію державу Австріи. нежели соединить съ Россіею — живо

описывали счастье спокойствия, которое утвердится тогда въ Сѣверной Европѣ и дастъ ей возможность заняться великимъ дѣломъ изгнанія турковъ изъ Византіи — хвалились нашими силами, говоря, что отъ Россіи зависитъ устремить безчисленные сонмы азіятскіе на султана; что шахъ персидскій выведетъ въ поле 200 тысячъ воиновъ, царь бухарскій 100 тысячъ, хивинскій 50 тысячъ, пверскій 50 тысячъ, владѣтель шавкалскій 30 тысячъ, князя черкесскіе, тюменскій, охотскій, 70 тысячъ, ногаи 100 тысячъ; что Россія, легко усмиривъ шведа и не имѣя уже иныхъ враговъ, примкнетъ крестоносные легіоны свои къ войскамъ Австріи, Германіи, Испаніи, Папы, Франціи, Англіи — и варвары оттоманскіе останутся единственно въ памяти! Гонцевъ московскихъ задерживали въ Литвѣ и въ Ригѣ, поэтому мы открыли путь въ Австрію чрезъ Сѣверный Океанъ и Гамбургъ; хотѣли, чтобы Рудольфъ и Максимилианъ немедленно прислали уполномоченныхъ въ Москву для договора, гдѣ и какъ дѣйствовать. Свѣдавъ же, что Замоискій, слѣдуя за бѣгущимъ Максимилианомъ, вступилъ въ Силезію, одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду, взялъ его въ плѣнъ, томилъ, безчестилъ въ неволѣ, Окодоръ стыдилъ Рудольфа неслыханнымъ уничиженіемъ Австріи. Но все было бесполезно. Императоръ въ своихъ отзовахъ изъяслялъ только благодарность за доброе расположеніе царя; вмѣсто знатнаго вельможи прислалъ (въ іюнѣ 1589) маловажнаго сановника Варкоча въ Москву, извиняясь недосугами и неудобствами сообщенія между Вѣною и Россією; писалъ, что о войнѣ турец-

кой должно еще условиться съ Испанією и таять намѣреніе столь важное отъ Англїи и Франціи, ибо онѣ ищутъ милости въ султани; что война съ Польшею необходима, но что надобно прежде освободить Максимилиана... И царь узналъ, что императоръ, вымоливъ свободу брата, клятвенно обязался не думать о коронѣ польской и жить вѣчною мирѣ съ сею державою. «Вы начинаете великія дѣла, но не вершите ихъ», писалъ Борисъ Годуновъ къ австрійскому министерству: «для васъ благовѣрный царь нашъ не хотѣлъ слушать никакихъ дружественныхъ предложеній султановыхъ и ханскихъ; для васъ мы вѣ остудѣ съ ними и съ Литвою, а вы, не думая о чести, миритесь съ султаномъ и съ Сигизмундомъ!» Однимъ словомъ, мы тратили время и деньги въ сношеніяхъ съ Австрією, совершенно бесполезныхъ.

Гораздо усерднѣе, въ смыслѣ нашей политики, дѣйствовали тогда варваръ, новый ханъ крымскій, преемникъ умершаго (въ 1588 году) Ислама, братъ его, именованъ Казы-Гирей. Приѣхавъ изъ Константинополя съ султанскою милостивою грамотою и съ тремя стами янычаръ господствовать надъ улусами разоренными, онъ видѣлъ необходимость поправить ихъ, то есть, искать добычи, не зная другого промысла, кромѣ хищенія. Надлежало избрать Литву или Россію въ театръ убійствъ и пожаровъ; ханъ предпочелъ Литву, въ надеждѣ на ея безначаліе или слабость новаго короля, и готовясь силою опустошить Сигизмундову землю, хотѣлъ лестію выманить богатые дары у Феодора: писалъ къ нему, что доброжелательствуя намъ искреннѣе всѣхъ своихъ предмѣстниковъ, онъ убѣ-

диль султана не мыслить впродъ о завоеваніи Астрахани; что Москва и Таврида будутъ всегда имѣть однихъ непріятелей. Въ концѣ 1589 года Казы-Гирей извѣстилъ Теодора о сожженіи крымцами многихъ городовъ и селъ въ Литвѣ и въ Галиціи. Хваля его доблесть и дружественное къ намъ расположеніе, царь въ знакъ признательности честилъ хана умѣренными дарами, однакожь держалъ сильное войско на берегахъ Оки. слѣдовательно худо ему вѣрить.

Но Баторія уже не было, султанъ не ополчался на Россію, ханъ громилъ Литву: война Шведскія обстоятельства казались царю благопріятными для важнаго подвига, коего давно требовала честь Россіи. Мы хвалились могуществомъ, имѣя дѣйствительно многочисленнѣйшее войско въ Европѣ, а часть древней Россіи была шведскимъ владѣніемъ! Срокъ перемирія, заключеннаго съ королемъ Гоанномъ, уже пеходилъ въ началѣ 1590 года, и вторичный съѣздъ пословъ на берегу Плюсы (въ сентябрѣ 1586 года) остался безплоднымъ, ибо шведы не согласились возвратити намъ своего завоеванія, безъ чего мы не хотѣли слышать о мирѣ. Они предлагали только мѣну: отдавали Копорье погостъ Сумерскій и за берега Невы. Гоаннъ жаловался, что россіяне тревожатъ набѣгами Финляндію, свирѣпствуя въ ней какъ тигры, Теодоръ же упрекалъ воеводъ шведскихъ разбоями въ областяхъ Заонежской, Олонецкой, на Ладогѣ и Двинѣ: лѣтомъ въ 1589 году они приходили изъ Каяніи грабить волости монастыря Соловецкаго и Печенскаго, Колу, Кереть. Ковду, и взяли добычи на полмилліона ны-

нѣшнихъ рублей серебряныхъ. Уклоняя короля къ уступкамъ, царь писалъ къ нему о своихъ великихъ союзникахъ, императорѣ и шахѣ. Король отвѣтствовала съ насмѣшкою: «Радуюсь, что ты нынѣ знаешь свое безсиліе и ищешь помощи отъ другихъ; увидимъ, какъ поможетъ тебѣ свать нашъ, Рудольфъ, а мы и безъ союзниковъ управимся съ тобою». Не взирая на сію грубость, Иоаннъ желалъ еще третьяго съѣзда пословъ, когда Феодоръ нехотѣлъ объявить ему, что мы не хотимъ ни мира, ни перемирія, если шведы, сверхъ Новгородскихъ земель, ими захваченныхъ, не уступятъ намъ Ревеля и всей Эстоніи; то есть, мы объявили войну!

Доселѣ Годуновъ блисталъ умомъ единственно въ дѣлахъ внутренней и вѣшной политики, всегда осторожной и миролюбивой; не имѣя духа ратнаго, не алкая воинской славы, хотѣлъ однакожь доказать, что его миролюбіе не есть малодушная боязливость, въ такомъ случаѣ, гдѣ безъ стыда и безъ явнаго нарушенія святыхъ обязанностей власти нельзя было миновать кровопролитія. Исполняя сей важный долгъ, онъ употребилъ всѣ способности для несомнительнаго успѣха: вывелъ въ поле (если вѣрить свидѣтельству нашихъ приказныхъ бумагъ сего времени) околомъ трехъ сотъ тысячъ воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, съ тремястами легкихъ и тяжелыхъ пушекъ. Всѣ бояре, всѣ царевичи (сибирскій Маметкулъ, Русланей Кайбуличъ, Уразъ-Магметъ Ондановичъ Киргизскій), всѣ воеводы изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, городовъ и деревень, гдѣ они жили на покоѣ, должны были въ назначенный срокъ явиться подъ цар-

скими знаменами, ибо тихій Феодоръ, не безъ сожалѣнія оставивъ свои мирныя, благочестивыя упражненія, сѣлъ на браннаго коня (такъ хотѣлъ Годуновъ!), чтобы войско оживить усердіемъ, а главныхъ сановниковъ обуздывать въ ихъ мѣстничествѣ безразсудномъ. Князь Феодоръ Мстиславскій, знатнѣйшій изъ родовыхъ вельможъ, начальствовалъ въ большомъ полку, въ передовомъ князь Дмитрій Ивановичъ Хворостининъ, воевода славнѣйшій умомъ и доблестію. Годуновъ и Феодоръ Никитичъ Романовъ-Юрьевъ (будущій знаменитый Филаретъ), двоюродный братъ царя, находились при немъ, именуясь дворовыми или ближними воеводами. Царица Ирина ѣхала за супругомъ изъ Москвы до Новгорода, гдѣ государь распорядилъ полки: велѣлъ однимъ воевать Финляндію, за Невою; другимъ Эстонию, до моря; а самъ съ главною силою, 18 января 1590, выступилъ къ Нарвѣ. Походъ былъ труденъ отъ зимней стужи, но веселье ревностію войска: россияне шли взять свое — и взяли Яму, января 27. Двадцать тысячъ шведовъ, конныхъ и пѣшихъ, подъ начальствомъ Густава Бавера, близъ Нарвы встрѣтили князя Дмитрія Хворостинина, который разбилъ ихъ и втопталъ въ городъ, наполненный людьми, но скудными запасами; для того Банеръ, оставивъ въ крѣпости нужное число воиновъ, ночью бѣжалъ оттуда къ Везенбергу, гонимый нашею азійскою конницею, и бросивъ ей въ добычу весь обозъ, всѣ пушки; въ числѣ многихъ плѣнниковъ находился и знатные чиновники шведскіе. 4 февраля россияне обложили Нарву, сильною пальбою въ трехъ мѣстахъ разрушили стѣну и требовали

сдачи города. Тамошній воевода, Карль Горнъ, величаво звалъ ихъ на приступъ, и мужественно отразилъ его (18 февраля); воеводы Сабуровъ и князь Иванъ Токмаковъ легли въ проломъ, вмѣстѣ со многими дѣтьми боярскими, стрѣльцами, мордовскими и черкесскими воннами. Однакожь сіе блистательное для шведовъ дѣло не могло бы спасти города: пальба не умолкала, стѣны падали, и многочисленное войско осаждающихъ готовилось къ новому приступу (24 февраля). Въ то же время россияне безпрещатственно опустошали Эстонию до самаго Ревеля, а Финляндію до Або, ибо король Иоаннъ имѣлъ болѣе гордости, нежели силы. Начались переговоры. Мы требовали Нарвы и всей Эстоніи, чтобы дать миръ шведамъ; но царь, исполняя христіанское моленіе Годунова (какъ сказано въ нашихъ приказныхъ бумагахъ), удовольствовался возстановленіемъ древняго рубежа. Горнъ именованъ королевскимъ (25 февраля) заключилъ перемиріе на годъ, уступивъ царю, сверхъ Ямы, Иванъ-городъ и Копорье, со всѣми ихъ запасами и снарядомъ огнестрѣльнымъ, условясь рѣшить судьбу Эстоніи на будущемъ съѣздѣ пословъ, московскихъ и шведскихъ— даже обѣщая уступить Россіи всю землю Корельскую, Нарву и другіе города эстонскіе. Мы хвалились умѣренностію. Оставивъ воеводу въ трехъ взятыхъ крѣпостяхъ, Феодоръ спѣшилъ возвратиться въ Новгородъ къ супругѣ, и съ нею въ Москву, торжествовать побѣду надъ одною изъ державъ европейскихъ, съ коими отецъ его не совѣтовалъ ему воевать, боясь ихъ превосходства въ ратномъ искусствѣ. Духовенство со крестами

встрѣтило государя внѣ столицы, и первосвященитель Іовъ въ пышной рѣчи сравнивалъ его съ Константиномъ великимъ и Владиміромъ, именемъ отечества и церкви благодаря за изгнаніе невѣрныхъ изъ нѣдръ святой Россіи и за возстановленіе алтарей истиннаго Бога во градѣ Іоанна III и въ древнемъ владѣніи славянъ племенискихъ.

Скоро вѣроломство шведовъ доставило новый значительный успѣхъ оружію миролюбиваго Феодора. Король Іоаннъ, упрекая Горна малодушіемъ, объявилъ договоръ, имъ заключенный, преступленіемъ, усилилъ войско въ Эстоніи и выслалъ двухъ вельможъ, намѣстниковъ улсальскаго и вестерготскаго, на съѣздъ съ княземъ Феодоромъ Хворостининымъ и думнымъ дворяниномъ Писемскимъ къ устью рѣки Плюсы, не для того, чтобы отдать Россіи Эстонію, но чтобы требовать возвращенія Ямы, Иванья-города и Копорья. Не только Феодоровы послы, но и шведскіе вонны, узнавъ о семъ, изъявили негодованіе: стоя на другомъ берегу Плюсы, кричали нашимъ: «не хотимъ кровопролитія!» и принудили своихъ уполномоченныхъ быть снисходительными, такъ что они, уже ничего не требуя, кромѣ мира, наконецъ уступали Россіи Корельскую область. Мы неотмѣнно хотѣли Нарвы — и послы разѣхались; а шведскій генералъ, Іоранъ Бое, въ ту же ночь вѣроломно осадилъ Иванья-городъ, ибо срокъ нарвскаго договора еще не вышелъ. Но мужественный воевода, Иванъ Сабуровъ, въ сильной вылазкѣ на голову разбилъ шведовъ: и генерала Бое и самого герцога Зюдерманландскаго, который съ нимъ соединился. Главная рать московская стояла въ Новгородѣ; она не

прислѣла къ битвѣ, наша крѣпость уже освобожденною, и только издали видѣла бѣгство непріятеля.

Воюя съ шведами, Феодоръ желалъ соблюсти миръ съ Литвою, и въ то время, когда полки московскіе шли громить Эстонію, Годуновъ извѣстилъ всѣхъ градоначальниковъ въ Ливоніи Польской, что они могутъ быть спокойны, и что мы не коснемся областей ея, въ точности исполняя договоръ Варшавскій. Но Сигизмундъ молчалъ. Чтобы узнать его расположеніе, Дума московская послала гонца въ Вильну съ письмомъ къ тамошнимъ вельможамъ, увѣдомляя ихъ о намѣреніи хана снова идти на Литву, и прибавляя: Казы-Гирей убѣждалъ государя нашего вмѣстѣ съ нимъ воевать вашу землю, и предлагалъ ему султанскимъ именемъ вѣчный миръ; но государь отказался, искренно вамъ доброжелательствуя. Остерегаемъ васъ, думая, что рано или поздно вы увидите необходимость соединиться съ Россією для общей безопасности христіанъ». Сіе лукавство не обмануло пановъ: читая письмо, они усмѣхались, и весьма учтивою грамотою изъявили намъ благодарность, сказавъ однакожь, что у нихъ другіе слухи; что самъ Феодоръ, если вѣрить плѣппкамъ крымскимъ, обѣщаніями и дарами склоняетъ хана ко впаденіямъ въ Литву. Между тѣмъ 600 литовскихъ казаковъ разбойничали въ южныхъ предѣлахъ Россіи, сожгли новый городъ Воронежъ, убили тамошняго начальника, князя Ивана Долго-рукаго; мы требовали удовлетворенія, и велѣли царевичу Арасланъ-Алею, Кайбулину сыну, идти съ войскомъ въ Черниговъ. Наконецъ, въ октябрѣ

1590 года, послы Сигизмундовы, Сташиславъ Радоминскій и Гаврило Война, пріѣхали въ Москву договариваться о мирѣ и союзѣ; но въ первой бесѣдѣ съ боярами объявили, что Россія нарушила перемиріе взятіемъ шведскихъ городовъ и должна возвратить ихъ. Имъ отвѣтствовали, что Швеція не Литва, что родственная связь королей не уважается въ политикѣ, и что мы взяли свое, казнивъ неправду и вѣроломство. О вѣчномъ мирѣ говорили долго. Сигизмундъ какъ бы изъ великодушія отказывался отъ Новгорода, Пскова, Сѣверскихъ городовъ и проч., но безъ Смоленска не хотѣлъ мириться. Бояре же московскіе твердили: «не дадимъ вамъ ни деревни Смоленскаго уѣзда». Съ обѣихъ сторонъ около двухъ мѣсяцевъ велерѣчили о выгодахъ тѣснаго христіанскаго союза всѣхъ державъ европейскихъ. Бояре съ живостію представляли вельможамъ литовскимъ, что король безъ сомнѣнія весьма нескренно желаетъ сего союза, испрашивая въ то же время (какъ было намъ извѣстно) милость у султана; что Сигизмунда ожидаетъ Баторіева участь, стыдъ, уничиженіе бесполезное предъ надменностію оттомановъ; что Баторій думалъ угодить Амурату злодѣйскимъ убіеніемъ славнѣйшаго изъ всѣхъ рыцарей литовскихъ, Подковы, и не угодилъ, ибо до смерти трепеталъ гнѣвнаго султана и платилъ ему дань рабскую; что одна Россія, въ чувствѣ своего величія отвергнувъ ложную дружбу невѣрныхъ, есть надежный щитъ христіанства; что ханъ, столь ужасный для Сигизмундовой Державы, не смѣетъ ни дѣломъ, ни словомъ оскорбить Феодора, коему болѣе двухъ сотъ крымскихъ князей и мурзъ

служать въ войскѣ. Хотя послы уже не оказывали спѣси и грубости, какъ бывало въ Стефаново время, однакожь не принимали нашего снисходительнаго условія: «владѣть обѣимъ державамъ, чѣмъ владѣють». Истощивъ все убѣжденія, царь

Новое (1 января 1591) призвалъ на совѣтъ
переміріе духовенство, бояръ, сановниковъ, и
съ Литвою. рѣшился единственно подтвердить за-

ключенное въ Варшавѣ перемиріе впредь еще на двѣнадцать лѣтъ, съ новымъ условіемъ, чтобы ни шведы насъ, ни мы шведовъ не воевали въ теченіе года. Феодоръ, исполняя древній обычай, далъ присягу въ соблюденіи договора, и послалъ околичнаго Салтыкова-Морозова взять такую же съ Сигизмунда.

Россія наслаждалась миромъ, коего не было только въ душѣ правителя!... Устранимъ дѣла внѣшней политики, чтобы говорить о любопытныхъ, важныхъ происшествіяхъ внутреннихъ.

Въ сіе время Борисъ Годуновъ въ глазахъ Рос-
Величіе сіи и всѣхъ державъ, сносящихся съ
Годунова. Москвою, стоялъ на высшей степени величія какъ полный властелинъ царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ безмолвныхъ или громко-славословящихъ его высокія достоинства; не только во дворцѣ Кремлевскомъ, въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ Россіи, но и внѣ ея, предъ государями и министрами иноземными. знатные сановники царскіе такъ изъяснялись по своему наказу: «Борисъ Феодоровичъ Годуновъ есть начальникъ земли; она вся приказана ему отъ самодержца, и такъ цынѣ устроена, что люди дивятся и радуются. Цвѣтетъ и воинство и купече-

ство и народъ. Грады украшаются каменными зданіями безъ налоговъ, безъ работы невольной, отъ царскихъ избытковъ, съ богатою платою за трудъ и художество. Земледѣльцы живутъ во льготѣ, не зная даней. Ведѣ правосудіе свято: сильный не обидитъ слабого; бѣдный сирота идетъ смѣло къ Борису Феодоровичу жаловаться на его брата или племянника, и сей истинный вельможа обвиняетъ своихъ ближнихъ, даже безъ суда, ибо пристрастенъ къ беззащитнымъ и слабымъ!» — Нескромно хваляся властію и добродѣтелию, Борисъ, равно славолубивый и хитрый, примыслилъ еще дать новый блескъ своему господству важною церковною новостію.

Имя патріарховъ означало въ древнѣйшія времена христіанства единственно сми- Учрежденіе ренныхъ наставниковъ вѣры. но съ патриаршества четвертаго вѣка сдѣлалось пышнымъ, въ Россіи. громкимъ титуломъ главныхъ пастырей церкви въ трехъ частяхъ міра, или въ трехъ знаменитѣйшихъ городахъ тогдашней всемірной Имперіи: въ Римѣ, въ Александріи и въ Антиохіи. Мѣсто священныхъ воспоминаній, Іерусалимъ и Константинополь, столица торжествующаго христіанства, были также признаны особенными, великими патріархіями. Сей чести не искала Россія, отъ временъ св. Владиміра до Феодоровыхъ. Византія державная, гордая не согласилась бы на равенство своей іерархіи съ кіевскою или съ московскою; Византія раба оттомановъ не отказала бы въ томъ Іоанну III, сыну и внуку его; но они молчали, изъ уваженія ли къ первобытному уставу нашей церкви. или опасаясь великимъ име-

немъ усилить духовную власть. ко вреду монаршей. Борисъ мыслить иначе: свергнувъ митрополита Діонисія за козни и дерзость, онъ не усомнился возвысить смиреннаго Іова, ему преданнаго, ибо хотѣлъ его важнаго содѣйствія въ своихъ важныхъ намѣреніяхъ. Еще въ 1586 году прїѣзжалъ въ Москву за милостынею антиохійскій патріархъ Іоакимъ, коему царь изъявлялъ желаніе учредить патріархію въ Россіи. Іоакимъ далъ слово предложить о томъ собору греческой церкви. и предложилъ съ усердіемъ, слава чистоту нашей вѣры. Въ іюлѣ 1588 года, къ великому удовольствію Θεодора, явился въ Москвѣ и патріархъ константинопольскій, Іеремія. Вся столица была въ движеніи, когда сей главный святитель христіанскій (пбо престоль византійскаго архіерейства уже давно считался первымъ), старецъ знаменитый несчастіемъ и добродѣтелию, съ любопытствомъ взирая на ея многолюдство и красоту церковей, благословляя народъ и душевно умляясь его радостнымъ привѣтствіемъ, ѣхалъ на ослати къ царю по стогнамъ московскимъ; за нимъ ѣхали на коняхъ митрополитъ монемвасійскій (или мальвазіискій) Героѳей и архіепископъ элассонскій Арсеній. Когда они вошли въ Златую палату, Θεодоръ всталъ, чтобы встрѣтить Іеремію въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона, посадилъ близъ себя, съ любовью принялъ дары его: икону съ памятниками Страстей Господнихъ, съ каплями Христовой крови, съ мощами св. царя Константина—и велѣлъ Борису Годунову бесѣдовать съ нимъ наединѣ. Патріарха отвели въ другую комнату, гдѣ онъ разсказалъ Борису свою исторію.

Лѣтъ десять управлявъ церковію, Іеремія, обнесенный какимъ-то злымъ грекомъ, былъ сосланъ въ Родось, и султанъ, вопреки торжественному обѣту Магомета II не мѣшаться въ дѣла христіанской духовной власти, беззаконно далъ патриаршество Оеолпиту. Черезъ пять лѣтъ возвратили изгнаннику санъ іерарха; но въ древнемъ храмѣ византійскихъ первосвятителей уже славили Аллу и Магомета: сія церковь сдѣлалась мечетію. «Обливаясь слезами» (говорилъ Іеремія) «я вымолилъ у жестокаго Амурата дозволеніе ѣхать въ земли христіанскія для собранія милостыни, чтобы посвятить новый храмъ истинному Богу въ древней столицѣ православія: гдѣ же, кромѣ Россіи, могъ я найти усердіе, жалость и щедрость?» Далѣе, бесѣдуя съ Годуновымъ, онъ похвалилъ мысль Оеодорову имѣть патриарха россійскаго; а лукавый Годуновъ предложилъ сіе достоинство самому Іереміи, съ условіемъ жить въ Владимірѣ. Іеремія соглашался, но хотѣлъ жить тамъ, гдѣ царь, то-есть въ Москвѣ, чего не хотѣлъ Годуновъ, доказывая, что несправедливо удалить Іова, мужа святаго, отъ московскаго храма Богоматери; что Іеремія, не зная ни языка, ни обычаевъ Россіи, не можетъ быть въ духовныхъ дѣлахъ наставникомъ вѣнценосца безъ толмача, коему непрестойно читать во глубинѣ души государевой. «Да исполнится же воля царская!» отвѣтствовалъ патриархъ: «уполномоченный нашею церковію, благословлю и поставлю, кого наберетъ Оеодоръ, вдохновенный Богомъ». Въ выборѣ не было сомнѣнія; но, для обряда, святители россійскіе назначили трехъ кандидатовъ: митрополита Іова.

архієпископа новгородскаго Александра, Варлаама ростовскаго, и поднесли докладъ царю, который избралъ Іова. 23 января (1589), послѣ вечерни, сей наименованный первосвятитель, въ епитрахили, въ омофорѣ и въ ризѣ, пѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, со всѣми епископами, въ присутствіи царя и безчисленнаго множества людей; вышелъ изъ алтаря и сталъ на амвонѣ, держа въ рукѣ свѣчу, а въ другой письмо благодарственное къ государю и къ духовенству. Тутъ одинъ изъ знатныхъ савошниковъ приблизился къ нему, держа въ рукѣ также пылающую свѣчу, и сказалъ громко: «Православный царь, вселенскій патріархъ и соборъ освященный возвышаютъ тебя на престолъ владимірскій, московскій и всея Россіи». Іовъ отвѣтствовалъ: «Я рабъ грѣшный; но если самодержецъ, вселенскій господинъ Іеремія и соборъ удостоиваютъ меня столь великаго сана, то приѣмлю его съ благодареніемъ»; смиренно преклонилъ главу, обратился къ духовенству, къ народу, и съ умиленіемъ произнесъ обѣтъ ревностно блюсти вѣренное ему отъ Бога стадо. Симъ исполнился уставъ избранія; торжественное же посвященіе совершилось 26 января, на литургіи, какъ обыкновенно ставили митрополитовъ и епископовъ, безъ всякихъ новыхъ обрядовъ. Среди великой или соборной церкви, на помостѣ, былъ изображенъ мѣломъ орелъ двоглавый и сдѣланъ театронъ о двѣнадцати степеняхъ и двѣнадцати огненникахъ: тамъ старѣйшій пастырь восточнаго православія, благословивъ Іова какъ сопрестольника великихъ отцевъ христіанства, и возложивъ на него дро-

жащую руку, молился, да будетъ сей архіерей Іисусовъ неугасаемымъ свѣтильникомъ вѣры. Имѣя на главѣ митру съ крестомъ и съ короною, повопоставленный московскій патріархъ священнодѣйствовалъ вмѣстѣ съ византійскимъ, и когда, отцѣвъ литургію, разоблачился, государь собственною рукою возложилъ на него драгоценный крестъ съ животворящимъ древомъ, бархатную зеленую мантию съ источниками или полосами, низанными жемчугомъ, и бѣлый клобукъ съ знаменіемъ креста, подаль ему жезлъ св. Петра митрополита и въ привѣтственной рѣчи велѣлъ именоваться главою епископовъ, отцомъ отцовъ, патріархомъ всѣхъ земель сѣверныхъ, по милости Божіей и волѣ царской. Іовъ благословилъ Феодора и народъ, а лики многолѣтствовали царю и двумъ первосвященителямъ, византійскому и московскому, которые сидѣли съ нимъ рядомъ на стульяхъ. Вышедъ изъ церкви, Іовъ, провожаемый двумя епископами, боярами, многими чиновниками, ѣздилъ на осляти вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ, кропя ихъ святою водою, осѣняя крестомъ, читая молитвы о цѣлости града, и вмѣстѣ съ Тереміею, со всѣмъ духовенствомъ, сияклитомъ, обѣдалъ у государя.

Чтобы утвердить достоинство и права русскаго священноначалія, написали уставную грамоту, изъясняя въ ней, что Ветхій Римъ палъ отъ ереси Аполлинаріевой; что Новый Римъ, Константинополь, обладаетъ безбожными племенами агарянскими; что третій Римъ есть Москва; что вмѣсто лжепастыря западной церкви, омраченной духомъ суетности, первый вселенскій

святитель есть патриарх константинопольскій, второй александрійскій, третій московскій и всея Россіи, четвертый аптіохійскій, пятый іерусалимскій; что въ Россіи должно молиться о греческихъ, а въ Греціи о нашемъ, который впредь, до скончанія вѣка, будетъ избираемъ и посвящаемъ въ Москвѣ пезависимо отъ ихъ согласія или одобренія. Къ наружнымъ отличіямъ сего архипастыря нашей церкви прибавили слѣдующія: «Выходъ его долженъ быть всегда съ лампадою, съ пѣніемъ и звономъ: для облаченія имѣть ему амвонъ о трехъ степеняхъ; въ будни носить клобукъ съ серафимами и крестами обнизными, мантии объяринныя и всякія иныя съ полосами; ходить въ пути съ крестомъ и жезломъ: ѣздить на шести коняхъ. Тогда же государь съ двумя патриархами соборно уложили быть въ Россіи четверемъ митрополитамъ: повгородскому, казанскому, ростовскому и крутицкому; шести архіепископамъ: вологодскому, суздальскому, нижегородскому, смоленскому, рязанскому, тверскому—и осьми епископамъ: псковскому, ржевскому, устюжскому, бѣлоозерскому, коломенскому, сѣверскому, дмитровскому.

Участвуя болѣе именемъ, нежели дѣломъ, въ сихъ церковныхъ распоряженіяхъ, Іеремія, митрополитъ монемвасійскій и архіепископъ элассонскій ѣздили между тѣмъ въ лавру Сергіеву, гдѣ, равно какъ и въ московскихъ храмахъ, удивлялись богатству иконъ, сосудовъ, ризъ служебныхъ; въ столицѣ обѣдали у патриарха Іова, славя мудрость его бесѣды, славили также высокія достоинства Годунова и рѣдкій умъ старца, Андрея

Щелькалова; всего же болѣе хвалили щедрость русскую, ибо ихъ непрестанно дарили серебряными кубками, ковшами, перлами, шелковыми тканями, соболями, деньгами. Представленные царицѣ, они восхитились ея святостію, смиреннымъ величіемъ, ангельскою красотою, сладостію рѣчей, равно какъ и наружнымъ великолѣпіемъ. На ней была корона съ двѣнадцатью жемчужными зубцами, діадима и на груди золотая цѣпь, украшенная драгоценными каменьями; одежда бархатная, длинная, обсаженная крупнымъ жемчугомъ, и мантия не менѣе богатая. Подлѣ царицы стоялъ царь, а съ другой стороны Борисъ Годуновъ, безъ шапки, смиренно и благоговѣнно; далѣе многія жены знатныя, въ бѣлой одеждѣ, сложивъ руки. Ирина съ умиленіемъ просила святителей греческихъ молить Бога, чтобы Онъ даровалъ ей сына, наслѣдника державѣ — «и всѣ мы, тронутые до глубины сердца» (говоритъ архіепископъ элассонскій въ описаніи своего путешествія въ Москву) «вмѣстѣ съ нею обливаясь слезами, единогласно воззвали ко Всевышнему, да исполнится чистое, столь усердное моленіе сей души благочестивой!» — Наконецъ государь (въ маѣ 1589) отпустилъ Іеремію въ Константинополь, съ письмомъ къ султану, убѣждая его не тѣснить христіанъ, и сверхъ даровъ послать туда 1,000 рублей, или 2,000 золотыхъ монетъ венгерскихъ, на строеніе новой патріаршей церкви, къ живѣйшей признательности всего греческаго духовенства, которое, соборною грамотою одобливъ учрежденіе московской патріархіи, доставило Феодору сію хартію (въ іюнѣ 1591) чрезъ митрополита

Терновскаго, вмѣстѣ съ мощами святыхъ и съ двумя коронами, для царя и царицы.

Такимъ образомъ установилась новая верховная степень въ нашей іерархіи, чрезъ 110 лѣтъ испроверженная самодержцемъ великимъ, какъ бесполезная для церкви и вредная для единовластія государей, хотя разумный учредитель ея не далъ тѣмъ духовенству никакой новой государственной силы, и перемѣнивъ имя, оставилъ іерарха въ полной зависимости отъ вѣнцедосца. Петръ I зналъ исторію Никопа, и раздѣлилъ, чтобы ослабить, власть духовную; онъ уничтожилъ бы и самъ митрополита, если бы въ его время, какъ въ Іоанново или въ древнѣйшія, одинъ митрополитъ управлялъ Россійскою церковію. Петръ царствовалъ, и хотѣлъ только слугъ; Годуновъ, еще называемъ подданнымъ, искалъ опоры, ибо предвидѣлъ обстоятельства, въ коихъ дружба царицы не могла быть достаточною для его властолюбія и — спасенія; обуздывалъ бояръ, но читалъ въ ихъ сердцахъ злую зависть, ненависть справедливую къ убійцѣ Шуйскихъ; имѣлъ друзей, но они имъ держались, и съ нимъ бы пали или измѣнили бы ему въ превратности рока; благотворилъ народу, но худо вѣрилъ его благодарности въ невольномъ чувствѣ своихъ внутреннихъ недобродѣтельныхъ побужденій къ добру, и зналъ, что сей народъ въ случаѣ важномъ обратитъ взоръ недоумѣнія на бояръ и духовенство. Годуновъ на мѣстѣ Петра Великаго могъ бы также уничтожить самъ патриарха; но, будучи въ иныхъ обстоятельствахъ, хотѣлъ польстить честолюбію Іова титуломъ высокимъ, чтобы имѣть въ немъ тѣмъ усерднѣйша-

го и знаменитѣйшаго пособника, ибо наступалъ часъ рѣшительный, и самовластный вельможа дерзнулъ наконецъ приподнять для себя завѣсу будущаго!

Если бы Годуновъ и не хотѣлъ ничего болѣе, имѣя все, кромѣ Феодоровой короны, Замысль то и въ семь предположеній могъ ли Годунова. бы онъ спокойно наслаждаться величiемъ, помышляя о близкой кончинѣ царя, слабago не только духомъ, но и тѣломъ. о законномъ его наследникѣ, воспитываемомъ матерiю и родными въ явной, хотя и въ честной ссылкѣ, въ ненависти къ правителю, въ чувствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? монастырь; Годунова? темница или плаха — того, кто мало-венiемъ двигалъ Царство, ласкаемый царями Востока и Запада!.. Уже дѣла обнаружили душу Борису: въ ямахъ, на лобномъ мѣстѣ изгнбли несчастные, коихъ опасался правитель. Кто же былъ для него опаснѣе Димитрiя?

Но Годуновъ еще томился душевнымъ голодомъ, и желалъ, чего не имѣлъ. Надменный своими достоинствами и заслугами, славою и лестiю, упоенный счастиемъ и могуществомъ, волшебнымъ для души самой благородной; кружась на высотѣ, куда не восходилъ дотолѣ ни одинъ изъ подданныхъ Россiйской Державы, Борисъ смотрѣлъ еще выше, и съ дерзкимъ вождельнiемъ: хотя властвовалъ безпрекословно, но не своимъ именемъ, сиялъ только заимствованнымъ свѣтомъ, долженъ былъ въ самой надменности трудить себя личною смиренiя, торжественно унижаться предъ тѣнiю царя и бить ему челомъ вмѣстѣ съ рабами,

Престоль казался Годунову не только святымъ, лучезарнымъ мѣстомъ истинной, самобытной власти, но и райскимъ мѣстомъ успокоенія, до коего стрѣлы вражды и зависти не досягаютъ, и гдѣ смертный пользуется какъ бы божественными правами. Сія мечта о прелестяхъ верховнаго державства представлялась Годунову живѣе и живѣе, болѣе и болѣе волпуя въ немъ сердце, такъ, что онъ наконецъ непрестанно занимался ею. Лѣтописецъ рассказываетъ слѣдующее любопытное, хотя и сомнительное обстоятельство: «Имѣя умъ рѣдкій, Борисъ вѣрилъ одакожь искусству гада-телей, призвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тихій часъ ночи, и спрашивалъ, что ожидаетъ его въ будущемъ? Лѣстивые волхвы или звѣздочеты отвѣтствовали: тебя ожидаетъ вѣнецъ... но вдругъ умолкли, какъ бы испуганные дальнѣйшимъ предвидѣніемъ. Нетерпѣливый Борисъ велѣлъ имъ договорить, услышалъ, что ему царствовать только семь лѣтъ, и съ живѣйшею радостію обнявъ предсказателей, воскликнулъ: хотя бы семь дней, но только царствовать!» Столь нескромно Годуновъ открылъ будто бы внутренность души мнимымъ мудрецамъ суевѣрнаго вѣка! По крайней мѣрѣ онъ уже не таился отъ самого себя, зналъ, чего хотѣлъ! Ожидая смерти бездѣтнаго царя, располагая волею царницы, наполнивъ Думу, дворъ, приказы родственниками и друзьями, не сомнѣваясь въ преданности великоименитаго іерарха церкви, надѣясь также на блескъ своего правленія и замышляя новыя хитрости, чтобы овладѣть сердцемъ или воображеніемъ народа, Борисъ не страшился случая без-

примѣрнаго въ нашемъ отечествѣ отъ временъ Рюриковыхъ до Феодоровыхъ: трона упраздненнаго, конца племени державнаго, мятежа страстей въ выборѣ новой династїи, и твердо увѣренный, что скипетръ, выпавъ изъ руки послѣдняго вѣнценосца Мономаховой крови, будетъ врученъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени царскаго, сей алчный властолюбецъ видѣлъ между собою и престоломъ одного младенца безоружнаго, какъ алчный левъ видитъ агнца!.. Гибель Димитріева была неизбежна!

Приступая къ исполненію своего ужаснаго намѣренія, Борисъ мыслилъ сперва объявить несчастнаго царевича незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой Иоанновой супруги, не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на литургїи; но разсудивъ, что сіе супружество, хотя и дѣйствительно беззаконное, было однакоже утверждено или терпимо церковною властію, которая торжественнымъ уничтоженіемъ онаго призналась бы въ своей человѣческой слабости, къ двойному соблазну христіанъ; что Димитрій, не взирая на то, во мнѣніи людей остался бы царевичемъ, единственнымъ Феодоровымъ наслѣдникомъ — Годуновъ прибѣгнувъ къ вѣрнѣйшему способу устранить совмѣстника, оправдываясь слухомъ, безъ сомнѣнія его же друзьями распущеннымъ, о мнимой преждевременной наклонности Димитріевой ко злу и къ жестокости. Въ Москвѣ говорили всенародно (слѣдственно безъ страха оскорбить царя и правителя), что сей младенецъ, еще имѣя не болѣе шести или семи лѣтъ отъ роду, есть будто бы совершенное пособіе отца: лю-

бить муки и кровь, съ веселіемъ смотритъ на убіеніе животныхъ, даже самъ убиваетъ ихъ. Сею сказкою хотѣли произвести ненависть къ Дмитрію въ народѣ; выдумали и другую для сановниковъ знатныхъ. Рассказывали, что царевичъ, играя однажды на льду съ другими дѣтьми, велѣлъ сдѣлать изъ снѣгу двадцать человѣческихъ изображеній, назвалъ оныя именами первыхъ мужей государственныхъ, поставилъ рядомъ и началъ рубить саблею; изображенію Бориса Годунова отсѣкъ голову, инымъ руки и ноги, приговаривая: «такъ вамъ будетъ въ мое царствованіе!» Въ противность клеветѣ пелѣпой, многіе утверждали, что юный царевичъ оказываетъ умъ и свойства достойныя отрока державнаго; говорили о томъ съ умиленіемъ и страхомъ, ибо угадывали опасность невиннаго младенца, видѣли цѣль клеветы — и не обманулись. Если Годуновъ боролся съ совѣстію, то уже побѣдилъ ее, и приготовивъ легковѣрныхъ людей услышать безъ жалости о злодѣйствѣ, держалъ въ рукѣ ядъ и ножъ для Дмитрія, искалъ только, кому отдать ихъ для совершенія убійства.

Довѣренность, откровенность свойственна ли въ такомъ умыслѣ гнусномъ? Но Борисъ, имѣя нужду въ пособникахъ, открылся ближнимъ, изъ коихъ одинъ, дворецкій Григорій Васильевичъ Годуновъ, залился слезами, изъявляя жалость, человѣчество, страхъ Божій. Его удалили отъ совѣта. Всѣ другіе думали, что смерть Дмитріева необходима для безопасности правителя и для государственнаго блага. Начали съ яда. Мамка царевичева, боярыня Василиса Волохова, и сынъ ея, Осипъ, продавъ Годупову свою душу, служи-

ли ему орудіемъ; но зеліе смертоносное не вредило младенцу, по словамъ лѣтописца, ни въ яствахъ, ни въ питіи. Можетъ быть, совѣсть еще дѣйствовала въ исполнителяхъ адской воли; можетъ быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея, къ досадѣ нетерпѣливаго Бориса, который рѣшился употребить иныхъ, смѣлѣйшихъ злодѣевъ. Выборъ палъ на двухъ чиновниковъ, Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчугова, одолженныхъ милостями правителя; но оба уклонились отъ сдѣланнаго имъ предложенія: готовые умереть за Бориса, мерзли душегубствомъ; обязались только молчать, и съ сего времени были гонимы. Тогда усерднѣйшій клевретъ Борисовъ, дядька царскій, окольникій Андрей Лупкъ-Клешнинъ, представилъ человѣка надежнаго, дьяка Михайла Битяговскаго, ознаменованнаго на лицѣ печатію звѣрства, такъ что дикій видъ его ручался за вѣрность во злѣ. Годуновъ высыпалъ золото, обѣщалъ болѣе и совершенную безопасность, велѣлъ извергу ѣхать въ Угличъ, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей царицы, не спускать глазъ съ обреченной жертвы и не упустить первой минуты благопріятной. Битяговскій далъ и сдержалъ слово.

Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Угличъ сыны его, Данило, и племянникъ Никита Качаловъ, также удостоенные совершенной довѣренности Годунова. Успѣхъ казался легкимъ: съ утра до вечера они могли быть у царицы, занимаясь ея домашнимъ обиходомъ, надзираая надъ слугами и надъ столомъ; а мамка Димитріева съ сыномъ помогала

нимъ совѣтомъ и дѣломъ. Но Дмитрія хранила нѣжная мать! Извѣщенная ли нѣкоторыми тайными доброжелателями или своимъ сердцемъ, она удвоила попеченія о миломъ сынѣ, не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью, выходила изъ комнаты только въ церковь, питала его изъ собственныхъ рукъ, не ввѣрала ни злой мамкѣ Волоховой, ни усердной кормилицѣ, Иринѣ Ждановой. Прошло не мало времени; наконецъ убійцы, не видя возможности совершить злодѣяніе втайнѣ, дерзнули на явное, въ надеждѣ, что хитрый и сильный Годуновъ найдетъ способъ прикрыть оное для своей чести въ глазахъ рабовъ безмолвныхъ, ибо думали только о людяхъ, не о Богѣ! Насталъ день, ужасный происшествіемъ и слѣдствіями долговременными. 15 мая въ субботу, въ

Убиеніе царевича Димитрія.	шестомъ часу дня, царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви, и готовилась обѣдать; братьевъ ея не было во дворцѣ, слуги носили кушанье. Въ сію минуту боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ; царица, думая идти съ ними же, въ какомъ-то несчастномъ разсѣяніи осталась. Кормилица удерживала царевича, сама не зная для чего, но мамка силою вывела его изъ горницы въ сѣни и къ нижнему крыльцу, гдѣ явились Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій, Никита Качаловъ. Первый, взявъ Димитрія за руку, сказалъ: «государь! у тебя повое ожерелье». Младенецъ, съ улыбкою невинности поднявъ голову, отвѣчалъ: «нѣтъ, старое» Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ, едва коснулся гортани его, и выпалъ изъ рукъ Волохова. Закричавъ отъ
----------------------------------	--

ужаса, кормилица обняла своего державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ, но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали, и кинулись внизъ съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда царица вышла изъ сѣней на крыльцо... Девятилѣтній святой мученикъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защитить его своею грудью; онъ трепеталъ какъ голубь, испуская духъ, и скончался, уже не слышавъ воли отчаянной матери... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодѣйствомъ, и на убійць, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ. Не кому было остановить ихъ, но Всевышній Мститель присутствовалъ!

Черезъ минуту весь городъ представилъ зрѣлище мятежа неизъяснимаго. Пономарь соборной церкви — самъ ли, какъ пишутъ, видѣвъ убійство, или извѣщенный о томъ слугами царицы — ударилъ въ набатъ, и всѣ улицы наполнились людьми, встревоженными, изумленными; бѣжали на звукъ колокола, смотрѣли дыма, пламени, думая, что горитъ дворецъ; вломались въ его ворота, увидѣли царевича мертваго на землѣ, подлѣ него лежали мать и кормилица безъ памяти; но имена злодѣевъ были уже произнесены ими. Сіи изверги, невидимымъ Судіею ознаменованные для праведной казни, не успѣли или боялись скрыться, чтобы не обличить тѣмъ своего дѣла, въ замѣшательствѣ, въ изступленіи, уstraшенные набатомъ, шумомъ, стремленіемъ народа, вбѣжали въ избу разрядную. А тайный вождь ихъ, Михайло Битяговскій, бросился на колокольню, чтобы удержать звонаря, не могъ отбить запертой имъ двери, и

безстрашно явился на мѣстѣ злодѣянiя, приблизился къ трупу убіеннаго, хотѣлъ утишить народное волненiе, дерзнулъ сказать гражданамъ (заблаговременно изготовивъ сію ложь съ Клепнинымъ или съ Борисомъ), что младенецъ умертвилъ самъ себя ножемъ въ падучей болѣзни. «Душегубецъ!» завопили толпы; камни посыпались на злодѣя. Онъ искалъ убѣжища во дворцѣ, съ однимъ изъ клеветовъ своихъ, Даниломъ Третьяковымъ. Народъ схватилъ, убилъ ихъ, также и сына Михайлова, и Никиту Качалова, выломивъ дверь разрядной избы. Третій убійца, Осипъ Волоховъ, ушелъ въ домъ Михайла Битяговскаго; его взяли, привели въ церковь Спаса, гдѣ уже стоялъ гробъ Дмитріевъ, и тамъ умертвили, въ глазахъ царицы. Умертвили еще слугъ Михайловыхъ, трехъ мѣщанъ, уличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ согласiи съ убійцами, и женку юродивую, которая жила у Битяговскаго и часто ходила во дворецъ. Но мамку оставили живую для важныхъ показанiй; ибо злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣсть, какъ пишутъ, искреннимъ признанiемъ, наименовали и главнаго виновника Дмитріевой смерти, Бориса Годунова. Вѣроятно, что уstraшенная мамка также не запиралась въ адскомъ ковѣ. Но судіею преступленiя былъ самъ преступникъ!

Беззаконно совершивъ мечь, хотя и праведную, отъ ненависти къ злодѣямъ, отъ любви къ царской крови забывъ гражданскіе уставы, извиняемый чувствомъ усердiя, но виновный предъ судилищемъ государственной власти, народъ опомнился, утихъ и съ безпокойствомъ ждалъ указа

изъ Москвы, куда градоначальники послали гонца съ донесеніемъ о бѣдственномъ происшествіи, безъ всякой утайки, написавъ бумагу на имя царя. Но Годуновъ бодрствовалъ. Вѣрные ему чиновники были разставлены по углицкой дорогѣ; всѣхъ ѣдущихъ задерживали, спрашивали, осматривали; схватили гонца и привели къ Борису. Желаніе злаго властолюбца исполнилось! Надеждало только затмить истину ложью, если не для совершеннаго удостовѣренія людей безпристрастныхъ, то по крайней мѣрѣ для вида, для пристойности. Взяли и переписали грамоты углицкія: сказали въ нихъ, что царевичъ въ судорожномъ припадкѣ закололъ себя ножомъ отъ небреженія Нарихъ, которые, закрывая вину свою, безстыдно оклеветали дьяка Битяговскаго и ближнихъ его въ убіеніи Дмитрія, взволновали народъ, злодѣйски истерзали невинныхъ. Съ симъ подлогомъ Годуновъ спѣшилъ къ Феодору, лицемерно изъясняя скорбь душевную, трепеталъ, смотрѣлъ на небо — и вымолвивъ ужасное слово о смерти Дмитріевой, смѣшалъ слезы крокодиловы съ искренними слезами добраго, вѣрнаго брата. Царь, по словамъ лѣтописца, горько плакалъ, долго безмолвствуя, наконецъ сказалъ: «да будетъ воля Божія!» и всему повѣрилъ. Но требовалось чего нибудь болѣе для Россіи. Хотѣли оказать усердіе въ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ сего несчастія. Ни мало не медля, послали для того въ Угличъ двухъ знатныхъ сановниковъ государственныхъ — и кого же? Окольного Андрея Клепнина, главнаго Борисова собесѣдника въ злодѣйствѣ! Не дивились сему выбору,

могли удивиться другому: боярина князя Василя Ивановича Шуйскаго, коего старшій братъ, князь Андрей, погибъ отъ Годунова. и который самъ нѣсколько лѣтъ ждалъ отъ него гибели, будучи въ опалѣ. Но хитрый Борисъ уже примирился съ симъ княземъ честолюбивымъ, легкомысленнымъ, умнымъ безъ правилъ добродѣтели, и съ меньшимъ его братомъ. Димитріемъ, женивъ послѣдняго на своей юпой свояченицѣ, и давъ ему санъ боярина. Годуновъ зпалъ людей, и не ошибся въ князѣ Василя, оказавъ такимъ выборомъ мнимую неустрашимость, мнимое безпристрастіе. 19 мая. ввечеру, князь Шуйскій, Клешиинъ и дьякъ Вылузгинъ пріѣхали въ Угличъ, а съ ними и крутицкій митрополитъ, прямо въ церковь св. Преображенія.

Тамъ еще лежало Димитріево тѣло окровавленное, и на тѣлѣ пожъ убійць. Злосчастная мать, родные и все доброе граждане плакали горько. Шуйскій съ изъявленіемъ чувствительности приступилъ ко гробу, чтобы видѣть лице мертваго, осмотрѣть язву; но Клешиинъ, увидѣвъ сіе ангельское, мирное лицо, кровь и ножъ, затрепеталъ, оцѣпенѣлъ, стоялъ неподвижно, обливаясь слезами, не могъ произнести ни единаго слова: онъ еще имѣлъ совѣсть! Глубокая язва Димитріева, гортань перерѣзанная рукою сильнаго злодѣя, не собственною, не младенческою, свидѣтельствовала о несомнительномъ убіеніи. Для того снѣшили предать землѣ святая мощи невинности, митрополитъ отпѣлъ ихъ и князь Шуйскій началъ свои допросы, — памятникъ его безсовѣстной лживости, сохранный временемъ какъ бы въ оправ-

даніе бѣдствій, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ пали на главу, уже вѣщепосную, сего слабаго, если и не безбожнаго челоуѣкоугодника! Собравъ духовенство и гражданъ, онъ спросилъ у нихъ: какимъ образомъ Димитрій, отъ небреженія Натихъ, закололъ самъ себя? Единодушно, единогласно, иноки, священники, мужи и жены, старцы и юноши отвѣтствовали: царевичъ убіенъ спопми рабами, Михайломъ Витяговскимъ съ клеветами, по волѣ Бориса Годунова. Шуйскій не слушалъ далѣе, распустилъ ихъ, рѣшился допрашивать тайно, особенно, не миромъ, дѣйствуя угрозами и обѣщаніями, призывалъ, кого хотѣлъ, писалъ, что хотѣлъ— и наконецъ, вмѣстѣ съ Клепшинымъ и съ дьякомъ Вылузгинымъ, составилъ слѣдующее донесеніе царю, основанное будто бы на показаніяхъ городскихъ чиновниковъ, мамки Волоховой, жильцовъ или царевичевыхъ дѣтей боярскихъ, Димитріевой кормилицы Ирны, постельницы Марьи Самойловой, двухъ Натихъ: Григорія и Андрея Александрова, царицыныхъ ключниковъ и стражнихъ, нѣкоторыхъ гражданъ и духовныхъ особъ: «Димитрій, въ среду мая 12, занемогъ падучею болѣзнію; въ пятницу ему стало лучше, онъ ходилъ съ царицею къ обѣднѣ и гулялъ на дворѣ; въ субботу, также послѣ обѣдни, вышолъ гулять на дворъ съ мамкою, кормилицею, постельницею и съ молодыми жильцами, началъ играть съ ними пожемы въ тычку, и въ новомъ припадкѣ черваго недуга проткнулъ себѣ горло пожемы, долго бился о землю и скончался. Имѣя сію болѣзнь и прежде, Димитрій однажды уязвилъ свою мать, а

въ другой разъ объѣлъ руку дочери Андрея Нагаго. Узнавъ о несчастіи сына, царица прибѣжала и начала бить мамку, говоря, что его зарѣзали Волоховъ, Качаловъ, Данило Битяговскій, изъ коихъ ни одного тутъ не было; но царица и пьяный братъ ея, Михайло Нагой, велѣли умертвить ихъ и дьяка Битяговскаго безвинно, единственно за то, что сей усердный дьякъ не удовлетворялъ корыстолюбію Нагихъ и не давалъ имъ денегъ сверхъ указа государева. Свѣдавъ, что сановники царскіе ѣдутъ въ Угличъ, Михайло Нагой велѣлъ принести нѣсколько самопаловъ, ножей, желѣзную палицу; вымазать оныя кровью и положить на тѣла убитыхъ, въ обличеніе ихъ мнимаго злодѣянія». Сію нелѣпность утвердили своею подписью воскресенскій архимандритъ Феодоритъ, два игумена и духовникъ Нагихъ, отъ робости и малодушія, а свидѣтельство истины, мірское, единотласное, было утаено; записали только отвѣты Михайла Нагаго, какъ бы явнаго клеветника, упрямо стоящаго въ томъ, что Дмитрій погибъ отъ руки злодѣевъ.

Шуйскій, возвратясь въ Москву, 2 іюня представилъ свои допросы государю; государь же отослалъ ихъ въ патріарху и святителямъ, которые, въ общей думѣ съ боярами, велѣли читать сей свитокъ знатному дьяку Василью Щелкалову. Выслушавъ, митрополитъ крутицкій, Геласій, всталъ и сказалъ Іову: «объявляю священному собору, что вдовствующая царица, въ день моего отъѣзда изъ Углича, призвала меня къ себѣ и слезно убѣждала смягчить гнѣвъ государевъ на тѣхъ, которые умертвили дьяка Битяговскаго и

товарищей его; что она сама видитъ въ семь дѣлъ преступленіе, моля смиренно, да не погубитъ государь ея бѣдныхъ рооственниковъ». Лукавый Геласій — исказивъ, вѣроятно, слова несчастной матери — подалъ Іову новую бумагу отъ имени городского углицкаго прикащика, который писалъ въ ней, что Димитрій дѣйствительно умеръ въ черномъ ведугѣ, а Михайло Нагой пьяный велѣлъ народу убить невинныхъ... И соборъ (воспоминаніе горестное для церкви!) поднесъ Теодору докладъ такого содержанія: «Да будетъ воля государева! Мы же удостовѣрились несомнительно, что жизнь царевича прекратилась судомъ Божиимъ; что Михайло Нагой есть виновникъ кровопролитія ужаснаго, дѣйствовалъ по внушенію личной злобы и совѣтовался съ злыми вѣщунами, съ Андреемъ Мочаловымъ и съ другими; что граждане углицкіе вмѣстѣ съ нимъ достойны казни за свою измѣну и беззаконіе. Но сіе дѣло есть земское: вѣдаетъ оное Богъ и государь; въ рукѣ державнаго опала и милость. А мы должны единственно молить Всевышняго о царѣ и царицѣ, о тишинѣ и благоденствіи народа!» Теодоръ велѣлъ боярамъ рѣшить дѣло и казнить виновныхъ. Привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Димитріеву съ мужемъ, и мнимаго вѣщуна Мочалова, въ тяжкихъ оковахъ; снова допрашивали, пытали, особенно Михайла Нагаго, и не могли вынудить отъ него лжи о самоубійствѣ Димитрія; наконецъ сослали всѣхъ Нагихъ въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую царицу, неволею постриженную, отвезли въ дикую пустыню св. Николая на Выксѣ (близъ Че-

реповца); тѣла злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честію; а гражданъ тамошнихъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію, числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали языки, многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ, такъ что древній, обширный Угличъ, гдѣ было, если вѣрить предаію, 150 церквей и не менѣе тридцати тысячъ жителей, опустѣлъ навѣки, въ память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣлыхъ обличителей его дѣла. Остались развалины, вопія къ Небу о мести!

Карая великодушіе, Годуновъ съ такою же дерзостию наградилъ злодѣяніе, давъ богатыя земли и помѣстья гнусной мамкѣ Волоховой, женѣ и дочерямъ Битяговскаго; осыпалъ дарами мужей думныхъ и всѣхъ знатныхъ сановниковъ, ласкалъ ихъ, угощалъ обѣдами роскошными (не могъ успокоить одного Клешинина, въ терзаніяхъ совѣсти умершаго чрезъ нѣсколько лѣтъ схимникомъ)... Но въ безмолвіи двора и церкви слышенъ былъ ропотъ народа, не обмалутаго ни слѣдствіемъ Шуйскаго, ни приговоромъ святителей, ни судомъ боярскимъ: лазутчики Годунова слышали въ полголоса слова о страшномъ закланіи, тайномъ его виновникѣ, жалостномъ ослѣпленіи царя, безсовѣстномъ потворствѣ вельможъ и духовенства; видѣли въ толпахъ печальныя лица. Борисъ, тревожимый молвою, нашелъ способъ утишить оную, въ великомъ бѣдствіи, которое тогда постигло столицу. Наканунѣ Троицы, въ отсутствіе госу-

даря, уѣхавшаго съ боярами въ лавру св. Сергія запылалъ въ Москвѣ дворъ котымаж- Пожаръ въ ный, и въ нѣсколько часовъ сгорѣли ^{Москвѣ.} улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Бѣлый городъ и за нимъ дворъ посольскій, слободы Стрѣлецкія, все Занеглинѣ: дома, лавки, церкви и множество людей. Кремль и Китай, гдѣ жило знатное дворянство, уцѣлѣли: но граждане остались безъ крова, нѣкоторые и безъ имѣнія. Стонъ и вой раздавались среди обширнаго пепелища, и люди толпами бѣжали на Троицкую дорогу встрѣтить Ѣодора, требовать его милости и помощи. Борисъ не допустилъ ихъ до царя; явился между ними съ видомъ любви и сожалѣнія, всѣхъ выслушалъ, всѣмъ обѣщалъ, и сдѣлалъ обѣщанное: выстроилъ цѣлыя улицы, раздавалъ деньги, льготныя грамоты, оказывалъ щедрость безпримѣрную, такъ что москвитяне, утѣшенныя, изумленныя сими благодѣяніями, начали ревностно славить Годунова. Случайно ли воспользовался онъ несчастіемъ столицы для пріобрѣтенія любви народной, или былъ тайнымъ виновникомъ онаго, какъ утверждаетъ лѣтописецъ, и какъ думали многіе изъ современниковъ? Въ самыхъ розрядныхъ книгахъ сказано, что Москву жгли тогда злодѣи; но Борисъ хотѣлъ обратить сіе подозрѣніе на своихъ ненавистниковъ: взяли людей Аѳанасія Нагаго и братьевъ его, допрашивали и говорили, что они уличаются въ злодѣйствѣ; однакожь не казнили ихъ, и дѣло осталось неяснымъ для потомства.

Скоро и другой, какъ бы благопріятный для Годунова случай, великою, неожиданною опасно-

стію взволновавъ Москву и всю Россію, отвлекъ Нашествіе хана МЫСЛИ народа отъ ужасной Димитріе- и битва подъ вой смерти: нашествіе варваровъ. Ма- Москвою. ня Θεодора увѣрепемъ въ дружествѣ, ханъ Казы-Гирей сносился съ королемъ шведскимъ. требоваль отъ него золота, обѣщаль сильнымъ впаденіемъ поколебать Москву, и дѣйстви- тельно къ тому готовился, исполняя приказъ султана, врага нашего, и будучи самъ недоволенъ Россіею. Во первыхъ, онъ свѣдалъ, что мы тайно извѣстили литовскихъ пановъ о намѣреніи его снова идти на ихъ землю и предлагали имъ общими силами воевать Тавриду (о чемъ, вѣроятно, далъ ему знать король Сигизмундъ); во-вторыхъ, Θεодоръ не отпустилъ царевича Мурата къ хану, который убѣдилъ сего племянника забыть старое и хотѣлъ сдѣлать калгою или главнымъ вельможею орды Таврической. Муратъ жилъ въ Астрахани, неизмѣнно усердствовалъ Россіи, обуздываль ногаевъ и, къ искреннему сожалѣнію Θεодора, скоропостижно умеръ, испорченный, какъ думали, подосланными къ нему изъ Крыма злодѣями; но ханъ утверждалъ, что россияне ядомъ отравили Мурата, и клялся отмстить имъ. Третьею виною Казы-Гиреева ополченія на Россію была мысль его князей, что каждый добрый ханъ обязанъ, въ исполненіе древняго обычая, хотя однажды видѣть берега Оки для снисканія воинской чести, то есть, они желали русской добычи, и вѣрили бывшему у нихъ послу шведскому, что все наше войско занято войною съ королемъ его. Мы всегда имѣли друзей и лазутчиковъ въ Крыму чтобы знать не только дѣйствія, но и всѣ за-

мысли хановъ; въ сіе время находились тамъ и гонцы московскіе; слѣдственно ханъ не могъ утаить отъ насъ своего вооруженія чрезвычайнаго но умѣлъ обмануть, увѣрилъ бдительнаго правителя, что идетъ разорять Вильну и Краковъ; назначилъ знатное посольство въ Москву для заключенія союза съ нами; требовалъ, чтобы и царь немедленно прислалъ къ нему когонибудь изъ первыхъ сановниковъ. Между тѣмъ всѣ улусы были въ сильномъ движеніи, всѣ годные люди садились на коней, отъ стараго до малаго; съ ними соединились и полки погайскіе Казыева улуса, и султанскіе, изъ Азова, Вѣлагограда, съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Наступала весна, всегда опасная для южной Россіи, а Царская Дума не тревожилась, выславъ въ началѣ апрѣля знатныхъ воеводъ къ нашей обыкновенной береговой рати: князя Мстиславскаго, Ноготкова, Трубенцкихъ, Голицына, Федора Хворостинина, въ Серпуховъ, Калугу и въ другія мѣста. Еще въ маѣ разѣзды наши не встрѣчали ни одного татарина на берегахъ Дона Сѣверскаго и Боровой, видѣли только слѣды зимняго кочевья и юрты оставленныя. Но 26 іюня прискакали въ Москву гонцы съ вѣстію, что степь покрылась тучами ханскими, что не менѣе ста пятидесяти тысячъ крымцевъ идетъ къ Тулѣ, обходя крѣпости, нигдѣ не медля, не разсыпаясь для грабежа. Годунову надлежало оказать всю бодрость своего духа и загладить оплошность: въ тотъ же часъ послали указы къ воеводамъ всѣхъ степныхъ крѣпостей, велѣли имъ спѣшить къ Серпухову, соединиться съ княземъ Мстиславскимъ, чтобы встрѣтить хана въ полѣ. Къ

несчастью, главное войско наше стояло тогда въ Новгородѣ и Псковѣ, наблюдая шведовъ; оно не могло приспѣть къ рѣшительной битвѣ и о немъ уже не думали. Объявили Москву въ осадѣ; поручили блюсти дворецъ государевъ князю Ивану Михайловичу Глинскому, Кремль боярину князю Дмитрію Ивановичу Шуйскому. Китай Голицыну, Бѣлый городъ Ногтеву-Суздальскому и Мусѣ Туренину. 27 іюня свѣдали о быстромъ стремленіи непріятеля къ столицѣ. увѣрились въ невозможности соединенія всѣхъ полковъ на берегахъ Оки до пріхода хавскаго, и перемѣнили распоряженіе: велѣли Мстиславскому идти къ Москвѣ, чтобы предъ ея священными стѣнами, въ виду храмовъ и палатъ кремлевскихъ, въ глазахъ царя и царицы, за вѣру, за отечество сразиться съ невѣрными. Въ ободреніе народу разглашали, что мы, оставляя берега Оки, заманиваемъ непріятеля въ сѣти, и хотимъ внутри Россіи истребить его совершенно. Въ самомъ дѣлѣ сіе отступленіе прибавляло къ береговому войску еще нѣсколько тысячъ лучшихъ ратниковъ московскихъ, благородную дружину государеву, знатныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, кромѣ вооруженныхъ гражданъ; давало намъ важный перевѣсъ въ сплахъ и выгоду биться подъ стѣнами неодолимыми, подъ громомъ тяжелаго огнестрѣльнаго снаряда, ужаснаго для варваровъ. Надлежало единственно взять мѣры, чтобы ханъ не ввергнулъ огня и разрушенія въ ядра столицы, какъ сдѣлалъ Девлетъ-Гирей въ 1571 году. Для того съ удивительною скоростію укрѣпили предмѣстіе за Москвою рѣкою деревянными стѣнами съ бойницами; обратили

монастыри въ твердыни: Даниловскій, Новоспасскій, Симоновъ; назначили станъ войску верстахъ въ двухъ отъ города, между Калужскою и Тульскою дорогою; соорудили тамъ дощатый подвижный городокъ на колесахъ и церковь св. Сергія гдѣ поставили икону Богоматери, бывшую съ Дмитріемъ въ Донской битвѣ; пѣли молебны, обходили всю Москву съ крестами, и съ нетерпѣніемъ ждали Мстиславскаго. 29 июня сей воевода выступилъ изъ Серпухова, оставивъ на Окѣ малочисленную стражу, и ночевалъ на Лопаснѣ, среди высокихъ кургановъ, славныхъ памятниковъ незабвенной побѣды 1572 года. Шелъ тотъ же непріятель, но Россія уже не имѣла Воротынскаго! 1 іюля, ввечеру, полки расположились на лугахъ Москвы-рѣки, противъ села Коломенскаго, а воеводы спѣшили къ государю съ донесеніемъ и для совѣта; возвратилъ въ слѣдующее утро, и ввели полки въ изготовленный для нихъ станъ, противъ монастыря Даниловскаго. Въ тотъ день самъ государь пріѣхалъ къ войску, осмотрѣлъ его, жаловалъ воеводу и всѣхъ людей ратныхъ милостивыми словами, спрашивалъ ихъ о здравіи, не оказывая робости, изъявляя надежду на Бога и на своихъ добрыхъ россиявъ.

Іюля 3 извѣстили Феодора, что ханъ перешелъ Оку подъ Тышловымъ, ночуетъ на Лопаснѣ, идетъ прямо къ Москвѣ; что передовой отрядъ непріятельскій, встрѣтивъ мужественнаго воеводу, князя Владиміра Бахтеярова, высланнаго на Похру съ двумястами пятидесятью дѣтьми боярскими, разбилъ его и гналъ, жестоко уязвленнаго, до селенія Виць. Тогда войско наше изготовилось къ

сраженію; каждый полкъ занялъ свое мѣсто, не выходя изъ укрѣпленій, и ввечеру пришла къ нимъ вся дружина царская; явился наконецъ и Борисъ Годуновъ, въ полномъ dospѣхѣ, на ратномъ конѣ, подъ древнимъ знаменемъ великокняжескимъ: кто былъ душею царства въ совѣтѣ, тому надлежало одушевить и воиновъ въ битвѣ за царство. Θεодоръ отдалъ ему всѣхъ дворянъ своихъ и тѣлохранителей, дотолѣ неразлучныхъ съ особою монарха; заключился въ уединенной палатѣ съ супругою и съ духовникомъ для молитвы; не боялся опасности, ибо считалъ за грѣхъ бояться, и сдѣлавъ все, что могъ, для спасенія отечества, съ ангельскимъ спокойствіемъ предавалъ себя и державу въ волю Всевышняго. За правителемъ ѣхали и всѣ бояре, какъ бы за государемъ; но, встрѣченный, привѣтствуемый воеводами, онъ не взялъ главнаго начальства изъ рукъ знатнѣйшаго или опытнѣйшаго вождя, князя Мстиславскаго, удовольствовался вторымъ мѣстомъ въ большомъ полку, составивъ для себя воинскую думу изъ шести сановниковъ, въ числѣ коихъ находился и знаменитый изгнанникъ, Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, властію Годунова уже примиренный съ дворомъ и съ народомъ, витязь украшенный знаками отличія и славы.

Всю ночь стояла рать подъ знаменами; всю ночь бодрствовалъ Годуновъ: ходилъ по рядамъ, укрѣплялъ духъ воеводъ и воиновъ, совѣтовалъ и принималъ совѣты, требовалъ довѣренности и находилъ ее, великимъ умомъ замѣняя недостатокъ въ опытности ратной. Знали о близости непріятеля; слышали вдали шумъ, топотъ коней, и на

разсвѣтъ увидѣли густыя толпы ханскія. Казы-Гирей шелъ осторожно, сталъ противъ села Коломенскаго, и съ Поклонной горы обозрѣвъ мѣста, велѣлъ своимъ царевичамъ ударить на войско московское. Дотолѣ все было тихо; но какъ скоро многочисленная конница непріятельская спустилась съ высоты на равнину, загрѣмѣли всѣ бойницы стана, монастырей, кремлевскія, и сотни отборныя изъ каждаго полку съ отборными головами, дружины литовскія, нѣмецкія съ ихъ капитанами выступили изъ укрѣпленія, чтобы встрѣтить крымцевъ, а воеводы съ главнымъ войскомъ оставались въ дощатомъ городкѣ и ждали своего часа. Битва началась вдругъ во многихъ мѣстахъ, ибо непріятель, осыпанный пушечными ядрами, раздѣлился, пуская стрѣлы, и въ схваткѣ дѣйствуя саблями лучше нашихъ; но мы имѣли выгоду, искусно стрѣляя изъ ручныхъ пищалей, стоя и нападаая дружиѣ. Песчаная равнина покрывалась болѣе мусульманскими, нежели христіанскими трупами, въ виду у хана и москвитянь, коими стѣны, башни, колокольни были унижены, вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса, ибо дѣло шло о Москвѣ: ее губили или спасали побѣдители! Народъ то безмолвствовалъ, то вопилъ, слѣдуя душою за всѣми движеніями кровопролитной сѣчи, зрѣлища новаго для нашей древней столицы, которая видала приступы къ стѣнамъ ея, но еще до сего времени не видала полевой битвы на своихъ равнинахъ. Не имѣли нужды въ вѣстникахъ: глазъ управлялъ чувствомъ страха и надежды. Другіе не хотѣли ничего видѣть: смотрѣли только на

святыя иконы, орошая теплыми слезами помость храмовъ, гдѣ пѣніе іереевъ заглушалось звукомъ пальбы и куреніе еиміама мѣшалось съ дымомъ пороха. Сказаніе едва вѣроятное: въ сію торжественную, роковую годину, когда сильно трепетало сердце и въ столѣтнихъ старцахъ московскихъ, одинъ человѣкъ наслаждался спокойствіемъ души непоколебимой—тотъ, чье имя вмѣстѣ съ Божиимъ призывалось россиянами въ сѣчѣ, за кого они умирали предъ стѣнами столицы—самъ государь! Утомленный долгою молитвою, Феодоръ мирно отдыхалъ въ часъ полуденный; всталъ и равнодушно смотрѣлъ изъ высокаго своего терема на битву. За нимъ стоялъ добрый бояринъ, Григорій Васильевичъ Годуновъ, и плакалъ; Феодоръ обратился къ нему, увидѣвъ его слезы и сказалъ: «будь спокоенъ! завтра не будетъ хана!» Сіе слово, говоритъ лѣтописецъ, оказалось пророчествомъ.

Сраженіе было перѣшительно. Съ обѣихъ сторонъ подкрѣпляли ратующихъ, но главныя силы еще не вступали въ дѣло: Мстиславскій, Годуновъ съ царскими знаменами и лучшею половиною войска не двигались съ мѣста, ожидая хана, который съ своими надежнѣйшими дружинами занялъ ввечеру село Воробьево и не хотѣлъ сойти съ горы, откуда алчный взоръ его пожиралъ столицу, добычу завидную, но не легкую, ибо земля стонала отъ грома московскихъ пушекъ и россияне бились мужественно на равнинѣ до самой ночи, которая дала, наконецъ, отдыхъ тому и другому войску. Множество татаръ легло въ сѣчѣ; множество было ранено: царевичъ Бахты-Гирей, нѣсколько большихъ князей и мурзъ; взято въ

плѣнь также не малое число людей знатныхъ. Духъ упалъ въ ханѣ и въ вельможахъ крымскихъ; они совѣтовались, что дѣлать, и болѣе ужасали, нежели ободряли другъ друга разсужденіемъ о слѣдствіяхъ новой, рѣшительной битвы, — слыша пальбу безпрестанную, видя сильное движеніе между нашимъ станомъ и Москвою; ибо Годуновъ, не жалѣя пороку, велѣлъ и ночью стрѣлять изъ пушекъ, для устрашенія непріятели, и граждае послѣ сѣчи толпами устремились въ станъ, привѣтствовать храбрыхъ, видѣть живыхъ друзей и родственниковъ, узнать о мертвыхъ. Плѣнники російскіе, вѣрные отечеству и въ узахъ, отвѣтствуя на вопросы хана, говорили ему, что въ Москву пришло свѣжее войско изъ Новгорода и Пскова; что мы стрѣляемъ въ знакъ радости, не сомнѣваясь въ побѣдѣ, и еще до разсвѣта ударимъ всѣми силами на крымцевъ. Ханъ могъ имъ и не вѣрить, но уже видѣлъ обманъ короля шведскаго: видѣлъ, что Россія, не взирая на войну съ шведами, имѣетъ довольно защитниковъ — и бѣжалъ за часъ до свѣта!

Извѣстивъ о томъ государя, воеводы при звукѣ всѣхъ колоколовъ радостной Москвы, со всѣми полками выступили вслѣдъ за ханомъ, который бѣжалъ безъ памяти, оставляя на пути имъ въ добычу и лошадей и рухлядь и запасы; слышалъ за собою топотъ нашей конницы, и безъ отдыха въ сутки достигъ Оки; на восходѣ солнца увидѣлъ передовую дружину россіянъ, и кинулся въ рѣку, бросивъ на берегу собственные возки царскіе; утопилъ множество людей своихъ, и бѣжалъ далѣе. Мстиславскій и Годуновъ ночевали въ Би-

цахъ, гоня непріятеля легкими отрядами, которые настигли задніе полки его близъ Тулы, разбили ихъ, взяли 1000 плѣнниковъ съ нѣкоторыми знатнѣйшими мурзами; топтали, истребляли крымцевъ въ степяхъ и выгнали изъ нашихъ владѣній, гдѣ Казы-Гирей не успѣлъ злодѣйствовать, и 2 августа прискакалъ на телѣгѣ ночью въ Бахчисарай, съ подвязанною, уязвленной рукою; а крымцевъ возвратилось не болѣе трети, пѣшихъ, голодныхъ, такъ что сей ханскій походъ оказался самымъ несчастнѣйшимъ для Тавриды и самымъ безвреднѣйшимъ для Россіи, гдѣ все осталось въ цѣлости: и города, и деревни, и жители.

Главные воеводы не ходили далѣе Серпухова, Царь, можетъ быть по совѣту умной Ирины, писалъ къ нимъ, чтобы они гнали и старались истребить непріятеля въ степяхъ; но князь Мстиславскій отвѣтствовалъ ему, что имъ невозможно достигнуть хана, и въ сей бумагѣ наименовавъ себя одного, получилъ отъ Феодора строгій выговоръ за неозначеніе въ ней Борисова великаго имени, къ коему дворъ относилъ всю честь побѣды. Однакожь соблюли равенство въ наградахъ. 10 іюля пріѣхалъ въ Серпуховъ стольникъ, Иванъ Никитичъ Юрьевъ, съ милостивымъ словомъ и съ жалованьемъ государевымъ; спросилъ войско о здравіи и вручилъ воеводамъ медали: Мстиславскому и Годунову золотые португальскіе, иными корабельники и червонцы венгерскіе. Велѣвъ остаться на берегу нѣкоторымъ младшимъ изъ нихъ, государь звалъ всѣхъ другихъ въ Москву для изъявленія имъ новыхъ милостей: надѣлъ на Бориса съ своего плеча шубу русскую

съ золотыми пуговицами въ 1000 рублей (или въ 5000 нынѣшнихъ серебряныхъ), и съ себя же цѣпь драгоцѣнную; пожаловалъ ему златый сосудъ Мамаевскій, славную добычу Куликовской битвы, три города области Важской въ наслѣдственное достояніе, и титуло Слуги, знаменитѣйшее боярскаго, и въ теченіе вѣка посимое толь-
Новый санъ
ко тремъ вельможамъ: княземъ Си- Годунова.
меономъ Ряполовскимъ, коего отецъ спасъ юнаго Іоанна III отъ Шемякиной злобы; княземъ Ивановомъ Михайловичемъ Воротынскимъ за Ведрошскую побѣду и сыномъ его, бессмертнымъ княземъ Михаиломъ, за разбитіе крымскихъ царевичей на Донцѣ и взятіе Казани. Князю Мстиславскому далъ Оеодоръ, также съ своего плеча, шубу съ золотыми пуговицами, кубокъ съ золотою чаркою и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ; другихъ воеводъ, головъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ жаловалъ шубами, сосудами, вотчинами и помѣстьями, или деньгами, камками, бархатами, атласами, соболями и куницами; стрѣльцевъ и казаковъ тафтами, сукнами, деньгами. Однимъ словомъ, никто изъ воиновъ не остался безъ награды, и не было копца великолѣпнымъ пирамъ въ Граповитой палатѣ, болѣе въ честь Годунова, нежели въ царскую, ибо Оеодоръ велѣлъ торжественно объявить и въ Россіи и въ чужихъ земляхъ, что Богъ даровалъ ему побѣду радѣніемъ и промысломъ Борисовымъ. Такимъ образомъ новый лучъ озарилъ главу правителя, лучъ ратной славы, блистательнѣйшей для народа державы воинственной, которую окружали еще столь многія опасности и непріатели! На мѣстѣ, гдѣ вой-

ско стояло въ укрѣпленіи противъ хана, заложили каменную церковь Богоматери и монастырь названный Донскимъ отъ имени святой иконы, Донской монастырь. которая была съ Димитріемъ на Куликовѣхъ полѣхъ и съ Годуновымъ въ московской битвѣ, а на случай новаго приступа варваровъ къ столицѣ защитили всѣ ея посады деревьянными стѣнами съ высокими башнями.

Но торжество Борисово, пиръ двора и воинства, милости и жалованья царскія заключились пытками и казнями! Донесли правителю, что оскорбительная для него молва носится въ городахъ уѣздныхъ, особенно въ Алексинѣ — молва, распущенная его неприятели, по крайней мѣрѣ нечестная: говорили, что будто бы онъ пригласилъ хана къ Москвѣ, желая унять Клевета на правителя и мести его. вопль Россіи о жестокости убійствъ Димитрія. Народъ — и только одинъ народъ — слушалъ, повторялъ сію клевету. Съ великодушіемъ, съ невинностію Годуновъ могъ бы презрѣть злословіе грубое, разносимое вѣтромъ; но Годуновъ съ совѣстію нечистою закипѣлъ гнѣвомъ: послалъ чиновниковъ въ разныя мѣста; велѣлъ изыскивать, допрашивать, мучить людей бѣдныхъ, которые отъ простоты ума служили эхомъ клеветѣ, и въ страхѣ, въ истязаніяхъ оговаривали безвинныхъ; нѣкоторые умерли въ пыткахъ или въ темницахъ; другихъ казнили, инымъ рѣзали языки — и многія мѣста, по словамъ лѣтописца, опустѣли тогда въ Украинѣ, въ прибавленіе къ развалинамъ Углича!

Сія жестокость, достойная временъ Іоанновыхъ, назвалась Годунову необходимою для его безопас-

ности и чести, чтобы никто не дерзалъ ни говорить, ни мыслить ему противнаго—единственное условіе, коего не должно было нарушать для жизни мирной и счастливой въ Феодорово царствованіе! Грозный только для своихъ порицателей, Годуновъ во всѣхъ иныхъ слу- Милосердіе и чаяхъ хотѣлъ блистать милосердіемъ слава Годунова. рѣдкимъ. Заслуживалъ ли кто опалу, но могъ извиниться естественно человѣческою слабостію, того миловали и писали въ указѣ: «государь прощаетъ, изъ уваженія къ ходатайству слуги, коняшаго боярина». Даже измѣнникамъ, даже Михаилу Головину, жившему въ Литвѣ, Борисъ предлагалъ мирное возвращеніе въ отечество, знатнѣйшій санъ и лучшее помѣстье, какъ бы въ возмездіе за гнусную измѣну! Кого же осуждали на казнь, о томъ писали въ указѣ: «такъ приговорили бояре, князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи»; о Годуновѣ не упоминали. Для пріятелей, угодниковъ, льстецовъ не имѣя ничего завѣтнаго, кромѣ верховной власти, въ его рукахъ неприкосновенной, онъ ежедневно умножалъ число ихъ, и чѣмъ болѣе заслуживалъ укоризны, тѣмъ болѣе искалъ хвалы, и вездѣ слышалъ оную, искреннюю и лицемѣрную — читалъ и въ книгахъ, сочиняемыхъ тогдашними грамотѣями, духовными и мірскими; однимъ словомъ, искусствомъ и силою, страхомъ и благодареніями произвелъ вокругъ себя громъ славы, заглушая имъ если не внутренній гласъ совѣсти, то по крайней мѣрѣ гласъ истины въ народѣ.

Но жертвуя одной мысли и Небомъ и самымъ истиннымъ земнымъ счастіемъ: спокойствіемъ,

внутреннимъ услажденіемъ добродѣтели, законнымъ величіемъ государственнаго благотворителя, чистою славою въ исторіи, Годуновъ едва было не лишился вождельнаго плода своихъ козней, отъ случая естественнаго, но неожиданнаго: вдругъ разнеслася вѣсть отъ дворца Кремлевскаго до самыхъ крайнихъ предѣловъ государства—и всѣхъ, кромѣ Бориса, отъ монарха до земледѣльца, исполнила счастливой надежды—вѣсть, что Ирина беременна! Никогда Россія, по сказанію лѣтописца, не изъясляла нескрепнѣйшаго веселія: казалось, что небо, раздраженное преступленіемъ Годунова, по смягченному тайными слезами добрыхъ ея сыновъ, примирилось съ нею, и на могилѣ Димитріевой пасаждаетъ новое царственное древо, которое своими вѣтвями обниметъ грядущіе вѣка Россія. Легко вообразить сіи чувства народа, приверженнаго къ вѣщественному племени Св. Владимира. Гораздо труднѣе вообразить тогдашнія чувства Борисовы. Гнуснѣйшее изъ убійствъ оставалось тщетнымъ для убійцы: совѣсть терзала его, а надежда затмѣвалась навѣки или до новаго злодѣйства, еще страшнаго и для злодѣя! Годуновъ долженъ былъ терпѣть общую радость, изъяслять живѣйшее въ ней участіе, обманывать

дворъ и сестру свою! Черезъ нѣсколь-
 ко мѣсяцевъ нетерпѣливаго ожида-
 нія, Ирина родила дочь, къ облегче-
 нію Борисова сердца; но родители
 были и тѣмъ счастливы, какъ ни желали имѣть
 наслѣдника престолу: разрѣшилось неплодіе, и
 являемость ихъ могла увѣчатся плодомъ но-
 вымъ. въ исполненіе общаго желанія. Не только

Рожденіе и
 кончина ца-
 ровны Оео-
 досіи.

чувствительная мать, но и тихий, хладнокровный Феодоръ въ восторгѣ благодарилъ Всевышняго за милую дочь, названную Феодосією (и 14 іюня окрещенную въ Обители Чудовской); простилъ всѣхъ опальныхъ, самыхъ важныхъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть; велѣлъ отворить темницы и выпустить узниковъ; надѣлилъ монастыри богатою милостынею и послалъ множество серебра духовенству въ Палестину. Народъ также радовался; но люди склонные къ подозрѣнію, угадывая сокровенность души Борисовой, за тайну передавали другъ другу сомнѣніе: не могъ ли Годуновъ подмѣнить младенца, если царица родила сына, и вмѣсто его обманомъ представить Феодосію, взятую имъ у какой нибудь бѣдной родильницы? Послѣ увидимъ дѣйствіе сей мысли, хотя и мало вѣроятной. Съ другой стороны любопытные спрашивали: «Должна ли Феодосія, если не будетъ у нея братьевъ, наследовать Державу? Случай, дотошъ безпримѣрный, не могъ ли служить примѣромъ для будущаго? Россія никогда не имѣла женъ вѣнценосныхъ по наследію; но не лучше ли уставить новый законъ, чѣмъ осиротѣть престолу?» Сіи вопросы затруднительные беспокоили, какъ вѣроятно, и Годунова. Они разрѣшились, къ его успокоенію, смертію Феодосіи въ слѣдующемъ году. Не смотря на всѣ утѣшенія вѣры, Феодоръ долго не могъ осушить слезъ своихъ; съ нимъ плакала и столица, погребая юную царевну въ Дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ и раздѣляя тоску нѣжной матери, симъ ударомъ навѣки охлажденной къ мірскому счастью. Злорадствуя во глубинѣ души. Годуновъ

безъ сомнѣнія умѣлъ притвориться отчаяннымъ (ибо легче показывать лицемѣрную скорбь въ тайномъ удовольствіи, нежели веселіе лицемѣрное въ тайной печали); но снова подозрѣвали сего жестокаго властолюбца: думали, что онъ, бывъ виновникомъ Евдокинной смерти, уморилъ и Θεодосію. Богъ въдалъ истину; но обогранный святою кровію Димитріевою не имѣлъ права жамоваться на злословіе и легковѣріе: все служило ему праведною казнію — и самая клевета невѣроятная!

1591 — 1598.

Г Л А В А III.

Война и миръ съ Швеціею. — Переписка съ литовскими вельможами. — Набѣгъ крымцевъ. — Посольства въ Константинополь. — Своевольство донскихъ казаковъ. — Строеіе городовъ. — Миръ съ ханомъ. — вспоможеніе императору. — Знатный посоль австрійскій. — Легать Климента VIII въ Москвѣ. — Дружество Θεодора съ шахомъ Аббасомъ. — Походъ на Шавкала. — сношенія съ Данією и съ Англією. — Законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ. — Новая крѣпость въ Смоленскѣ. — Зажигальщики. — Дворъ московскій. — Ослѣпленіе царя Симеона. — Святители греческіе въ Москвѣ. — Разрушеніе Печерской обители. — Слово Θεодорова Годунову. — Кончина Θεодорова. — Присяга царицѣ Иринѣ. — Постриженіе Ирины. — Избраніе Годунова въ цари.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ Россія могла, какъ и до-
 томъ, хвалиться успѣхами и полити-
 кою благоразумною. Въ надеждѣ на
 содѣйствіе хана, Іоаннъ, король швед-
 скій, отвергнулъ перемпріе, данное ему Θεодоромъ

Война и миръ
съ Швеціею.

въ удовольствіе Сигизмунду, и генераль его, Мориць Грипъ, вступилъ въ Новгородскую область, жжегъ многія селенія близъ Ямы и Копорья. Воеводы наши, удивленные симъ печальнымъ нападениемъ, послали гонца спросить у него, знаетъ ли онъ о подписанномъ въ Москвѣ договорѣ? Не знаю, отвѣтствовалъ Мориць, шель далѣе, и стоялъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Новгорода. Свѣдавъ, что многочисленныя російскіе полки ожидаютъ его впереди, онъ не захотѣлъ битвы, и возвратился, но почти безъ войска, истребленнаго зимнимъ холодомъ и болѣзнями. Лѣтомъ 1591 года, когда ханъ стремился къ Москвѣ, шведы снова явились близъ Гдова, разбили нашъ отрядъ и взяли въ плѣнъ воеводу, князя Владимира Долгорукаго; другія толпы ихъ изъ Каяніи проникли, сквозь пустыни и лѣса, въ сѣверную Россію и взяли Сумскій Острогъ на Бѣломъ морѣ, думая овладѣть и всѣми ея пристанями. Но сія важная мысль, лишить насъ выгодъ морской торговли, требовала усилій невозможныхъ для слабой Швеціи. Царь послалъ туда изъ Москвы двухъ князей Волконскихъ, Андрея и Григорія, съ дружинами стрѣльцевъ. Первый занялъ монастырь Соловецкій, угрожаемый непріателемъ; второй истребилъ шведовъ въ Сумскомъ Острогѣ и взялъ нѣсколько пушекъ. Узнавъ, что каянскіе разбойники въ самый день Рождества Христова сожгли Кольскую и Печенгскую обитель, злодѣйски умертвивъ 50 иноковъ и 65 слугъ монастырскихъ, князь Григорій Волконскій отмстилъ имъ опустошеніемъ Каяніи и возвратился въ монастырь Соловецкій съ богатою добычею. Сія не-

пріятельскія дѣйствія едва было не произвелъ и разрыва съ Литвою, ибо Сигизмундъ долго не хотѣлъ утвердить заключеннаго въ Москвѣ перемирія безъ обязательства съ нашей стороны не тревожить Швеціи. Пословъ Ѳеодоровыхъ, Салтыкова и Гатищева, выводили изъ терѣбнїя останковками на пути въ Варшаву, сердили грубостями, лишали всѣхъ удобствъ, самаго нужнаго, такъ что они, исполненные негодования, предлагали королевскимъ чиновникамъ, вмѣсто денегъ, 50 сосудовъ серебряныхъ, требуя пищи для своихъ людей голодныхъ. Наконецъ Сигизмундъ, свѣдавъ объ изгнанїи хана изъ Россїи, утвердилъ договоръ Московскїй, но заставивъ нашихъ пословъ внести въ него новое условїе, чтобы ни царю, ни Литвѣ въ теченїе двѣнадцати лѣтъ не мыслить о завоеванїи Нарвы. Цѣлуя крестъ, онъ сказалъ Салтыкову: мы будемъ въ мирѣ съ царемъ до его перваго нападенїя на Швецію, ибо сынъ долженъ вступить за отца». Сїя угроза не спасла однакожь шведскихъ владѣній отъ разоренїя.

Зимою 1592 года царь послалъ знатнѣйшихъ воеводъ, князей Мстиславскаго и Трубецкихъ, двухъ Годуновыхъ, Ивана и Степана Васильевичей, князя Ноготкова и Богдана Яковлевича Бѣльскаго, въ Финляндію, гдѣ они выжгли селенїя и города, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнниковъ. Шведы не отважились на битву; сядѣли только въ Выборгѣ и въ Або, къ коимъ не приступали россияне, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ пепломъ и развалинами. Въ исходѣ февраля, совершивъ походъ, воеводы прїѣхали въ Москву, жаловаться другъ на друга; князь Ѳеодоръ Трубец-

кій винилъ Годуновыхъ, Годуновы Трубецкаго, въ худой ревности къ царской службѣ. Царь всѣмъ имъ объявилъ немилость за раздоръ, вредный для отечества и не велѣлъ съѣзжать со двора, отъ Вербной недѣли до Свѣтлаго Воскресенія, ибо правитель желалъ славиться безпристрастіемъ, сею легкою опалю доказавъ, что не щадить и своихъ ближнихъ, когда дѣло идетъ о пользѣ государственной.

Въ самое то время, когда мы безпрепятственно опустошали Финляндію, находился въ Стокгольмѣ посоль хана крымскаго, черкашенинъ Антоній, требуя золота отъ шведовъ за впаденіе Казы-Гиреево въ Россію. «Золото готово для побѣдителя», отвѣтствовалъ король Іоаннъ: «Ханъ видѣлъ Москву, но не спасъ нашей земли отъ меча російскаго». Видя, что и Сигизмундъ не можетъ быть надежнымъ защитникомъ Швеціи, Іоаннъ въ послѣдніе дни жизни своей искренно хотѣлъ мира съ Россіею, въ августѣ 1592 года выслалъ маршала Флеминга, генерала Бое и другихъ сановниковъ на рѣку Плюсу, гдѣ они съ окольнымъ и намѣстникомъ суздальскимъ, Михайломъ Салтыковымъ, въ январѣ 1593 года заключили двухлѣтнее перемиріе, уже именемъ новаго вѣнценосца шведскаго: 25 ноября Іоаннъ умеръ, и сынъ его, Сигизмундъ, наследовалъ престолъ шведскій, соединяя такимъ образомъ подъ своею державою силы двухъ королевствъ, враждебныхъ для Россіи—чему радовались въ Варшавѣ и въ Стокгольмѣ; чего опасались въ Москвѣ, но не долго. Оказались слѣдствія неожиданныя, болѣе въ пользу, нежели ко вреду Россіи, ибо Сигиз-

мундъ, вмѣсто тѣсной связи, произвелъ взаимную злобу между своими государствами; раболѣпствуя вельможамъ короннымъ и литовскимъ, хотѣлъ самовластвовать въ Швеціи, перемѣнить вѣру, ввести латинскую, отдать Эстонію Польгѣ; видѣлъ негодованіе, явное сопротивленіе шведовъ, и почти бѣжалъ изъ Стокгольма въ Варшаву, оставивъ верховную власть въ рукахъ Сената. Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ, въ раздорахъ, въ смятеніи, Швеція не могла думать о войнѣ съ Россіею, искала мира твердаго, вѣчнаго, и въ угожденіе царю согласилась, чтобы ея послы, Стенъ-Банеръ, Горпъ, Бое, съѣхались съ московскими, княземъ Иваномъ Туренинымъ и Пушкинымъ, въ владѣніи російскомъ, у Тязина, близъ Ивана-города; однакожь собрала и войско, въ Выборгѣ и въ Нарвѣ, чтобы дать болѣе силы своимъ требованіямъ или отказамъ. Россійское, гораздо многочислннѣйшее, стояло отъ Новгорода до эстонской и финляндской границы, въ тишинѣ и въ бездѣйствіи, ожидалъ конца переговоровъ. Съ обѣихъ сторонъ требовали для вида: мы Эстоніи, шведы Ивана-города, Ямы, Копорья, Орѣшка, Ладоги, Гдова, или денегъ за убытки войны долговременной; но въ самомъ дѣлѣ Швеція хотѣла только мира безъ уступокъ съ ея стороны, а Россія съ приобрѣтеніемъ Корельской области. Послы съ обѣихъ сторонъ жаловались на упрямство, въ досадѣ снимали шатры и разъѣзжались, чтобы снова съѣхаться. Наконецъ московскіе одержали верхъ, 18 мая 1595 года подписавъ слѣдующій договоръ: 1) быть вѣчному миру между Швеціею и Россіею; 2) первой спокойно владѣть Нарвою, Ревелемъ и всѣмъ

Чухонскимъ или Эстонскимъ княжествомъ; 3) Россіи не помогать врагамъ Швеціи, а Швеціи врагамъ Россіи, ни людьми, ни деньгами; 4) плѣнныхъ освободить безъ окупа и безъ размѣна; 5) лапландцамъ остерботнійскимъ и варангскимъ платить дань Швеціи, а восточнымъ (кольскимъ и сосѣдственнымъ съ землею Двинскою) Россіи; 6) шведамъ торговать свободно въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и въ иныхъ мѣстахъ, также и россиянамъ въ Швеціи; 7) въ кораблекрушеніи и во всякихъ бѣдственныхъ случаяхъ усердно оказывать другъ другу взаимную помощь; 8) посламъ московскимъ вольно ѣздить чрезъ шведскія владѣнія къ императору, папѣ, королю испанскому и ко всѣмъ великимъ государямъ европейскимъ, или ихъ посламъ въ Москву; также и людямъ торговымъ, воинскимъ, лекарямъ, художникамъ, ремесленникамъ. Сей миръ обрадовалъ ту и другую державу, избавивъ шведовъ отъ войны разорительной и надежно утвердивъ за ними Эстонию съ Нарвою, а Россіи возвративъ древнюю новгородскую собственность, гдѣ наши братья и церкви тосковали подъ властію чуждыхъ завоевателей. Осодоръ вмѣстѣ съ воеводами послалъ въ Кексгольмъ и святителя, чтобы очистить тамъ православіе отъ слѣдовъ иновѣрія.

Хотя Стень-Банеръ, Горны и Бое договаривались съ нами еще именемъ короля Сигизмунда, но онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ въ томъ участія, и, мало заботясь о строптивой Швеціи, въ какой-то душевной сонливости рѣдко сносился съ Москвою и по дѣламъ литовскимъ. Тѣмъ болѣе хитрила наша Дума Государственная, стараясь все-

ЛѢТЬ ВЪ ВЕЛЬМОЖНЫХЪ ПАНОВЪ НЕДОВѢРЕННОСТЬ
 Переписка съ **къ безпечному королю, и какъ бы съ**
 литовскими удивленіемъ давъ имъ замѣтить, что
 вельможамъ. Сигизмундъ въ своемъ титулѣ ста-
 вить имя Швеціи выше имени Польскаго коро-
 левства, спрашивала: «съ ихъ ли вѣдома онъ уни-
 жаеть знаменитую корону Ягеллоновъ предъ Готе-
 скою, столь новою и ничтожною? ибо шведы еще
 не давно были подданными Даніи, вмѣсто госуда-
 рей имѣя у себя правителей, которые сносились
 только съ новгородскими намѣстниками». Но ве-
 личавые паны, еще съ живымъ неудовольствіемъ
 вспоминая повелительную твердость Баторіеву.
 любили мягкаго Сигизмунда и хвалились его сча-
 стіемъ, одержавъ побѣду надъ ханомъ крымскимъ,
 надѣясь безъ войны взять Эстонию и наслаждаясь
 временнымъ миромъ съ Россією, также имъ до-
 вольною.

Ослабленный несчастнымъ походомъ москов-
 скимъ, ханъ еще не пересталъ, какъ видимъ, усиль-
 но дѣйствовать противъ сосѣдственныхъ державъ
 христіанскихъ, чтобы искать добычи, не впасть въ
 презрѣніе у своихъ хищныхъ князей и не лишиться
 власти отъ гнѣва Амуратова, ибо султанъ осы-
 палъ его жестокими укоридами за малодушное
 бѣгство изъ Россіи, коего стыдъ падалъ и на зна-
 мена оттоманскія. Желая усыпить Θεодора, Казы-
 Гирей писалъ къ нему о возобновленіи дружбы
 между ими, извинялся легковѣріемъ, наказами
 злыхъ людей, которые хотѣли ихъ ссорить, и го-
 нецъ крымскій за тайну объявилъ правителю, что
 ханъ, зная мысль султанову дать инаго власти-
 теля Тавриды, намѣренъ отстать отъ турковъ, всею

ушою со единиться съ царемъ, всё улусы вывести изъ полуострова, разорить Крымъ, основать для себя новую державу и крѣпость на берегахъ Днѣпра, на Кошкинѣ Перевозѣ, и тамъ служить неодолимою оградой для Россіи, въ угрозу ненавистнымъ оттоманамъ, если Феодоръ доставитъ ему нѣсколько пудъ серебра на строеніе сей крѣпости; что въ удостовѣреніе своего дружества къ намъ и въ задатокъ будущихъ великихъ услугъ Казы-Гирей идетъ снова опустошать Литву. Ханъ, какъ обыкновенно, обманывалъ, а мы, какъ обыкновенно, и вѣрили ему и не вѣрили: послали гонца въ Тавриду съ отвѣтомъ, что забудемъ всё его злодѣйства, если онъ искренно примирится съ нами; что дружба великаго монарха христіанскаго и для мусульманина предпочтительнѣе игу оттоманскому; что мы хотя и не въ войнѣ съ Литвою, однакожь не будемъ досадовать на хана за опустошеніе сей враждебной для него земли (коварство, называемое политикою!). Но чиновникъ московскій, еще не доѣхавъ до Тавриды, свѣдалъ, что ея царицы, калга Фети-Гирей и Нурадинъ-Бахта, уже огнемъ и мечемъ свирѣпствуютъ въ предѣлахъ Набѣгъ крымцевъ. рязанскихъ, каширскихъ, тульскихъ, гдѣ, не къ похвалѣ бдительнаго правителя, все сдѣлалось жертвою ихъ мести или корыстолюбія: защиты не было. Они не думали идти къ Москвѣ, ушли назадъ, но истребивъ селенія и захвативъ въ плѣнъ множество дворянъ съ дѣтьми и женами. Сія оплошность Россіи стояла злой насмѣшкой хана, сказавшаго съ видомъ удивленія гонцу Феодорову: «Куда дѣлося войско московское? Царицы и

князья наши не вынимали ни сабли изъ ноженъ, ни стрѣлы изъ колчана, и плетью гнали тысячи плѣнниковъ, слыша, что ваши храбрые воеводы прячутся въ лѣсахъ и дебряхъ» Въ знакъ милости надѣвъ на сего чиновника золотой кафтанъ, ханъ велѣлъ ему увѣрить Θεодора, что царевичи дѣйствовали самовольно, и что отъ насъ зависитъ купить миръ съ Тавридою серебромъ и мѣхами драгоценными!

Упорствуя въ желаніи сего мира, Θεодоръ рѣшился тогда возобновить сношенія съ султаномъ, и послалъ въ Константинополь, чрезъ Посольства въ Константинополь. Кафу, дворянина Нацокняна, требовать, чтобы Амуратъ запретилъ хану, азовцамъ и бѣлогородцамъ воевать Россію, изъ признательности къ нашему истинному дружеству: «ибо мы»—такъ писалъ царь къ султану и Годуновъ къ великому визирю—«не хотимъ слушать императора, королей испанскаго и литовскаго, папы и шаха, которые убѣждаютъ насъ вмѣстѣ съ ними обнажить мечъ на главу мусульманства». Изъявивъ учтивость посланнику, визирь сказалъ: «Царь предлагаетъ намъ дружбу: мы повѣримъ ей, когда онъ согласится отдать великому султану Астрахань и Казань. Не боимся ни Европы, ни Азіи: войско наше столь безчисленно, что земля не можетъ поднять его; оно готово устремиться сухимъ путемъ на шаха, Литву и цесаря, а моремъ на королей испанскаго и французскаго. Хвалимъ вашу мудрость, если вы дѣйствительно не хотѣли пристать къ нимъ, и султанъ не велитъ хану тревожить Россіи, буде царь сведетъ съ Дону казаковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣ-

ности, основанныя имъ на берегахъ сей рѣки и Терека, чтобы преграждать намъ путь къ Дербенту: или сдѣлайте такъ, или (въ чемъ клянуся Богомъ) не только велимъ хану и ногаямъ безпрестанно воевать Россію, но и сами пойдемъ на Москву своими головами, сухимъ путемъ и моремъ, не боясь ни трудовъ, ни опасностей, не жалѣя ни казны, ни крови. Вы миролюбивы; но для чего же вступаете въ тѣсную связь съ Иверією, подвластною султану?» Нацокинъ отвѣтствовалъ, что Астрахань и Казань нераздѣльны съ Москвою; что царь велитъ выгнать казаковъ изъ окрестностей Дона, гдѣ нѣтъ у насъ никакихъ крѣпостей; что связь наша съ Грузією состоитъ въ единовѣрїи, и что мы посылаемъ туда не войско, а священниковъ, и дозволяемъ ея жителямъ ѣздить въ Россію для торговли. Нацокинъ предлагалъ визирю изъясниться съ царемъ чрезъ посла султанскаго. Визирь сперва не хотѣлъ того, сказавъ: «у насъ нѣтъ сего обычая: допускаемъ къ себѣ пословъ иноземныхъ, а своихъ не шлемъ»; однакожь согласился наконецъ отправить въ Москву сановника чауша Резвана, съ требованїями объявленными Нацокипу, а царь съ отвѣтомъ и съ дарами (съ черною лисьею шубою для Амурата, съ соболями для визиря) еще послалъ въ Константинополь дворянина Исѣвнѣва (въ іюль 1594), общая унять казаковъ и свободно пропускать турковъ въ Дербентъ, въ Шамаху, въ Баку, если Амуратъ уиметъ Казы-Гирея. «Мы велѣли» (писалъ Феодоръ къ султану) «основать крѣпости въ землѣ кабардинской и шавкалской не въ досаду тебѣ, а для безопасности жителей. Мы ничего у васъ не отня-

ли, ибо князья горскіе, черкесскіе и шавкалскіе были издревле нашими подданными рязанскихъ предѣловъ, бѣжали въ горы, и тамъ покорились отцу моему, своему давнишнему, законному властителю». Сія новая исторія Кабарды и Дагестана не увѣрила султана, чтобы ихъ князья были рязанскими выходцами: онъ видѣлъ стремленіе московской политики къ присвоеніямъ на Востокъ, не могъ ей благопріятствовать, и не думалъ содѣйствовать успокоенію Россіи, то есть, мирить хана съ нею.

Сія константинопольскія посольства не доставили намъ ничего, кромѣ любопытныхъ свѣдѣній о состояніи Имперіи Оттоманской и грековъ. «Въ Турціи нынѣ» (доносятъ Нащокинъ) «все измѣнилось: султанъ и паши мыслятъ единственно о корысти; первый умножаетъ казну, а для чего, неизвѣстно, прячетъ золото въ сундукахъ и не даетъ жалованья войску, которое въ ужасномъ мятежѣ недавно приступало ко дворцу, требуя головы дефтердаря или казначея. Нѣтъ ни устройства, ни правды въ государствѣ. Султанъ обираетъ чиновниковъ, чиновники обираютъ народъ; вездѣ грабежъ и смертоубійства: нѣтъ безопасности для путешественниковъ на дорогахъ, ни для купцовъ въ торговлѣ. Земля опустѣла отъ войны Персидской и насилія, особенно Молдавская и Волошская, гдѣ непрестанно смѣняютъ господарей отъ мздоимства. Греки въ страшномъ утѣсненіи, бѣдствуютъ, не имѣя и надежды на будущее». Исхънъевъ былъ задержанъ въ Константинополѣ, гдѣ въ 1595 году воцарился Магометъ III, ибо сей новый султанъ, гнусный душегубецъ девят-

надцати братьевъ, ждали только благоприятнаго времени, чтобы объявить войну Россіи. Между тѣмъ, въ Царьградѣ называя донскихъ витязей шайкою разбойниковъ, мы посылали имъ воинскіе снаряды, свинець и селитру. Они умножились числомъ, принимая къ себѣ казаковъ двѣпровскихъ и всякихъ бродягъ, вели непрестанную войну съ Азовомъ, съ ногаями, съ черкесами, съ Гавридою, и ватагами ходили на море искать добычи, слушаясь и не слушаясь указовъ царскихъ. Нащокинъ изъ Азова писалъ въ Моск- Своевольство донскихъ казаковъ.

ву, что казаки станицъ низовыхъ сі- донскихъ казаковъ. лою отняли у него дары государевы. Не хотѣли безъ окупа выдать ему своихъ плѣнниковъ, султанскаго чауша съ шестью князьями черкесскими, и съ досады одному изъ нихъ отсѣкли руку, вопя на шумной сходкѣ: «мы вѣрны царю бѣлому; но кого беремъ саблею, того не освобождаемъ даромъ!» Своевольствомъ заслуживая опалу, казаки заслуживали и милость государеву, будучи непримиримыми врагами злодѣевъ и зломысленниковъ Россіи.

Не имѣвъ успѣха въ намѣреніи обуздать хана посредствомъ Турціи, мы наконецъ и безъ ея содѣйствія достигли цѣли своей: обезоружили его, не столько угрожденіями и переговорами, сколько благоразумными мѣрами, взятыми для защиты южныхъ областей Россіи. Возобновивъ древній Курскъ, давно запустѣвшій, основавъ крѣпости Ливны, Кромы, Воронежъ, царь въ концѣ 1593 года велѣлъ строить еще новыя, на всѣхъ самахъ или путяхъ татарскихъ отъ рѣки Донца къ берегамъ Оки: Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку, и

населить оныя людьми ратными, стрѣльцами, ка-
 заками, такъ что разбойники ханскіе
 Строеніе уже не могли легко обходить гроз-
 городовъ. ныхъ для нихъ твердынь, откуда лѣ-
 томъ непрестанно выѣзжали конные отряды для
 наблюденія и громъ пушечный оглушалъ вар-
 варовъ. Царь въ одной рукѣ держалъ мечъ, а въ
 другой золото, и приказывалъ къ хапу: «Папа
 римскій, цесарь, короли испанскій, португаль-
 скій, датскій и вся Германія убѣждаютъ меня
 искорепить твой улусъ, между тѣмъ, какъ они
 всѣми силами будутъ дѣйствовать противъ султа-
 на. Собственные бояре мол, князья, воеводы, въ
 особенности жители Украйны, также бьютъ мнѣ
 челомъ, чтобы я вспомнилъ всѣ ваши неправды
 и злодѣйства, двинулъ войско, и въ самыхъ нѣ-
 драхъ твоей орды не оставилъ камня на камнѣ
 Но я, желая дружбы твоей и султановой, не вни-
 маю ни посламъ европейскихъ государей, ни воплю
 моего народа, и предлагаю тебѣ братство съ бо-
 гатыми дарами» Непрестанно помыкаемый Аму-
 ратомъ изъ земли въ землю, то въ Молдавію и
 Валахію, то въ Венгрію, чтобы усмирять бунты
 оттоманскихъ данниковъ или сражаться съ австрій-
 цами, пзнурия войско въ походахъ и приобрѣтая
 скудную добычу тратою многихъ людей въ бит-
 вахъ, ханъ вымолилъ у султана дозволеніе обма-
 нуть Россію возможнымъ примиреніемъ, торжествен-
 нымъ и пышнымъ, какого въ теченіе семидесяти-
 пяти лѣтъ у насъ не бывало съ Тавридою. Въ
 ноябрѣ 1593 года съѣхались знатные послы, хан-
 скій Ахметъ - папа и московскіе, князь Ѳедоръ
 Хворостининъ съ Богданомъ Бѣльскимъ, на бе-

реку Сосны, подъ Ливнами, для предварительнаго договора. Сія рѣка была тогда границею обитаемой или населенной Россіи; далѣе, къ югу, начинались степи, приволье татарское, и вельможа Казы-Гиреевъ не хотѣлъ ѣхать на лѣвый берегъ Сосны, боясь отдаться намъ въ руки и тѣмъ унижить достоинство хана. Послы, сходясь на мосту, условились съ обѣихъ сторонъ прекратить непріятельскія дѣйствія, освободить плѣнниковъ, утвердить миръ и союзъ навѣки, для чего крымскому ширинскому князю Ишимамету подлежало ѣхать въ Москву, а князю Меркурію Щербатову въ Тавриду. Сіи новые, великіе послы, встрѣтясь на томъ же мосту, ласково привѣтствовали другъ друга, и каждый отправился въ свой путь. Въ залогъ дружбы Оеодоръ отпустилъ къ хану жену царевича Мурата, умершаго въ Астрахани; доставилъ Казы - Гирею 10,000 рублей, сверхъ шубъ и тканей драгоценныхъ, обѣщая присылать ежегодно столько же; наконецъ имѣлъ удовольствіе получить отъ него (лѣтомъ въ 1594 году) шертцую или клятвенную грамоту съ златою печатію. Сія грамота условіями и вы-
Миръ
съ ханомъ.
раженіями напоминала старая, истинно союзная, конми добрый, умный Менгли-Гирей удостоверялъ Іоанна III въ любви и братствѣ. Казы - Гирей обязывался быть врагомъ нашихъ враговъ, безъ милости казнить своихъ улусниковъ за впаденія въ Россію, возвращать ихъ добычу и плѣнниковъ, оберегать царскихъ пословъ и людей торговыхъ, не задерживать иноземцевъ на пути въ Москву, и проч. Хотя съ сего времени крымцы года три не беспокоили нашихъ владѣ-

ній, усиленно помогая султану въ войнѣ венгерской, но рать московская всегда стояла на берегахъ Оки, готовая къ бою.

Въ сіе время, совершенно мирное для Россіи, внѣшняя политика ея не дремала, — и смѣло увѣряя султана, что мы изъ дружбы къ нему не хотимъ дружитья съ его врагами, дворъ московскій искреннѣе прежняго желалъ союза съ ними. Въ сентябрѣ 1593 года цесарь вторично прислалъ въ Москву сановника Николая Варкоча, краснорѣчиво доказывать необходимость единоподушнаго возстанія державъ христіанскихъ на султана и требовать отъ насъ денежнаго вспоможенія или мѣховъ драгоцѣнныхъ для войны съ невѣрными. Въ тайной рѣчи онъ сказалъ Годупову, что Рудольфъ думаетъ жениться на дочери Филиппа, короля испанскаго, и присвоить себѣ Фралцію съ согласія многихъ тамошнихъ вельможъ, ненавидящихъ Генриха IV; что Сигизмундъ, оскорбляемый самовольствомъ и дерзостію пановъ, хочетъ сложить съ себя вѣнецъ Ягеллоновъ и возвратиться въ Швецію; что братъ императора, Максимилианъ, слова надѣется быть королемъ польскимъ и молить Феодора способствовать ему въ томъ всѣми нашими силами, обязываясь уступить Россіи часть Ливоніи. Именемъ царскимъ бояре отвѣтствовали: «Дѣдъ, отецъ Феодоровъ и самъ Феодоръ многократно изъявляли вѣнскому двору свою готовность вмѣстѣ съ Европою воевать оттомановъ; но мы тщетно ждали императорскаго, испанскаго и римскаго посольства въ Москву для условія, ждемъ и нынѣ. За казну не стоимъ, лишь бы началось великое дѣло славы и спасенія хри-

стіанъ. Царь желаетъ во всемъ успѣха императору; будетъ ревностно дѣйствовать, чтобы доставить Максимилиану корону польскую, и въ такомъ случаѣ уступить ему всю Ливонію, кромѣ Дерпта и Нарвы, необходимыхъ для Россіи». Варкоча отпустили съ письмами къ Рудольфу, Филиппу, напѣ, о скорѣйшемъ отправленіи пословъ въ Москву, и къ шведскому принцу Густаву, Эрикосу сыну, коему Феодоръ предлагалъ убѣжище сими словами: «Отцы наши были въ дружбѣ и союзѣ; узнавъ, что ты скитаешься изгнанникомъ въ земляхъ Италійскихъ, зову тебя въ Россію, гдѣ будешь имѣть пристойное жалованье, многіе города въ отчину, жизнь спокойную и свободу выѣхать, когда и куда тебѣ угодно». Послѣ объяснится, для чего мы призывали Густава.

Между тѣмъ безпечный Рудольфъ, уже воюя съ султаномъ въ Венгріи, еще не спѣшилъ заключить союза съ Россіею. Въ августѣ 1594 года явился въ Москвѣ гонецъ его, но съ письмомъ страннымъ (на языкѣ латинскомъ, въ открытой печати), писаннымъ вмѣстѣ и къ Феодору, и къ молдавскому господарю Аарону, и къ брянславскому воеводѣ Збарежскому, и къ казакамъ Днѣпровскимъ, такого содержанія: «Вручитель сего, Станиславъ Хлопицкій, начальникъ Запорожскаго войска, изъявилъ намъ добрую волю служить имперіи противъ невѣрнаго султана съ осмью или съ десятию тысячами казаковъ. Мы его охотно приняли и дали ему свое знамя, орла чернаго, съ тѣмъ, чтобы онъ залегъ всѣ пути крымцамъ къ Дунаю, огнемъ и мечемъ опустошая владѣнія султанскія, но щадя литовскія и другія

христіанскія земли, для чего и молимъ васъ благопріятствовать сему нашему слугѣ усердному». Ясно, что надпись къ Θεодору была поддѣльная: не могъ императоръ говорить однимъ языкомъ и съ царемъ московскимъ и съ казаками; на словахъ же, именемъ Рудольфа, Хлопицкій извѣстилъ бояръ о побѣдахъ его, о союзѣ съ нимъ князя седмиградскаго, господарей молдавскаго и волошскаго, увѣряя, что запорожскіе воины, считая Россію своимъ истиннымъ отечествомъ, не смѣютъ дѣйствовать безъ воли царя, и молилъ, чтобы Θεодоръ, соединивъ съ ними нѣсколько дружинъ московскихъ, велѣлъ имъ идти на турковъ подъ знаменами россиянь. Хлопицкаго не допустили до государя, изъяснивъ ему непристойность цесаревой грамоты, но примолвили: «изъ уваженія къ императору царь отпускаетъ тебя безъ гнѣва и напишетъ къ гетману запорожцевъ, Богдану Микошинскому, что они могутъ служить Рудольфу». Обстоятельство достопамятное: двѣпровскіе казаки, будучи подданными Литвы, вопреки ей, раболѣпно угождающей султану, входятъ въ союзъ съ императоромъ, чтобы воевать съ турками, и признаютъ себя въ какой-то зависимости отъ царя московскаго! Хотя сей беззаконный союзъ не имѣлъ желаемаго слѣдствія для Австріи, хотя литовское правительство наказало самовольство казаковъ, отнявъ у нихъ пушки, знамена, серебряныя трубы, булаву, данную имъ Стефаномъ Баторіемъ, и чернаго орла императорскаго, но воспоминанія общаго древняго отечества, единовѣріе, утѣсненіе греческой церкви въ Литвѣ и месть народная съ того времени уже явно гото-

вили, въ душѣ днѣпровскихъ витязей, присоединеніе ихъ благословеннаго края къ Державѣ Московской.

Желая чего нибудь рѣшительнаго въ нашихъ долговременныхъ переговорахъ съ Австрією, Теодоръ посылалъ и своего гонца къ Рудольфу, чтобы узнать истинную вину его страннаго отлагательства въ дѣлѣ столь важномъ; свѣдалъ, что Николай Варкочь, выѣхавъ изъ Россіи, нашель императора въ Прагѣ, но долго не могъ быть ему представленъ, за обыкновенными недосугами сего пражскаго вѣнценосца; что Рудольфъ сообщилъ наконецъ сейму курфирстовъ благопріятный отвѣтъ Теодоровъ, и что они, высоко цѣня дружбу Россіи, убѣдили его отпратить къ намъ новое посольство. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ декабрѣ 1594) пріѣхалъ въ Москву тотъ же Варкочь съ увѣдомленіемъ, что турки болѣе и болѣе усиливаются въ Венгріи; онъ требовалъ немедленнаго вспоможенія казною — и мы удивили вспоможеніе австрійскій дворъ щедростію, пославъ императору императору, на воинскія издержки, 40,360 соболей, 20,760 куницъ, 120 черныхъ лисицъ, 337,235 бѣлокъ и 3.000 бобровъ, цѣною на 44 тысячи московскихъ тогдашнихъ рублей, съ думнымъ дворяниномъ Вельяминовымъ, коему оказали въ Прагѣ необыкновенную честь: войско стояло въ ружьѣ на всѣхъ улицахъ, гдѣ онъ ѣхалъ ко дворцу въ императорской каретѣ; не было конца привѣтствіямъ, угощеніямъ, ласкамъ; давали ему обѣды за обѣдомъ, и всегда съ музыкою, хотя сей чиновникъ не искалъ веселія, говоря: «православный царь оплакиваетъ кончину своей милой дочери;

а съ нимъ плачетъ и вся Россія». Въ двадцати комнатахъ дворца разложивъ дары Θεодоровы, предъ глазами императора и вельможъ его, онъ удовлетворилъ ихъ любопытству описаніемъ Сибири, богатой мѣхами, но не хотѣлъ сказать, чего стоила сія присылка государева, оцѣненная богемскими евреями и купцами въ восемь бочекъ золота. Вельминовъ объявилъ министерству австрійскому, что вспоможеніе столь значительное доказываетъ всю искренность Θεодорова дружества, не смотря на удивительную медленность императора и союзниковъ его въ заключеніи торжественнаго договора съ нами. Дѣйствительно, трудно понять, для чего вѣнскій дворъ какъ бы уклонялся отъ сего договора, болѣе для насъ, нежели для Австріи опаснаго или затруднительнаго, ибо онъ велъ мирную Россію къ войнѣ съ султаномъ, который уже воевалъ Австрію. Отвѣтствуя царю, что дальность мѣстъ, вражда Испаніи съ Англіею и Франціею, мятежъ нидерландскій, дряхлость короля Филиппа и новость папы (Климента VIII) мѣшаютъ общему союзу державъ христіанскихъ противъ оттомановъ, императоръ послалъ, однакожь, къ Θεодору, для изъявленія благодарности,

Знатный знатнаго вельможу, Авраама бургг-
посоль графа Донавскаго, съ думнымъ со-
Рудольфовъ. вѣтникомъ, Юріемъ Калемъ, съ двадцатью дворянами и съ девяносто двумя слугами.

Сіе посольство удовлетворяло единственно честолюбію двора московскаго своею пышностію и требовало съ его стороны такой же. Вельможа австрійскій ѣхалъ изъ Ливоніи чрезъ Псковъ, видя во всѣхъ городахъ, на всѣхъ станахъ. мно-

жество людей, чисто одѣтыхъ и собранныхъ, по указу царскому, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, чтобы явить ему, сколь населена и богата Россія. Отъ границы до Москвы вездѣ встрѣчали и провожали его отряды воиновъ, на прекрасныхъ коняхъ; вездѣ находилъ онъ для себя покой съ роскошью, не имѣя только свободы, ибо за нимъ наблюдали неусыпно, чтобы скрыть отъ него истины, прискорбныя для самолюбія россиянь. Въ столицѣ везли сего знаменитаго гостя лучшими улицами, мимо лучшихъ зданій, отвели ему красивый домъ князя Ноздроватаго, дали услугу царскую, приносили, на золотѣ и серебрѣ, всѣ лакомства стола русскаго, вмѣстѣ съ драгоцѣннѣйшими винами южной Европы. Въ день представленія (22 мая 1597) дворъ московскій сіялъ великолѣпнѣе чрезвычайнымъ. Бургграфъ, имѣя подагру, ѣхалъ въ Кремль не верхомъ, а въ открытомъ нѣмецкомъ возкѣ; предъ нимъ 120 всадниковъ, дворянъ и сотниковъ, въ блестящихъ доспѣхахъ. Феодоръ принималъ его въ большой Грановитой, росписной палатѣ, сидя на тронѣ, въ діадимѣ и съ скипетромъ; Годуновъ стоялъ подлѣ, съ державою. На правой лавкѣ сидѣли царевичъ Арасланъ-Алей, сынъ Кайбулишъ, Маметкулъ сибирскій и князь Феодоръ Мстиславскій; на лѣвой—Уразъ-Магметъ, царевичъ киргизскій; далѣе бояре, сыновья господарей молдавскаго и волошскаго, князья служилые, окольничіе, крайчій, оружничій (Бѣльскій), дворяне думные, постельничій, стряпчій, 13 стольниковъ, 200 князей и дворянъ; дьяки же думные въ золотой Грановитой палатѣ. Императоръ при-

слалъ въ даръ царю мощи св. Николая, окованныя золотомъ, двѣ кареты, 12 санниковъ, боевые часы съ органами, нѣсколько сосудовъ хрустальныхъ; Годунову кубокъ драгоцѣнный съ изумрудами, часы стоячіе и двухъ жеребцовъ съ бархатными поцонами, а юному сыну его, Феодору Борисовичу, обезьянъ и попугаевъ; благодарилъ, равно ласково, и царя, и правителя, который, чрезъ нѣсколько дней дозволивъ послу быть особенно у себя въ домѣ, съ величіемъ монарха говорилъ ему слова милостивыя, а дворянамъ его давалъ цѣловать свою руку.

Но пышность и ласки не произвели ничего важнаго. Когда австрійскій вельможа, приступивъ къ главному дѣлу, объявилъ, что Рудольфъ еще ждетъ отъ насъ услугъ дальпѣйшихъ; что мы должны препятствовать впаденіямъ хана въ Венгрію и миру шаха съ султаномъ; должны и впредь помогать казноу императору, въ срочное время, въ опредѣленномъ количествѣ, золотомъ или серебромъ, а не мѣхами, конхъ онъ не можетъ выгодно продавать въ Европѣ,—тогда бояре сказали рѣшительно, что Феодоръ безъ взаимнаго, письменнаго обязательства Австріи не намѣренъ расточать для нея сокровищъ Россіи; что посланникъ государевъ, Ислѣньевъ, остановленъ въ Константинополѣ за наше вспоможеніе Рудольфу казноу; что мы всегда обуздываемъ хана, и давно бы утвердили союзъ христіанской Европы съ Персією, если бы императоръ не манилъ насъ пустыми обѣщаніями. Въмѣстѣ съ симъ посломъ былъ у насъ и гонецъ отъ Максимилиана, хотѣв-

шаго, чтобы Феодоръ помогъ ему деньгами въ исканіи короны польской. Максимилиану желали короны, но отказали въ деньгахъ — и бургграфъ (въ іюлѣ мѣсяцѣ) выѣхалъ изъ Москвы съ одною честію и съ дарами богатыми.

Всего удивительнѣе, что Рудольфъ въ своей медленности извинялся новостію папы, Климента VIII, а сей папа тогда присылалъ къ Феодору, чрезъ Литву, именитаго легата, Александра Комулея, аббата монен-^{Легатъ папскій въ Москвѣ.}скаго, и за тѣмъ же дѣломъ, убѣждая царя избавить державы христіанскія отъ ига мусульманъ. Комулей и вельможа австрійскій едва ли видѣлись другъ съ другомъ въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ дѣйствовали или говорили безъ всякаго сношенія между собою. Съ обыкновенною тонкостію римскаго двора папа льстилъ царю и Россіи; представлялъ ему, что оттоманы могутъ, завоевавъ Венгрію, завоевать и Польшу съ Литвою; что они уже и съ другой стороны касаются нашихъ владѣній, покоривъ часть Грузіи и Персіи; что Византійская и многія иныя державы пали отъ излишней любви къ миру, отъ бездѣйствія и непредвидѣнія опасностей; что Феодору легко послать войско въ Молдавію и взять султановы города на берегахъ Чернаго моря, гдѣ ожидаетъ насъ и слава, и богатая добыча; что мы лучше узнаемъ тамъ искусство военное, ибо увидимъ, какъ нѣмцы, венгры, италіянцы сражаются и побѣждаютъ турковъ; что отъ насъ зависитъ присоединить къ Россіи земли счастливыя благораспореніемъ воздуха, выгодами естественными, красотою природы, и чрезъ Тракію открыть себѣ

путь къ самой Византіи, наслѣдственному достоянію государей московскихъ; что ревность вѣры сближаетъ пространства; что Римъ и Мадридъ далеки отъ Босфора, но что Константинополь увидитъ знамена апостольскія и Филипповы; что народы, угнетаемые турками, суть намъ братья по явыку и закону; что время благоприятно: войско оттоманское разбито въ Персіи и въ Венгріи, а внутри Турціи вездѣ мятежь, и не осталось половины жителей.—Достойны замѣчанія и слѣдующія мѣста наказа, даннаго папою легату: «Мы слышали, что цари любятъ хвалиться своимъ мнимымъ происхожденіемъ отъ древнихъ римскихъ императоровъ и даютъ себѣ пышныя титула. Изъясни боярамъ московскимъ, что степени въ достоинствѣ или въ величіи государей должны быть утверждены нами, и въ примѣръ наименуй королей польскихъ и богемскихъ, обявляемыхъ вѣнцемъ первосвятителю всемірной церкви. Старайся впечатлѣть въ ихъ души благоговѣніе ко главѣ христіанъ, мирныхъ и счастливыхъ нашею духовною властію; доказывай, что истинная Христова церковь въ Римѣ, а не въ Константинополѣ, гдѣ невѣрные султаны торгуютъ саномъ рабовъ-патріарховъ, чуждыхъ благодати св. Духа; что зависѣть отъ мнимыхъ пастырей византійскихъ есть зависѣть отъ враговъ Спасителя, и что Россія знаменитая достойна лучшей доли. Тебѣ, мужу ученому, извѣстно несогласіе въ догматахъ римской и греческой вѣры: убѣждай россіянъ въ истинѣ нашего православія, сильно, но осторожно, тѣмъ осторожнѣе, что они весьма любятъ точность, что ты, говоря ихъ собственнымъ явыкомъ, не

можешь извиниться невѣдѣніемъ истиннаго ра-
вума словъ. Но сколько имѣешь и выгодъ предъ
всѣми учителями, посланными къ нимъ изъ Рима
въ теченіе семи вѣковъ, и незнакомыми ни съ
языкомъ, ни съ обычаями Россіи! Если Господь
благословитъ подвигъ твой успѣхомъ, если от-
кроешь путь къ соединенію вѣрѣ, то сердце наше
утѣшится и славою церкви, и спасеніемъ душъ
безчисленныхъ». — Знаемъ, что съ симъ наказомъ
Климентовъ посоль былъ два раза въ Москвѣ (въ
1595 и 1597 году), но не знаемъ его переговоровъ,
которые, впрочемъ, не имѣли важныхъ слѣдствій,
уменьшивъ, какъ вѣроятно, надежду Рима на го-
сударственный и церковный союзъ съ Россіею,
по крайней мѣрѣ до времени.

Общая императору, безъ сомнѣнія я папѣ, вѣр-
наго сподвижника въ шахѣ персидскомъ, мы дѣй-
ствительно могли сдержать слово,
возобновивъ съ нимъ дружелюбную Дружество
Феодора
съ шахомъ.
связь. Уже сей знаменитый шахъ,
Аббасъ, готовился къ дѣламъ славы,
которыя доставили ему въ лѣтописяхъ имя ве-
ликаго. Наслѣдовавъ державу разстроенную сла-
бостію Тамаса и Годабенда, возмущаемую коз-
нями удѣльныхъ хановъ, стѣспенную завоеваніа-
ми турковъ, хотѣлъ единственно временнаго мира
съ послѣдними, чтобы утвердиться на престолѣ
и смирить внутреннихъ мятежниковъ; старался
узнать взаимныя отношенія государствъ, самыхъ
дальнихъ, и привѣтствуя за морями добраго союз-
ника въ королѣ испанскомъ, видѣлъ еще надеж-
нѣйшаго въ сильномъ монархѣ російскомъ, коего
владѣнія уже сходились съ персидскими и съ отго-

манскими. Новый посоль шаховъ (въ 1593 году), Ави Хосревъ, вручивъ царю ласковое письмо Аббасово, всего болѣе льстилъ правителю, въ тайныхъ съ нимъ бесѣдахъ, пышными выраженіями восточными, говоря ему: «ты единою рукою держишь землю русскую, а другую возложи съ любовью на моего шаха, и навѣки утверди братство между имъ и царемъ». Борисъ отвѣчалъ скромно: «я только исполняю волю самодержца; гдѣ его слово, тамъ моя голова» — но взялся быть ревностнымъ ходатаемъ за шаха. Изъясняя Годуну, что перемиріе, заключенное Персією съ турками, есть одна хитрость воинская, посоль сказалъ: «Чтобы усыпить ихъ, шахъ далъ имъ своего шестилѣтняго племянника въ аманаты — или въ жертву: пусть они зарѣжутъ младенца при первомъ блескѣ нашей сабли! Тѣмъ лучше, ибо грозный Аббасъ не любитъ ни племянниковъ, ни братьевъ, готова для нихъ вѣчный покой въ могилѣ или мракъ ослѣпленія въ темницѣ». Ази не клеветалъ на шаха; но сей безжалостный истребитель единокровныхъ умѣлъ явить себя великимъ монархомъ въ глазахъ посла Θεодорова, князя Андрея Звенигородскаго, коему надлежало узнать всѣ обстоятельства Персіи и замыслы Аббасовы. Князь Андрей (въ 1594 году) ѣхалъ чрезъ Гилянъ, уже подвластную шаху, который выгналъ ея царя, Ахмета, обвиняемаго имъ въ вѣроломствѣ. Вездѣ тишина и порядокъ доказывали неуспѣшную дѣятельность государственной власти; вездѣ честили посла, какъ вѣстника Θεодоровой дружбы къ шаху. Аббасъ принялъ его въ Кашанѣ, окруженный блестящимъ дворомъ, царевичами и вельможами, имѣя

на бедра осыпанную алмазами саблю, а подлѣ себя лукъ и стрѣлу; далъ ему руку, не предлагая цѣловать ноги своей, изъяслялъ живѣйшее удовольствіе, славилъ царя и Годунова. Пиры и забавы предшествовали дѣламъ: днемъ гулянья въ садахъ, музыка, пляски, игры воинскія (въ коихъ самъ Аббасъ оказывалъ рѣдкое искусство, носясь вихремъ на борзомъ аргамакѣ своемъ и пуская стрѣлы въ цѣль); ввечеру потѣшныя огни, яркое освѣщеніе садовъ, водометовъ, площади, красивыхъ лавокъ, гдѣ толпилось множество людей, и гдѣ раскладывались драгоцѣнности азійскія для прельщенія глазъ. Шахъ хвалился войскомъ, цвѣтущимъ состояніемъ художествъ и торговли, пышностію, великолѣпіемъ, и показывая князю Звенигородскому своя новыя палаты, говорилъ: «ни отецъ, ни дѣдъ мой не имѣли такихъ». Показывалъ ему и всѣ свои рѣдкія сокровища: желтый яхонтъ, вѣсомъ во 100 золотниковъ, назначенный имъ въ даръ царю, богатое сѣдло Тамерланово, латы и шлемы работы персидской. За обѣдомъ, сидя съ нимъ рядомъ, шахъ сказалъ: «Видишь ли посла индійскаго, сидящаго здѣсь ниже тебя? Монархъ его, Джеладдинъ Айберъ, владѣеть странами неизмѣримыми, едва ли не двумя третями населеннаго міра, но я уважаю твоего царя еще болѣе». Начавъ бесѣдовать съ княземъ Андреемъ о дѣлахъ, Аббасъ удостовѣрялъ его въ твердомъ намѣреніи изгнать ненавистныхъ оттомановъ изъ западныхъ областей Персіи, но прежде отнять Хорасанъ у царя бухарскаго Абдулы, который овладѣлъ имъ въ Годабендово несчастное время и завоевалъ Хиву. «Я живу одною мыслию»

говорилъ Аббасъ: «возстановить цѣлость и знаменитость древней Персіи. Имѣю 40,000 всадниковъ, 30,000 пѣшихъ воиновъ, 6,000 стрѣльцовъ съ огненнымъ боемъ; смирю ближайшаго недруга, а послѣ и султана: даю въ томъ клятву, довольствуясь искреннимъ обѣщаніемъ государя московскаго содѣйствовать, когда настанетъ время, успѣху сего великаго подвига, да раздѣлимъ славу и выгоду онаго!» Аббасъ соглашался вступить въ сношеніе съ Австріею чрезъ Москву (гдѣ посоль его видѣлся съ Рудольфовымъ); безспорно уступалъ намъ Иверію, но говорилъ: «Царь Александръ обманываетъ Россію, грубитъ мнѣ и тайно платитъ дань султану». Сынъ Александровъ, Константинъ, находясь аманатомъ въ Персіи, волею или неволею принялъ тамъ вѣру магометанскую и женился на мусульманкѣ; шахъ, въ угодность Θεодору, отпустилъ его въ Москву; но сей юный князь самъ не захотѣлъ ѣхать туда, сквозь слезы сказавъ нашему послу: «моя судьба умереть адѣсь въ честномъ рабствѣ!» Чтобы доказать отчужденную дружбу къ Россіи, Аббасъ пріѣхалъ самъ нечаянно въ гости къ князю Звенигородскому съ изгнанникомъ, царемъ хивинскимъ, Азимомъ, и съ первымъ своимъ министромъ, Фергатъ-ханомъ, пилъ у него вино и медъ (любя часто быть навеселѣ, вопреки Магомету), внимательно разсматривалъ иконы Богоматери и св. Николая, и взявъ отъ хозяина въ даръ черную лисью шалку, отдалъ его щедро прекраснымъ аргамакомъ и образомъ Дѣвы Маріи, писаннымъ на золотѣ въ Персіи съ фряжской иконы, которая была прислана шаху изъ Ормуса. Въ подтвержденіе всего ска-

заннаго Андрею Звенигородскому, Аббасъ послалъ съ нимъ въ Москву одного изъ вельможъ своихъ, Кулыя, а Теодоръ къ шаху князя Василья Тюфякина съ образцовою договорною грамотою, въ томъ смыслѣ, чтобы имъ быть вѣрными союзниками и братьями, общими силами выгнать турковъ изъ земель каспійскихъ, Россіи взять Дербентъ съ Баку, Персіи Ширванскую область. Но Тюфякинъ и дьякъ его умерли на пути, о чемъ долго не знали въ Москвѣ, и сношенія съ Аббасомъ, занятымъ тогда счастливою для него войною бухарскою, прервались до новаго царствования въ Россіи.

По крайней мѣрѣ шахъ уступилъ намъ Иверію. До времени не споря объ ней съ султаномъ явно, Теодоръ хотѣлъ утвердить свое право на имя ея верховнаго властителя усмиреніемъ жестокаго врага Александрова, шавкала, и еще два раза посылалъ на него воеводу, князей Григорія Засѣкина и Андрея Хворостинина. Походъ на Шавкала. Отъ перваго бѣжалъ шавкалъ въ неприступныя горы; второму надлежало довершить покореніе сей земли Дагестанской, соединиться въ ней съ войскомъ иверскимъ, съ сыномъ Александровымъ, Юріемъ, и взять ея столицу, Тарки, чтобы отдать ее тестю Юріеву, другому князю дагестанскому. Князь Хворостининъ пришелъ и взялъ Тарки, но не встрѣтилъ ни сына, ни свата Александрова, ждалъ ихъ тщетно, непрестанно бился съ горными жителями, ежедневно слабѣлъ въ силахъ, и долженъ былъ, разоривъ Тарки, бѣжать назадъ въ Терскую крѣпость; не менѣе трехъ тысячъ россіянъ легло, какъ пишутъ,

въ горахъ и дѣбряхъ. Сей случай могъ быть поставленъ въ вину Александру; царь изъявилъ ему удивленіе, для чего сынъ и свать его не соединились съ нашимъ воеводою? Александръ извинялся непроходимостію горъ, а Θεодоръ благодарзумно замѣтилъ ему, что если разбойникъ шавкаль находитъ путь въ Иверію, то и войско иверское могло бы найти путь въ землю шавкала. Однакожь терпѣливая, хладнокровная политика наша не измѣнилась отъ сей досады, ни отъ скудости Александра въ платежѣ намъ дани: «казна моя истощена» (говорилъ онъ) «свадьбою моею дочери, вышедшей за князя Дадьянскаго, и многими дарами, коихъ требуютъ отъ меня сильные цари мусульманскіе». Узнавъ, что Александръ примирился съ зятемъ своимъ, Симеомъ, будто бы въ услугу Россіи, царь писалъ къ первому: «вѣрю твоему усердію, и еще болѣе повѣрю, если склонишь Симеона быть нашимъ присяжникомъ». Обманывалъ ли Александръ Россію, какъ сказалъ шахъ Аббасъ князю Звенигородскому? Нѣтъ, онъ былъ только слабымъ между сильными, безъ сомнѣнія искренно предпочиталъ власть Россіи власти оттоманской и персидской, надѣялся, ободрялся; но видя, что мы не хотимъ или не можемъ прислать въ Иверію войска достаточнаго для обороны ея, хладѣлъ въ усердіи къ намъ; не слагалъ съ себя имени россійскаго давника, но дѣйствительно платилъ дань султану (шелкомъ и конями), убѣждая Θεодора защититъ Иверію хотя со стороны Дагестана, гдѣ московскіе воеводы основали тогда новыя крѣпости на берегу Койсы.

чтобы стѣснить шавкала и загладить неудачу князя Хворостинина.

Сверхъ Иверіи и князей черкесскихъ или кабардинскихъ, подвластныхъ Россіи, сверхъ ногаевъ, также нашихъ присяжниковъ, хотя и не всегда вѣрныхъ, Теодоръ съ 1595 года объявилъ себя владыкою и многолюдной Орды Киргизской. Ханъ ея, Тевкель, именуясь царемъ казацкимъ и калмацкимъ, добровольно ему поддался, моля единственно о свободѣ племянника своего, Уразъ-Магмета, взятаго нами вмѣстѣ съ сибирскимъ княземъ, Сейдякомъ. Теодоръ обѣщалъ Тевкелю милость, защиту и снарядъ огнестрѣльный; соглашался отпустить къ нему племянника, но требовалъ отъ него сына въ аманаты. Кромѣ чести быть царемъ царей, Теодоръ ожидалъ и пользы отъ новаго слуги російскаго: нашъ злодѣй, изгнанникъ сибирскій, Кучумъ, скитался въ степяхъ Киргизскихъ; мы хотѣли, чтобы Тевкель истребилъ или представилъ его въ Москву и воевалъ Бухарію, ибо царь ея, Абдула, покровительствовалъ Кучуму и въ своихъ письмахъ грубилъ Теодору. Такъ политика наша дѣйствовала въ Азіи, чтобы утвердить власть Россіи надъ Востокомъ.

Въ Европѣ мы сносились еще съ Данією и съ Англією: съ первою о границахъ въ Лапландіи, со второю о торговлѣ. Фредерикъ датскій, желая означить вѣрный предѣлъ нашего и своего владѣнія во глубинѣ Сѣвера, между Колою и Варгавомъ, присылалъ туда чиновника, Керстена Фриза; но онъ уѣхалъ назадъ, не хотѣвъ ждать посла мо-

Сношенія съ
Данією и
съ Англією.

сковскаго, князя Ивана Борятинскаго. Новый король, сынъ Фредериковъ, Христіанъ IV, изъявилъ Θεодору желаніе быть съ нимъ въ крѣпкой любви, также условился о съѣздѣ пословъ въ Лапландіи, и также безплодно: воевода, князь Семень Звенигородскій, и намѣстникъ болховскій, Григорій Васильчиковъ (въ 1592 году), долго жили въ Колѣ и не могли дождаться Христіановыхъ повѣренныхъ. Съ обѣихъ сторонъ извинялись дальностію и невѣрностію пути, бурями и снѣгами; съ обѣихъ сторонъ узнали, по крайней мѣрѣ, отъ старожиловъ кольскихъ и варгавскихъ, древнюю между Норвегіи съ Новгородскою Лопью; велѣли жителямъ прекратить споры, торговать мирно и свободно, впродъ до общаго, письменнаго условія между царемъ и королемъ. Θεодоръ, въ удовольствіе Христіану, далъ слово освободить нѣкоторыхъ плѣнниковъ, взятыхъ россіянами въ набѣгѣ датчанъ на уѣздъ Холмогорскій, и писалъ о томъ къ начальникамъ Астрахани, Терской крѣпости и Сибири, куда ссылались военноплѣнные. Однимъ словомъ, Данія снова искала нашей дружбы, уже не мысля препятствовать морской торговлѣ Россіи съ Англіею.

Сія важная торговля едва было не прервалась отъ взаимныхъ досадъ англійскаго и нашего правительства. Мы жаловались на обманы лондонскихъ купцевъ и требовали съ нихъ около полумилліона нынѣшнихъ рублей, взятыхъ ими въ долгъ изъ царской казны, у Годунова, у бояръ и дворянъ; а купцы запирались въ семь долгѣ, слагали его другъ на друга, и жаловались на притѣсненія. Царь (въ 1588 году) вторично посылалъ

Бекмана въ Лондонъ для объясненія съ Елисаветою, которая долго не могла видѣть его, оплакивая смерть человѣка, вѣкогда милого ея сердцу, графа Лейстера; наконецъ приняла толмача русскаго съ великою милостію, отошла съ нимъ въ уголокъ комнаты и бесѣдовала тихо; пеняла ему безъ гнѣва, что онъ, года за четыре передъ тѣмъ гулявъ и бесѣдовавъ съ нею въ саду, будто бы въ донесеніи къ царю назвалъ сіе увеселительное мѣсто низкимъ именемъ огорода; спрашивала о здоровьѣ Годунова; увѣряла, что все сдѣлаетъ изъ дружбы къ Феодору, но объявила новыя требованія, съ коими пріѣхалъ въ Москву докторъ Флетчеръ. Сей болѣе ученый, нежели знатный посланникъ именемъ Елисаветы предложилъ нашей Думѣ слѣдующія статьи:

«Королева желала бы заключить тѣсный союзъ съ царемъ; но океанъ между ими. Дальность, препятствуя государственному союзу, не мѣшаетъ однакожь любви сердечной; такъ отецъ Феодоровъ, государь славный и мудрый, всегда являлъ себя истиннымъ братомъ Елисаветы, которая хочетъ быть нѣжною сестрою и великаго сына его. Сія любовь, хотя и безкорыстная, питается частыми сношеніями вѣнценосцевъ о дѣлахъ купеческихъ: если гостей англійскихъ не будетъ въ Россіи, то королева и не услышитъ о царѣ, а долговременная безвѣстность не охладитъ ли взаимнаго дружества?»

«Для утвержденія сей, ея сердцу пріятной связи, королева молить царя, чтобы онъ указалъ: 1) основательнѣе разсмотрѣть дѣло о сомнительномъ долгѣ купцовъ лондонскихъ; 2) судить ихъ

только великому боярину Годунову, благотворителю англичанъ; 3) давать имъ, какъ было въ царствованіе Иоанново, свободный путь изъ Москвы въ Бухарию, въ Шамаху и въ Персію, безъ задержанія и безъ всякаго осмотра товаровъ въ Казани и въ Астрахани; 4) царскимъ сановникамъ не брать у нихъ ничего силою, безъ платежа денегъ; 5) отмѣнить всякую заповѣдь въ товарахъ, покупаемыхъ англичанами въ Россіи; 6) способствовать имъ въ отысканіи земли Китайской, давать вожатыхъ, суда и лошадей на всѣхъ дорогахъ; 7) безъ письменнаго вида отъ Елисаветы не пускать никакихъ гостей въ пристани между Варгавомъ и Двинскимъ устьемъ, ни въ Новгородъ; 8) денежнымъ російскимъ мастерамъ безпошлинно переливать ефимки для купцовъ лондонскихъ; 9) ни въ какихъ преступленіяхъ не пытатъ англичанъ, но отсылать къ ихъ старостѣ или прикащику, или въ Англію для казни; 10) никого изъ нихъ не беспокоить въ разсужденіи вѣры.— Симв докажетъ царь любовь къ Елисаветѣ».

Бояре написали въ отвѣтъ: «Государь нашъ, благодаря королеву за доброе къ нему расположеніе, самъ искренно желаетъ ея дружбы, подобно своему великому родителю; но не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы взаимная любовь вѣнценосцевъ питалась дѣлами купечества, и чтобы безъ торговли они уже не имѣли средствъ сношаться другъ съ другомъ. Такія выраженія непристойны. Царь хочетъ жить въ братствѣ съ знаменитыми монархами, съ султаномъ, императоромъ, королями испанскимъ, французскимъ, съ Елисаветою и со всѣми, не для выгоды купцовъ,

а для своего обычая государственнаго. Въ удовольствіе Елисаветѣ онъ жаловалъ гостей лондонскихъ, которые, забывъ его милости, начали жить обманомъ, не платить долговъ, ѣздить тайно въ другія земли какъ лазутчики. въ письмахъ злословить Россію, преграждать путь иноземнымъ кораблямъ къ Двинскому устью—однимъ словомъ, заслуживали казнь по уставамъ всѣхъ государствъ; но царь, изъ уваженія къ королевѣ, щадилъ преступниковъ, и писалъ къ ней о дѣлахъ ихъ; щадить и теперъ. се его воля!

«1) Хотя долгъ купцовъ лондонскихъ ни мало несомнителенъ, хотя сіе дѣло было уже основательно разсмотрѣно въ царскомъ совѣтѣ, но государь изъ великодушія уступаетъ имъ половину, требуя, чтобы они немедленно заплатили 12 тысячъ рублей.—2) Непристойно самому великому, ближнему боярину и шурина царскому судить купцовъ: ему ввѣрено государство, безъ его вѣдома ничего не дѣлается, но судить англичанъ будутъ люди приказные, а ему только докладывать.—3) Изъ особенной любви къ сестрѣ своей, Елисаветѣ, государь дозволяетъ англичанамъ ѣздить чрезъ Россію въ Бухарію и въ Персію, не платя пошлины съ товаровъ, хотя другимъ иноземцамъ и не велѣно ни за версту ѣздить далѣе Москвы.—4) Онъ не терпитъ, чтобы въ его землѣ силою отнимали чужую собственность, у кого бы то ни было.—5) Завѣта нѣтъ и не будетъ для гостей лондонскихъ въ покупки нашихъ товаровъ, кромѣ воска, вымѣниваемаго иноземцами въ Россіи единственно на ямчугу, или на зелье и сѣру.—6) Невозможно царю пускать иноземцевъ

чрезъ Россію для отысканія другихъ государствъ.—
 7) Удивительно, что королева снова объявляетъ требованіе столь неблагоразумное и недружелюбное: мы сказали и повторяемъ, что въ угодность Англійи не затворимъ своихъ пристаней и не измѣнимъ нашего закона въ торговлѣ—свободы.—
 8) Англичане вольны дѣлать деньги, платя извѣстную пошлину, какъ и россіяне.—
 9) Никакихъ чужестранцевъ не пытаются въ Россіи, англичанъ же, обвиняемыхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, отдають ихъ старостамъ.—
 10) До вѣры нѣтъ и дѣла государю нашему: всякій мирно и спокойно живетъ въ своей, какъ всегда у насъ бывало и будетъ».

Посоль, еще недовольный сими отвѣтами на каждую статью его бумаги, требоваль свиданія съ Годуновымъ, и писалъ къ нему: «Мужъ свѣтлѣйшій! королева велѣла мнѣ бить тебѣ челомъ отъ сердца. Она знаетъ благоволеніе твое къ ея народу и любитъ тебя болѣе всѣхъ государей христіанскихъ. Не смѣю докучать тому, на комъ лежитъ все царство, но возрадуюся душою, если дашь мнѣ видѣть пресвѣтлыя очи твои: ибо ты честь и слава Россіи». Не взирая на лесть, Флетчеръ не имѣль совершеннаго усмѣха, и въ жалованной грамотѣ, данной тогда лондонскимъ купцамъ, упоминается о пошлинахъ, хотя и легкихъ. Годуновъ не взялъ и даровъ королевы: «для того» (писаль онъ къ Елисаветѣ) «что ты, какъ бы въ знакъ неуваженія къ великому царю, прислала ему въ даръ мелкія золотыя монеты». Къ сильнѣйшему негодованію нашего двора, явился въ Москвѣ новымъ посланникомъ отъ Елисаветы

Иеронимъ Горсей, нѣкогда любимый Иоанномъ и Борисомъ, по въ 1588 году изгнанный изъ Россіи за умыселъ препятствовать торговлѣ нѣмцевъ въ Архангельскѣ. Царь не хотѣлъ видѣть его, ни правитель, а королева писала къ Борису, что она не узнаетъ въ немъ своего бывшего друга; что англичане, гонимые Андреемъ Щелкаловымъ, уже не находятъ заступника въ Россіи и должны навсегда оставить ее. Сія угроза, можетъ быть, произвела дѣйствіе, ибо Годуновъ зналъ всю пользу англійской торговли для Россіи, для нашего обогащенія и самаго гражданскаго образованія; зналъ, что Иоаннъ III уже не могъ исправить своей ошибки, чрезмѣрною строгостію выгнавъ купцовъ ганзейскихъ изъ Новгорода. Годуновъ же, какъ увѣряють, любилъ англичанъ болѣе всѣхъ иныхъ европейцевъ, особенно уважая хитрую Елисавету, которая, жалуясь и грозя, не переставала изъявлять дружество къ Теодору и въ доказательство того запретила книгу, изданную (въ 1591 году) Флетчеромъ о Россіи, оскорбительную для царя и писанную вообще съ нелюбовію къ нашему отечеству. Можетъ быть, и смерть знаменитаго царскаго сановника, ненавистнаго англичанамъ, благопріятствовала ихъ успѣху: около 1595 года не стало ближняго, великаго дьяка, Андрея Щелкалова (главнаго дѣльца Россіи въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, угоднаго Иоанну и Борису отличными способностями, умомъ гибкимъ и лукавымъ, совѣстію неупрямою, смѣсію достохвальныхъ и злыхъ качествъ, нужною для слуги такихъ властителей), а въ началѣ 1596 года Елисавета уже благодарила царя за добродѣтель-

ную любовь къ ней, за новую милостивую грамоту, данную имъ лондонскому купечеству съ правомъ вольной, неограниченной, безпошлинной торговли во всей Россіи, хваля мудрость нашей Государственной Думы (въ коей Василій Щелкаловъ занялъ мѣсто брата своего, Андрея, называясь съ сего времени ближнимъ дьякомъ и печатникомъ). Елисавета въ другомъ письмѣ къ Годунову опровергала клевету, для нея чувствительную, изъясняясь такими словами: «Ты, истинный благодѣтель англичанъ въ Россіи, единственный виновникъ правъ и выгодъ, данныхъ имъ царемъ, тайно извѣстялъ меня, что послы императора и папы, будучи въ Москвѣ, вымыслили гнусную ложь о моемъ мнимомъ союзѣ съ турками противъ державъ христіанскихъ; ты не вѣрилъ ей—и не вѣрь. Нѣтъ, я чиста предъ Богомъ и въ совѣсти, всегда искренно желаю добра христіанству. Спросите у короля польскаго, кто доставилъ ему миръ съ султаномъ? Англія. Спросите у самого императора, не старалась ли я удалить бѣдствіе войны отъ его державы? Онъ благодарилъ меня, но хотѣлъ войны: теперь жалѣеть о томъ, къ несчастію поздно! Сановникъ мой живетъ въ Константинополѣ единственно для выгодъ нашей торговли и для освобожденія христіанскихъ узниковъ. Папа ненавидитъ меня за короля испанскаго, непримиримаго врага Англіи, сильнаго флотами и богатствами обѣялъ Индій, но смиреннаго мною въ глазахъ всей Западной Европы. Надѣюсь и впредь на милость Божию, которою да благоденствуетъ и Россія!».

Таковы были послѣднія дѣйствія Θεодоровой

внѣшней политики, ознаменованныя умомъ Годунова. Изъ дѣлъ внутреннихъ сего времени достопамятно слѣдующее:

Мы знаемъ, что крестьяне искони имѣли въ Рос-
 сии гражданскую свободу, но безъ соб-
 ственности недвижимой—свободу въ
 назначенный закономъ срокъ перехо-
 дить съ мѣста на мѣсто, отъ владѣльца
 къ владѣльцу, съ условіемъ обрабатывать части
 земли для себя, другую для господина, или платить
 ему оброкъ. Правитель видѣлъ невыгоды сего пе-
 рехода, который часто обманывалъ надежду зем-
 ледѣльцевъ сыскать господина лучшаго, не да-
 валъ имъ обживаться, привыкать къ мѣсту и къ
 людямъ для успѣховъ хозяйства, для духа обще-
 ственнаго,—умножалъ число бродягъ и бѣдность:
 пустѣли села и деревни, оставляемыя кочевыми
 жителями; дома обитаемые, или хижины, падали
 отъ нерадѣнія хозяевъ временныхъ. Правитель
 хвалился льготою, данною имъ состоянію земле-
 дѣльцевъ въ отчинахъ царскихъ и, можетъ быть,
 въ его собственныхъ: безъ сомнѣнія желая добра
 не только владѣльцамъ, но и работникамъ сель-
 скимъ, желая утвердить между ними союзъ не-
 измѣнный, какъ бы семейственный, основанный
 на единствѣ выгодъ, на благосостояніи общемъ,
 нераздѣльномъ, онъ въ 1592 или въ 1593 году
 закономъ уничтожилъ свободный переходъ крестьянъ
 изъ волости въ волость, изъ села въ село, и
 навѣки укрѣпилъ ихъ за господами. Что жъ было
 слѣдствіемъ? негодование значительной части наро-
 да и многихъ владѣльцевъ богатыхъ. Крестьяне жа-
 лѣли о древней свободѣ, хотя и часто бродили съ

Законъ
 объ укрѣпленіи
 крестьянъ
 и слугъ.

нею бездомками отъ юныхъ лѣтъ до гроба, хотя и не спасались ея правомъ отъ насилія господъ временныхъ, безжалостныхъ къ людямъ, для нихъ непрочнымъ; а богатые владѣльцы, имѣя не мало земель пустыхъ, лишались выгоды населять оныя хлѣбопашцами вольными, коихъ они сманивали отъ другихъ вотчинниковъ или помѣщиковъ. Тѣмъ усерднѣе могли благодарить Годунова владѣльцы менѣе избыточные, ибо уже не страшились запустѣнія ни деревень, ни полей своихъ отъ ухода жителей и работниковъ. Далѣе откроется, что законодатель благонамѣренный, предвидѣвъ, вѣроятно, удовольствіе однихъ и неудовольствіе другихъ, не предвидѣлъ однакожъ всѣхъ важныхъ слѣдствій сего новаго устава, дополненнаго указомъ 1597 года о непремѣнномъ возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ, господамъ ихъ, отъ коихъ они ушли въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, избывая крѣпостной неволи. Тогда же вышелъ указъ, чтобы всѣ бояре, князья, дворяне, люди воинскіе, приказные и торговые явили крѣпости на своихъ холопей, имъ служащихъ или бѣглыхъ, для записанія ихъ въ книги приказа холопьяго, коему велѣно было дать господамъ кабалы и на людей вольныхъ, если сіи люди служили имъ не менѣе шести мѣсяцевъ; то есть, законодатель желалъ угодить господамъ, не боясь оскорбить бѣдныхъ слугъ, ни справедливости, но подтвердилъ вѣчную свободу отпущениковъ съ женами и съ дѣтьми обоюго пола.

Защитивъ югъ Россіи новыми твердынями, Борись для безопасности нашей границы литов-

ской въ 1596 году основалъ каменную крѣпость въ Смоленскѣ, куда онъ самъ ѣздилъ, что-бы назначить мѣста для рововъ, стѣнъ и башенъ. Новая крѣ-
 и башенъ. Сіе путешествіе имѣло и ленинскѣ.
 цѣль иную: Борисъ хотѣлъ плѣнить жителей западной Россіи своею милостію; вездѣ останавливался, въ городахъ и селахъ; спсходительно удовлетворялъ жалобамъ, раздавалъ деньги бѣднымъ, угощалъ богатыхъ. Возвратясь въ Москву, правитель сказалъ царю, что Смоленскъ будетъ ожерельемъ Россіи. «Но въ семь ожерельѣ» (возразилъ ему князь Трубецкій) «могутъ завестися насѣкомые, коихъ мы не скоро выживемъ». Слово достопамятное! говоритъ лѣтописецъ: оно сбылося, ибо Смоленскъ, нами укрѣпленный, сдѣлался твердынею Литвы. Феодоръ послалъ туда каменщиковъ изъ всѣхъ городовъ, ближнихъ и дальнихъ. Строеіе кончилось въ 1600 году.

Москва украсилась зданіями прочными. Въ 1595 году, въ отсутствіе Феодора, ѣздившаго въ Боровскую обитель св. Пафнутія, сгорѣлъ весь Китайгородъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возсталъ изъ пепла съ новыми каменными лавками и домами, но едва было снова не сдѣлался жертвою огня и злодѣйства, которое изумило москвитянъ своею безбожною дерзостію. Нашлись изверги, и люди чиновные: князь Василій Щепинъ, дворяне Лебедевъ, два Байкова, отецъ съ сыномъ, и другіе; тайно условились зажечь столицу, ночью, въ разныхъ мѣстахъ, и въ
 Зажигаль-
 щики.
 общемъ смятеніи расхитить богатую казну, хранимую у церкви Василя Блаженнаго.

Къ счастью, правительство узнало о семъ заговорѣ; схватили злодѣевъ и казнили: князю Щепину и Байковымъ отсѣкли головы на лобномъ мѣстѣ; иныхъ повѣсили или на всю жизнь заключили. Сія казнь произвела сильное впечатлѣніе въ московскомъ народѣ, уже отвыкавшемъ отъ зрѣлищъ кровопролитія; гнушаясь адскимъ умысломъ, онъ живо чувствовалъ спасительный ужасъ законовъ для обузданія преступниковъ.

Ревностная, благотворная дѣятельность верховной власти оказывалась въ разныхъ бѣдственныхъ случаяхъ. Многіе города, опустошенные пожарами, были вновь выстроены иждивеніемъ царскимъ; гдѣ не родился хлѣбъ, туда немедленно доставляли его изъ мѣстъ изобильныхъ; во время заразительныхъ болѣзней учреждались заставы. Лѣтописи около 1595 года упоминаютъ о силь-

номъ морѣ во Псковѣ, гдѣ осталось такъ мало жителей, что царь велѣлъ

перевести туда мѣщанъ изъ другихъ городовъ. — Внутреннее спокойствіе Россіи было нарушено впаденіемъ крымскихъ разбойниковъ въ области Мещерскую, Козельскую, Воротынскую и Перемышльскую; калужскій воевода, Михайло Безянинъ, встрѣтился съ ними на берегахъ Высы и побилъ ихъ на голову.

Дворъ московскій отличался благолѣпіемъ. Не одни любимцы державнаго, какъ бывало въ грозные дни

Гоанновы, но всѣ бояре и мужи государственные ежедневно, утромъ и ввечеру, собирались въ кремлевскихъ палатахъ, видѣть царя и съ нимъ молиться, засѣдать въ Думѣ (три раза въ недѣлю,

кроме чрезвычайных надобностей: въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятницу, отъ семи часовъ утра до десяти и болѣе), или принимать иноземныхъ пословъ, или только бесѣдовать другъ съ другомъ. Обѣдать, ужинать возвращались домой, кроме двухъ или трехъ вельможъ, изрѣдка приглашаемыхъ къ столу царскому, ибо Феодоръ, слабый и недужный, отмѣнилъ утомительныя, многочисленныя трапезы время своего отца, дѣда и прадѣда, рѣдко обѣдалъ и съ послами. Пышность двора его увеличивало присутствіе нѣкоторыхъ знаменитыхъ изгнанниковъ Азии и Европы: царевичъ хивинскій, господа молдавскіе (Стефанъ и Димитрій), сыновья волошскаго, родственникъ императоровъ византійскихъ, Мануилъ Мускополовичъ, селунскій вельможа Димитрій, и множество благородныхъ грековъ являлись у трона Феодорова, вмѣстѣ съ другими чиновными иноземцами, которые искали дружбы въ Россіи. Предъ дворцомъ стояло обыкновенно 250 стрѣльцовъ, съ заряженными пищалями, съ фитилями горящими. Внутреннею стражею палатъ кремлевскихъ были 200 знатнѣйшихъ дѣтей боярскихъ, называемыхъ жильцами; они, смѣняясь, ночевали всегда въ третьей комнатѣ отъ спальни государевой, а въ первой и во второй ближніе царедворцы, постельничій и товарища его, называемые спальниками; каждую дверь стерегъ истопникъ, зная, кто имѣлъ право входить въ оную. Все было устроено для порядка и важности.

Приближаясь къ мѣтѣ, Годуновъ болѣе и болѣе старался обольщать людей наружностію государственныхъ и человѣческихъ добродѣтелей;

но, буде преданіе не ложно, еще умножилъ своимъ тайныя злодѣянія новымъ. Такъ называемый царь и великій князь тверскій Симеонъ, женатый на сестрѣ боярина Ѳеодора Мстиславскаго, снискавъ милость Іоаннову вѣрною службою и принятіемъ христіанскаго закона, имѣвъ въ Твери пышный дворъ и власть намѣстника съ какими-то правами удѣльнаго князя, долженъ былъ въ царствованіе Ѳеодорова выѣхать оттуда и жить уединенно въ селѣ своемъ Кушалинѣ. Не знаменитый ни разумомъ, ни мужествомъ, онъ слылъ однакожь благочестивымъ, смиреннымъ въ счастіи, великодушнымъ въ ссылкѣ, и казался опаснымъ правителю, нося громкое имя царское и будучи зятемъ перваго родоваго вельможи. Борисъ въ знакъ ласки прислалъ къ нему, на имянины, вина испанскаго. Симеонъ выпилъ кубокъ, желая здравія царю, и чрезъ нѣсколько дней ослѣпъ, будто бы отъ ядовитаго зелья, смѣшаннаго съ симъ виномъ. Такъ говоритъ лѣтописецъ; такъ говорилъ и самъ несчастный Симеонъ французу Маржерету. По крайней мѣрѣ сіе ослѣпленіе могло быть полезно для Бориса, ибо государственныя бумаги слѣдующихъ временъ Россіи доказываютъ, что мысль возложить вѣнецъ Мономаховъ на голову татарина не всѣмъ россіянамъ казалась тогда нелѣпою.

Обратимъ взоръ, въ послѣдній разъ, на самого Ѳеодора. И въ цвѣтущей юности не имѣвъ иной важной мысли, кромѣ спасенія души, онъ въ сіе время еще менѣе заботился о мірѣ и царствѣ; ходилъ и ѣздилъ изъ обители въ обитель, благотворилъ нищимъ и духовенству, особенно грече-

скимъ монахамъ, іерусалимскимъ, пелопоннесскимъ и другимъ, которые приносили къ намъ драгоценности святыни (однѣ не расхищенныя турками!): кресты, иконы, мощи. Многіе изъ сихъ бѣдныхъ изгнанниковъ оставались въ Россіи: кипрскій архіепископъ Игнатій жилъ въ Москвѣ, Арсеній элассонскій, бывъ у насъ вмѣстѣ съ патріархомъ Гереміею, возвратился и пачальствовалъ надъ Суздальскою епархіею. Теодоръ съ радостію свѣдалъ о явленіи въ Угличѣ нетлѣнныхъ мощей князя Романа Владиміровича (внука Константинова), и душевно оскорбился бѣдствіемъ знаменитой обители Печерской нижегородской, гдѣ спасались нѣкогда угодники Божіи, Діонисій Суздальскій, ученикъ его Евфимій и Макарій Желтоводскій или Унженскій: гора, подъ которою стоялъ монастырь, вдругъ съ трескомъ и колебаніемъ двинулась къ Волгѣ, засыпала и разрушила церковь, келіи, ограду. Сія гибель мѣста святаго поразила воображеніе людей суевѣрныхъ и названа въ лѣтописи великимъ знаменіемъ того, что ожидало Россію.— чего ожидалъ и Теодоръ, замѣтно слабѣя здравіемъ. Пишутъ, что онъ (въ 1596 году), торжественно перекладывая мощи Алексія митрополита въ новую серебрянную раку, велѣлъ Годунову взять ихъ въ руки, и взирая на него съ печальнымъ умиленіемъ, сказалъ: «Осыжай святыню, правитель народа христіанскаго! Управляй имъ и впредь съ ревностію: Ты достигнешь желаемого, но все суета

Святители
греческіе въ
Москвѣ.

Разрушеніе
Печерской
обители.

Слово Тео-
дорово Го-
дунову.

и мигъ на землѣ! Θεодоръ предчувствовалъ близкій конецъ свой и часъ насталь.

Нѣтъ, не вѣримъ преданію ужасному, что Годуновъ будто бы ускорилъ сей часъ отравою. Лѣтописцы достовѣрнѣйшіе молчатъ о томъ, съ праведнымъ омерзеніемъ изобличая всѣ иныя злодѣйства Борисовы. Признательность смиряетъ и льва яростнаго; но если ни святость вѣнценосца, ни святость благодетеля не могли остановить изверга, то опъ еще могъ бы остановиться, видя въ брennomъ Θεодорѣ явную жертву скорой естественной смерти, и между тѣмъ властвуя, и ежедневно утверждая власть свою какъ неотъемлемое достояніе... Но исторія не скрываетъ и клеветы, преступленіями заслуженной.

Въ концѣ 1597 года Θεодоръ впалъ въ тяжкую болѣзнь; 6 января открылись въ немъ явные признаки близкой смерти, къ ужасу столицы. Народъ любилъ Θεодора, какъ ангела земнаго, озареннаго лучами святости, и приписывалъ дѣйствию его ревностныхъ молитвъ благосостояніе отечества; любилъ съ умиленіемъ, какъ послѣдняго царя Моломаховой крови—и когда въ отверстыхъ храмахъ еще съ надеждою просилъ Бога объ исцѣленіи государя добраго, тогда патріархъ, вельможи, сановники, уже не имѣя надежды, съ искреннимъ сокрушеніемъ сердца предстояли одру болящаго, въ ожиданіи послѣдняго дѣйствія Θεодоровой самодержавной власти: завѣщанія о судьбѣ Россіи сиротѣющей. Но какъ въ теченіе жизни, такъ и при концѣ ея, Θεодоръ не имѣлъ иной воли, кромѣ Борисовой; и въ сей великій часъ не измѣ-

Кончина Θεодорова.

нилъ своей безпредѣльной довѣренности къ наставнику: лишаясь зрѣнія и слуха, еще устремлялъ темнѣющій взоръ на Годунова и съ усиленіемъ внималъ его шептаніямъ, чтобы сдѣлать ему удобное. Безмолствовали бояре; первосвященникъ Іовъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Свѣтъ въ очахъ нашихъ меркнетъ; праведный отходитъ къ Богу... Государь! кому приказываешь царство, насъ сирыхъ и свою царицу?» Феодоръ тихо отвѣтствовалъ: «Въ царствѣ, въ васъ и въ моей царицѣ воленъ Господь Всевышній... оставляю грамоту духовную». Сіе завѣщаніе было уже написано: Феодоръ вручалъ державу Иринѣ, а душу свою приказывалъ великому святителю Іову, двоюродному брату Феодору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику царицы Анастасіи) и шурина Борису Годунову, то есть, избралъ ихъ быть главными совѣтниками трона. Онъ хотѣлъ проститься съ нѣжною супругою наединѣ, и говорилъ съ нею безъ земныхъ свидѣтелей; сія бесѣда осталась неизвѣстною. Въ 11 часовъ вечера Іовъ помазалъ царя елеемъ, исповѣдалъ и пріобщилъ святыхъ таинъ. Въ часъ утра, 7 января, Феодоръ испустилъ духъ, безъ судорогъ и трепета, незамѣтно, какъ бы заснувъ тихо и сладко.

Въ сію минуту оцѣпененія, горестію произведеннаго, явилась царица и пала на тѣло умершаго; ее вынесли въ безпамятствѣ. Тогда, изъявляя и глубокую скорбь и необыкновенную твердость духа, Годуновъ напомнилъ боярамъ, что они, уже не имѣя царя, должны присягнуть царицѣ. Всѣ съ ревностію исполнили сей обрядъ священный, цѣлуя

Присяга царицѣ Иринѣ.

крестъ въ рукахъ патріарха... Случай дотолѣ безпримѣрный: ибо мать Іоаннова, Елена, властвовала только именемъ сына младенца, Иринѣ же отдавали скипетръ Мономаховъ со всѣми правами самобытной, неограниченной власти. На разсвѣтѣ ударили въ большой колоколъ успенскій, извѣщая народъ о преставленіи Θεодора, и вопль раздался въ Москвѣ отъ палатъ до хижинъ: каж-дый домъ, по выраженію современника, былъ домомъ плача. Дворецъ не могъ вмѣстить людей, которые стремились къ одру усопшаго, и знатные и нищіе. Слезы лилися: но и чиновники и граждане, подобно боярамъ, съ живѣйшимъ усердіемъ клялись въ вѣрности къ любимой царипѣ-матери, которая еще спасала Россію отъ сиротства совершеннаго. Столица была въ отчаяніи, но спокойна. Дума послала гонцевъ въ области, велѣла затворить пути въ чужія земли до новаго указа и вездѣ строго блюсти тишину.

Тѣло Θεодорова вложили въ раку, при самой Иринѣ, которая ужасала всѣхъ изступленіемъ своей неописанной скорби: терзалась, билась, не слушала ни брата, ни патріарха; изъ устъ ея, обогранныхъ кровію, вырывались слова: «я вдовица безчадная... мною гибнетъ корень царскій!» Вечеру отнесли гробъ въ церковь Михаила Архангела патріархъ, святители, бояре и народъ вмѣстѣ; не было различія въ званіяхъ: общая горестъ сравняла ихъ. 8 января совершилось погребеніе, достопамятное не великолѣпіемъ, но трогательнымъ безпорядкомъ: захлипаясь отъ слезъ и рыданія, духовенство прерывало священнодѣйствіе, и лики умолкали: въ воплѣ народномъ ни-

кто не могъ слышать пѣнія. Уже не плакала — одна Ирина: ее принесли въ храмъ какъ мертвую. Годуновъ не осушалъ глазъ, смотря на влосчастную царицу, но давалъ всѣ повелѣнія. Отверзли могилу для гроба Теодора, подлѣ Иоаннова; народъ громогласно изъявилъ благодарность усопшему за счастливые дни его царствованія, съ умиленіемъ славя личныя добродѣтели сего Ангела кротости, наслѣдованныя имъ отъ незабвенной Анастасіи,—именуя его не царемъ, но отцемъ чадолюбивымъ, и въ искреннемъ прискорбіи сердца забывъ слабость души Теодоровой. Когда предали тѣло землѣ, патріархъ, а съ нимъ и всѣ люди, воздѣвъ руки на небо, молились, да спасетъ Господь Россію, и лишивъ ее пастыря, да не лишитъ Своей милости. Совершивъ печальный обрядъ, роздали богатую казну бѣднымъ, церквамъ и монастырямъ; открыли темницы, освободили всѣхъ узниковъ, даже смертоубійць, чтобы симъ дѣйствіемъ милосердія увѣнчать земную славу Теодоровыхъ добродѣтелей...

Такъ пресѣклось на тронѣ Московскомъ знаменитое Варяжское поколѣніе, коему Россія обязана бытіемъ, именемъ и величіемъ, — отъ начала столь малаго, сквозь рядъ вѣковъ бурныхъ, сквозь огонь и кровь, достигнувъ господства надъ сѣверомъ Европы и Азіи воинственнымъ духомъ своихъ властителей и народа, счастіемъ и промысловъ Божиимъ!..

Скоро узнала печальная столица, что вмѣстѣ съ Ириною вдовствуетъ и тронъ Мономаховъ; что вѣнецъ и скипетръ лежатъ на немъ праздно; что Россія, не имѣя царя, не имѣетъ и царицы!

Пишутъ, что Θεодоръ набожный, прощаясь съ супругою, вопреки своему завѣщанію, тайно велѣлъ ей презрѣть земное величіе и посвятить себя Богу; можетъ быть, и сама Ирина, вдовица бездѣтная, въ искреннемъ отчаяніи возненавидѣла свѣтъ, не находя утѣшенія въ царской пышности; но гораздо вѣроятнѣе, что такъ хотѣлъ Годуновъ, располагая сердцемъ и судьбою нѣжной сестры. Онъ уже не могъ возвыситься въ царствованіе Ирины, властвовавъ безпредѣльно и при Θεодорѣ; не могъ въ концѣ пятаго десятилѣтія жизни, еще ждать или откладывать; вручилъ царство Ирипѣ, чтобы взять его себѣ, изъ рукъ единокровной, какъ бы правомъ наслѣдія: занять на тронѣ мѣсто Годуновой, а не Мономахова вѣнценоснаго племени, и менѣе казаться похитителемъ въ глазахъ народа. Никогда сей лукавый честолюбецъ не былъ столь дѣятеленъ, явно и скрытно, какъ въ послѣдніе дни Θεодоровы и въ первые мнимаго Иринина державства: явно, чтобы народъ не имѣлъ и мысли о возможности государственнаго устройства безъ радѣнія Борисова; скрытно, чтобы дать видъ свободы и любви дѣйствию силы, обольщенія и коварства. Какъ бы невидимою рукою обнявъ Москву, онъ управлялъ ея движеніями чрезъ своихъ слугъ безчисленныхъ; отъ церкви до синклита, до войска и народа, все внимало и слѣдовало его внушеніямъ, благопріятствуемымъ съ одной стороны робостію, а съ другой истинною признательностію къ заслугамъ и милостямъ Борисовымъ. Обѣщали и грозили; шепотомъ и громогласно доказывали, что спасеніе Россіи нераздѣльно съ властію

правителя—и, приготовивъ умы или страсти къ великому театральному дѣйствію, въ девятый день по кончинѣ царя объявили торжественно, что Ирина отказывается отъ царства и навѣки удаляется въ монастырь, воспріять ан- Постриженіе гельскій образъ инокини. Сія вѣсть Ирины. поразила Москву: святители, Дума, сановники, дворяне, граждане соборомъ пали предъ вѣщесносною вдовою, плакали неутѣшно, называли ее матерію и заклинали не оставлять ихъ въ ужасномъ сиротствѣ; но царица, дотолѣ всегда мягкосердая, не тронулась моленіемъ слезнымъ: отвѣтствовала, что воля ея неизмѣнна, и что государствомъ будутъ править бояре, вмѣстѣ съ патриархомъ, до того времени, когда успѣютъ собраться въ Москвѣ всѣ чины Россійской державы, чтобы рѣшить судьбу отечества по вдохновенію Божію. Въ тотъ же день Ирина выѣхала изъ дворца Кремлевскаго въ Новодѣвичій монастырь, и подъ именемъ Александры вступила въ санъ инокини. Россія осталась безъ главы, а Москва въ тревогѣ, въ волненіи...

Гдѣ былъ Годуновъ, и что дѣлалъ? Заключилъ въ монастырѣ съ сестрою, плакалъ и молился съ нею. Казалось, что онъ, подобно ей, отвергнулъ міръ, величіе, власть, кормило государственное, и предалъ Россію въ жертву бурямъ; но кормчій неусыпно бодрствовалъ, и Годуновъ въ тѣсной келіи монастырской твердою рукою держалъ царство!

Свѣдавъ о постриженіи Ирины, духовенство, чиновники и граждане собралися въ Кремль, гдѣ государственный дьякъ и печатникъ, Василій Щел-

калой, представивъ имъ вредныя слѣдствія безначалія, требовалъ, чтобы они цѣловали крестъ на имя Думы Боярской. Никто не хотѣлъ слышать о томъ; всѣ кричали: «не знаемъ ни князей, ни бояръ; знаемъ только царицу; ей мы дали присягу, и другой не дадимъ никому: она и въ черницахъ мать Россіи». Печатникъ совѣтовался съ вельможами, снова вышелъ къ гражданамъ и сказалъ, что царица, оставивъ свѣтъ, уже не занимается дѣлами царства, и что народъ долженъ присягнуть боярамъ, если не хочетъ видѣть государственнаго разрушенія. Единогласнымъ } отвѣтомъ было: «и такъ да царствуетъ братъ ея!» Никто не дерзнулъ противорѣчить, ни безмолствовать, всѣ восклицали: «да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Θεодоровичъ! онъ будетъ преемникомъ матери нашей, царицы!» Немедленно, всѣмъ соборомъ, пошли въ монастырь Новодѣвичій, гдѣ патріархъ Іовъ, говоря именемъ отечества, заклиналъ монахиню Александру благословить ея брата на царство, ея презрѣнное изъ любви къ жениху безсмертному, Христу Спасителю, исполнить тѣмъ волю Божию и народную, утишить колебаніе въ душахъ и въ государствѣ, отереть слезы россиянь, бѣдныхъ, сирыхъ, безпомощныхъ, и снова возставить державу сокрушенную, доколѣ враги христіанства еще не увѣдали о вдовствѣ Мономахова престола. Всѣ проливали слезы — и сама царица - инокиня, внимая первосвятителю краснорѣчивому. Іовъ обратился къ Годунову, смиренно предлагалъ ему корону, называлъ его свышеизбраннымъ для возобновленія царскаго коре-

Избраніе
Годунова въ
цари.

ни въ Россіи, естественнымъ наслѣдникомъ трона послѣ зятя и друга, обязаннаго всѣми успѣхами своего владычества Борисовой мудрости.

Такъ совершилось желаніе властолюбца! Но онъ умѣлъ лицемѣрить: не забылся въ радости сердца — и за семь лѣтъ предъ тѣмъ смѣло вонзивъ убійственный ножъ въ гортань св. младенца Димитрія, чтобы похитить корону, съ ужасомъ отринувъ ее, предлагаемую ему торжественно, единодушно, духовенствомъ, синклитомъ, народомъ; клялся, что никогда, рожденный вѣрнымъ подданнымъ, не мечталъ о санѣ державномъ, и никогда не дерзнетъ взять скипетра, освященнаго рукою усопшаго царя-ангела, его отца и благодетеля; говорилъ, что въ Россіи много князей и бояръ, коимъ онъ, уступая въ знатности, уступаетъ и въ личныхъ достоинствахъ; но изъ признательности къ любви народной обѣщается вмѣстѣ съ ними радѣть о государствѣ еще ревностнѣе прежняго. На сію рѣчь, заблаговременно сочиненную, патріархъ отвѣтствовалъ такую же, и весьма плодovitую, исполненною движеній витійства и примѣровъ историческихъ; обвинялъ Годунова въ излишней скромности, даже въ неповиновеніи волѣ Божіей, которая столь явна въ общенародной волѣ; доказывалъ, что Всевышній искони готовилъ ему и роду его навѣки вѣковъ державу Владимірова потомства, Феодоровою смертію пресѣченнаго; напоминалъ о Давидѣ, царѣ іудейскомъ, Феодосіи великомъ, Маркіанѣ, Михаилѣ Косноязычномъ, Василии Македонскомъ, Тиверіи и другихъ императорахъ византійскихъ, неисповѣдимыми судьбами небесными возведенныхъ на

престоль изъ ничтожества; сравнивалъ ихъ добродѣтели съ Борисовыми; убѣждалъ, требовалъ, и не могъ поколебать его твердости, ни въ сей день, ни въ слѣдующій — ни предъ лицомъ народа, ни безъ свидѣтелей, ни моленіемъ, ни угрозами духовными. Годуновъ рѣшительно отрекся отъ короны.

Но патріархъ и бояре еще не теряли надежды, ждали великаго собора, коему надлежало быть въ Москвѣ чрезъ шесть недѣль по смерти Θεодора; то есть, велѣли съѣхаться туда изъ всѣхъ областныхъ городовъ людямъ выборнымъ: духовенству, чиновникамъ воинскимъ и гражданскимъ, кушцамъ, мѣщаламъ. Годуновъ хотѣлъ, чтобы не одна столица, но вся Россія призвала его на тронъ, и взялъ мѣры для успѣха, всюду пославъ ревностныхъ слугъ своихъ и клеветовъ: сей видъ единоголаснаго, свободнаго избранія казался ему нужнымъ — для успокоенія ли совѣсти? или для твердости и безопасности его властвованія? Между тѣмъ Борисъ жилъ въ монастырѣ, а государствомъ правила Дума, совѣтуясь съ патріархомъ въ дѣлахъ важныхъ, но указы писала именемъ царицы Александры, и на ея же имя получала донесенія воеводъ земскихъ. Между тѣмъ оказывались неповиновеніе и безпорядокъ: въ Смоленскѣ, Псковѣ и въ иныхъ городахъ воеводы не слушались ни другъ друга, не предписаній Думы. Между тѣмъ носились слухи о впаденіи хана крымскаго въ предѣлы Россіи, и народъ говорилъ въ ужасѣ: «Ханъ будетъ подь Москвою, а мы безъ царя и защитника!» Однимъ словомъ, все бла-

гопріятствовало Годунову, ибо все было имъ устроено!

Въ пятницу, 17 февраля, открылась въ Кремлѣ Дума Земская, или государственный соборъ, гдѣ присутствовало, кромѣ всего знатнѣйшаго духовенства, синклита, двора, не менѣе пятьсотъ чиновниковъ и людей выборныхъ изъ всѣхъ областей, для дѣла великаго, не бывалаго со временъ Рюрика: для назначенія вѣнценосца Россіи, гдѣ дотолѣ властвовалъ непрерывно, уставомъ наслѣдія, родъ князей Варяжскихъ, и гдѣ государство существовало государемъ; гдѣ всѣ законныя права истекали изъ его единственнаго самобытнаго права: судить и рядить землю по закону совѣсти. Часъ опасный; кто избираетъ, тотъ даетъ власть, и слѣдственно имѣетъ оную; ни уставы, ни примѣры не ручались за спокойствіе народа въ ея столь важномъ дѣйствіи, и Сеймъ кремлевскій могъ уподобиться варшавскимъ: бурному морю страстей, гибельныхъ для устройства и силы державъ. Но долговременный навѣкъ повиновенія и хитрость Борисова представили зрѣлище удивительное: тишину, единомысліе, увѣтливость во многочислѣ разнообразномъ, въ смѣси чиновъ и званій. Казалось, что всѣ желали одного: какъ сироты, найти скорѣе отца — и знали, въ комъ искать его. Граждане смотрѣли на дворянъ, дворяне на вельможъ, вельможи на патріарха. Извѣстивъ соборъ, что Ирина не захотѣла ни царствовать, ни благословить брата на царство, и что Годуновъ также не принимаетъ вѣнца Мономахова, Іовъ сказалъ: «Россія, тоскуя безъ царя, нетерпѣливо ждетъ его отъ мудрости собора. Вы, святители,

архимандриты, игумены; вы, бояре, дворяне, люди приказные, дѣти боярскіе и всѣхъ чиновъ люди царствующаго града Москвы и всей земли Русской! объявите намъ мысль свою и дайте совѣтъ, кому быть у насъ государемъ. Мы же, свидѣтели преставленія царя и великаго князя Θεодора Иоанновича, думаемъ, что намъ мимо Бориса Θεодоровича не должно искать другого самодержца.» Тогда все духовенство, бояре, воинство и народъ единогласно отвѣтствовали: «нашъ совѣтъ и желаніе то же: немедленно бить челомъ государю Борису Θεодоровичу, и мимо его не искать другого властителя для Россіи». Усердіе обратилось въ восторгъ, и долго нельзя было ничего слышать, кромѣ имени Борисова, громогласно повторяемаго всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ. Тутъ находились князья Рюрикова племени: Шуйскіе, Сицкіе, Воротынскій, Ростовскіе, Телятевскіе и столь многіе иные; но давно лишеныя достоинства князей владѣтельныхъ, давно слуги московскихъ государей наравнѣ съ дѣтьми боярскими, они не дерзали мыслить о своемъ наслѣдственномъ правѣ, и спорить о коронѣ съ тѣмъ, кто безъ имени царскаго уже тринадцать лѣтъ единовластвовалъ въ Россіи, былъ хотя и потомкомъ мурзы, но братомъ царицы. Возстановивъ тишину, вельможи, въ честь Годунова, рассказали духовенству, чиновникамъ и гражданамъ слѣдующія обстоятельства: «государыня Ирина Θεодоровна и знаменитый братъ ея съ самаго перваго дѣтства возростали въ палатахъ великаго царя Иоанна Василіевича и питались отъ стола его. Когда же царь удостоилъ Ирину быть своею не-

вѣсткою, съ того времени Борисъ Теодоровичъ жилъ при немъ неотступно, навывая государственной мудрости. Однажды, узнавъ о недугѣ сего юнаго любимца, царь прѣхалъ къ нему съ нами и сказалъ милостиво: Борисъ! страдаю за тебя какъ за сына, за сына какъ за невѣстку, за невѣстку какъ за самого себя—поднялъ три перста десницы своей и примолвилъ: се Теодоръ, Ирина и Борисъ; ты не рабъ, а сынъ мой. Въ послѣдніе часы жизни всѣми оставленный для исповѣди, Иоаннъ удержалъ Бориса Теодоровича при одрѣ своемъ, говоря ему: «для тебя обнажено мое сердце. Тебѣ приказываю душу, сына, дочь и все царство: блюди, или дашь за нихъ отвѣтъ Богу». Помня сіи незабвенныя слова, Борисъ Теодоровичъ хранилъ, яко зеницу ока, и юнаго царя и великое царство». Описавъ, какъ правитель своею неуныпною, мудрою дѣятельностію возвысилъ отечество, смирилъ хана и шведовъ, обуздалъ Литву, расширилъ владѣнія Россіи, умножилъ число ея царей-данниковъ и слугъ; какъ знаменитѣйшіе вѣщеницы Европы и Азіи изъявляютъ ей уваженіе и пріязнь; какая тишина внутри государства, милость для войска и для народа, правда въ судахъ, защита для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ— бояре заключили такъ: «Мы напомнимъ вамъ случай достопамятный. Когда царь Теодоръ, умомъ и мужествомъ правителя одержавъ славнѣйшую побѣду надъ ханомъ, весело пировалъ съ духовенствомъ и синклитомъ, тогда, въ умиленіи признательности, снявъ съ себя златую царскую гривну, онъ возложилъ ее на выю своего шури-

на». А патріархъ изъяснилъ собранію, что царь, исполненный Св. Духа, симъ таинственнымъ дѣйствіемъ ознаменовалъ будущее державство Годунова, искони предопредѣленное Небомъ. Снова раздались клики: «да здравствуетъ государь нашъ, Борисъ Ѳеодоровичъ!» И патріархъ воззвалъ къ собору: «гласъ народа есть гласъ Божій: буди, что угодно Всевышнему!»

Въ слѣдующій день, февраля 18, въ первый часъ утра, церковь Успенія наполнилась людьми: всѣ, преклонивъ колѣна, духовенство, синклитъ и народъ, усердно молили Бога, чтобы правитель смягчился и принялъ вѣнецъ; молились еще два дня, и февраля 20 Іовъ, святители, вельможи объявили Годунову, что онъ избранъ въ цари уже не Москвою, а всею Россією. Но Годуновъ вторично отвѣтствовалъ, что высота и сіяніе Ѳеодорова трона ужасають его душу; клялся снова, что и въ сокровенности сердца не представлялась ему мысль столь дерзостная; видѣлъ слезы, слышалъ убѣжденія самыя трогательныя, и былъ непреклоненъ; выслалъ искустителей, духовенство съ синклитомъ, изъ монастыря, и не велѣлъ имъ возвращаться. Надлежало искать дѣйствительнѣйшаго средства: размышляли — и нашли. Святители въ общемъ совѣтѣ съ боярами устали пѣть, 21 феарала, во всѣхъ церквахъ праздничный молебень, и съ обрядами торжественными, съ святынею вѣры и отечества, въ послѣдній разъ испытать силу убѣжденій и плача надъ сердцемъ Борисовымъ; а тайно, между собою, Іовъ, архіепископы и епископы условились въ слѣдующемъ: «Если государь Борисъ Ѳеодоровичъ смиляется

надъ нами, то разрѣшимъ его клятву не быть царемъ Россіи; если не смилуется, то отлучимъ его отъ церкви; тамъ же, въ монастырѣ, сложимъ съ себя святительство, кресты и панагій; оставимъ иконы чудотворныя, запретимъ службу и пѣніе во святыхъ храмахъ; предадимъ народъ отчаянію, а царство гибели, мятежамъ, кровопролитію — и виновникъ сего неисповѣдимаго зла да отвѣтствуетъ предъ Богомъ въ день Суда Страшнаго!»

Въ сію ночь не угасали огни въ Москвѣ: все готовилось къ великому дѣйствию — и на разсвѣтъ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, подвиглась столица. Всѣ храмы и дома отворились; духовенство съ пѣніемъ вышло изъ Кремля; народъ въ безмолвіи тѣснился на площадяхъ. Патріархъ и владыки несли иконы знаменитыя славными воспоминаніями: Владимірскую и Донскую, какъ святая знамена отечества; за клиромъ шли синклитъ, дворъ, воинство, приказы, выборы городовъ; за ними устремились и всѣ жители московскіе, граждане и чернь, жены и дѣти, къ Новодѣвичьему монастырю, откуда, также съ колокольнымъ звономъ, вынесли образъ Смоленской Богоматери на встрѣчу патріарху; за симъ образомъ шелъ и Годуновъ, какъ бы изумленный столь необыкновенно-торжественнымъ церковнымъ ходомъ; пальницъ предъ иконою Владимірскою, обливался слезами и воскликнулъ: «О мать Божія! что виною Твоего подвига? Сохрани, сохрани меня подъ сѣнію Твоего крова!» обратился къ Іову, и съ видомъ укоризны сказалъ ему: «пастыръ великій! Ты дашь отвѣтъ Богу!» Іовъ отвѣтствовалъ: «Сынъ возлюбленный! не слѣдай себя печалію,

но вѣрь Провидѣнію! Сей подвигъ совершила Богоматерь изъ любви къ тебѣ, да устыдишься!» Онъ пошелъ въ церковь святой обители съ духовенствомъ и людьми знатнѣйшими; другіе стояли въ оградѣ, народъ — внѣ монастыря, занимая все обширное Дѣвичье поле. Соборомъ отпѣвъ литургію, патріархъ снова, и тщетно, убѣждалъ Бориса не отвергать короны; велѣлъ нести иконы и кресты въ келіи царицы; тамъ со всѣми святителями и вельможами преклонилъ главу до земли... и въ то самое мгновеніе, по данному знаку, все безчисленное множество людей, въ келіяхъ, въ оградѣ, внѣ монастыря, упало на колѣпа, съ воплемъ неслыханнымъ: всѣ требовали царя, отца, Бориса! Матери кинули на землю своихъ грудныхъ младенцевъ и не слушали ихъ крика. Искренность побуждала притворство; вдохновеніе дѣйствовало и на равнодушныхъ, и на самыхъ лицемѣровъ! патріархъ, рыдая, заклиналъ царицу долго, неотступно, именемъ святыхъ иконъ, которыя передъ нею стояли, — именемъ Христа Спасителя, церкви, Россіи, дать милліонамъ православныхъ государя благонадежнаго, ея великаго брата... Наконецъ, услышали слово милости: глаза царицы, дотолѣ нечувствительной, наполнились слезами. Она сказала: «По изволенію всесильнаго Бога и Пречистыя Дѣвы Маріи возьмите у меня единороднаго брата на царство, въ утоленіе народнаго плача. Да исполнится желаніе вашихъ сердець, ко счастью Россіи! Благословляю избраннаго вами и предаю Отцу Небесному, Богоматери, святымъ угодникамъ московскимъ и тебѣ, патріарху, и вамъ, святители, и

вамъ, бояре! Да заступитъ мое мѣсто на престолѣ!» Всѣ упали къ ногамъ царицы, которая, печально взглянувъ на смиреннаго Бориса, дала ему повелѣніе властвовать надъ Россіею. Но онъ еще изъяслялъ нехотѣніе, страшился тягостнаго бремени, возлагаемаго на слабыя рамена его, просилъ избавленія; говорилъ сестрѣ, что она изъ единаго милосердія не должна предавать его въ жертву трону; еще вновь клялся, что никогда умомъ робкимъ не дерзаль возноситься до сей высоты, ужасной для смертнаго; свидѣтельствовался Окомъ Всевидящимъ и самою Ириною, что желаетъ единоплеменно жить при ней и смотрѣть на ея лице ангельское. Царица уже настояла рѣшительно. Тогда Борисъ какъ бы въ сокрушеніи духа воскликнулъ: «Буди же святая воля Твоя, Господи! Настави меня на путь правый, и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! Повинуюсь Тебѣ, исполняя желаніе народа». Святители, вельможи упали къ ногамъ его. Осѣнивъ животворящимъ крестомъ Бориса и царицу, патріархъ спѣшилъ возвѣстить дворянамъ, приказнымъ и всѣмъ людямъ, что Господь даровалъ имъ царя. Невозможно было изобразить общей радости. Воздѣвъ руки на небо, славили Бога, плакали, обнимали другъ друга. Отъ келій царицыныхъ до всѣхъ концовъ Дѣвичьяго поля гремѣли клики: слава! слава!... Окруженный вельможами, тѣснымъ, лобзаемый народомъ, Борисъ вслѣдъ за духовенствомъ пошелъ въ храмъ Новодѣвичьей обители, гдѣ патріархъ Іовъ, предъ иконами Владимірской и Донской, благословилъ его на государство московское

и всея Россіи, нарекъ царемъ, и возгласилъ ему первое многолѣтіе.

Что, повидимому, могло быть торжественнѣе, еди-
нодушнѣе, законнѣе сего нареченія? и что благо-
разумнѣе? Премѣнилось только имя царя: власть
державная оставалась въ рукахъ того, кто уже
давно имѣлъ оную, и властвовалъ счастливо для
цѣлости государства, для внутренняго устройства,
для внѣшней чести и безопасности въ Россіи. Такъ
казалось; но сей человѣческою мудростію падѣлен-
ный правитель достигъ престола злодѣйствомъ...
Казнь небесная угрожала царю-преступнику и
царству несчастному.

Г Л А В А IV.

Состояніе Россіи въ концѣ XVI вѣка.

Безопасность Россіи въ отношеніи къ сосѣдственнымъ дер-
жавамъ. — Войско. — Жалованье. — Доходы. — Богатство
Строгановыхъ. — Судъ и расправа. — пытки и казни. —
Торговля. — Цѣна разныхъ товаровъ. — Корабли россій-
скіе. — Образование. — Геометрія и ариметика. — Тайное
письмо или цифры. — Географія. — Словесность. — Художе-
ства и ремесла. — Москва. — Обычай. — Примѣры мѣстниче-
ства. — Дворъ. — Вина иноземныя, меды и яства русскія. —
Хлѣбосольство. — Долгая жизнь. — Медки. — Лекарства. —
Аптекари. — Разныя обыкновенія. — Убогій домъ. — Одежда
женщинъ. — Забавы. — Бани. — Пороки. — Набожность. —
Смерть перваго Борисова сына. — Юродивые. — Терпи-
мость. — Унія въ Литвѣ.

Описавъ судьбу нашего отечества подъ наслѣд-
ственнымъ скипетромъ монарховъ варяжскаго
племени, заключимъ исторію семи сотъ трид-

дати шести лѣтъ обзорѣніемъ тогдашняго состоянія Россіи въ государственномъ и гражданскомъ смыслѣ.

Никогда внѣшнія обстоятельства Московской державы, основанной, изготовленной къ величію Иоанномъ III, не казались столь благопріятными для ея цѣлости и безопасности, какъ въ сіе время. Въ Литвѣ преемникъ Баторіевъ дремалъ на тронѣ, окруженномъ строптивыми, легкомысленными и несогласными вельможами; Швеція колебалась въ безначаліи; ханъ умѣлъ только грабить оплошныхъ; Магометъ III въ сильномъ бореніи съ Австрією предвидѣлъ еще опаснѣйшую войну съ шахомъ, а Россія, почти безъ кровопролитія взявъ неизмѣримыя земли на сѣверо-востокѣ, заложивъ крѣпости подъ сѣнію Кавказа, возстановивъ свои древнія грани на скалахъ Корельскихъ, ожидая случая возвратити другія несчастныя уступки Иоаннова малодушія, города въ Ливоніи и важную пристань Балтійскую, — Россія, спокойная извнѣ, тихая внутри, имѣла войско многочисленнѣйшее въ Европѣ, и еще непрестанно умножала его. Такъ говорятъ иноземные современники о ратныхъ силахъ Теодоровыхъ:

Безопасность
Россіи въ от-
ношеніи къ
сосѣдствен-
нымъ держа-
вамъ.

Войско.

«Пятнадцать тысячъ дворянъ, раздѣленныхъ на три степени: большихъ, среднихъ и меньшихъ, московскихъ и такъ называемыхъ выборныхъ (присылаемыхъ въ столицу изъ всѣхъ городовъ, и чрезъ три года смѣняемыхъ иными), составляютъ конную дружину царскую. Шестьдесятъ пять тысячъ всадниковъ, изъ дѣтей боярскихъ, ежегодно

собирается на берегахъ Оки, въ угрозу хану. Лучшая пѣхота стрѣльцы и казаки: первыхъ 10,000, кромѣ двухъ тысячъ отборныхъ или стремянныхъ; вторыхъ около шести тысячъ. На ряду съ ними служатъ 4,300 пѣмцевъ и поляковъ, 4,000 казаковъ литовскихъ, 150 шотландцевъ и нидерландцевъ, 100 датчанъ, шведовъ и грековъ. Для важнаго ратнаго предпріятія выѣзжаютъ на службу всѣ помѣстные дѣти боярскіе съ своими холопами и людьми даточными (изъ отчинъ боярскихъ и церковныхъ), болѣе крестьянами, нежели воинами, хотя и красиво одѣтыми (въ чистые, узкіе кафтаны съ длиннымъ, отложнымъ воротникомъ): невозможно опредѣлить ихъ числа, умножаемаго въ случаѣ нужды людьми купецкими, также наемниками и слугами государя московскаго, ногаями, черкесами, древними подданными Казанскаго царства. Сборныя областныя дружины называются именами городовъ своихъ: смоленскою, новгородскою и проч.; въ каждой бываетъ отъ 300 до 1,200 ратниковъ. Многіе вооружены худо; только пѣхота имѣетъ пищали, но огнестрѣльный снарядъ не уступаетъ лучшему въ Европѣ. Доспѣхи и конскіе приборы воеводъ, чиновниковъ, дворянъ блистаютъ свѣтлостію булата и камнями драгоцѣнными; на знаменахъ, освящаемыхъ патріархомъ, изображается св. Георгій. Въ битвахъ удары конницы бываютъ всегда при звукѣ огромныхъ набатовъ (или барабановъ), зурнъ и бубновъ: всадники пускаютъ тучу стрѣль, извлекаютъ мечи, малютъ ими вокругъ головы и стремятся впередъ густыми толпами. Пѣхота, дѣйствуя въ степи противъ крымцевъ, обыкновенно защищается себя

гуляемъ, или подвижнымъ складнымъ городкомъ, возимымъ на телѣгахъ, то есть, ставятъ два ряда досокъ на пространствѣ двухъ или трехъ верстъ въ длину, и стрѣляютъ изъ сего укрѣпленія сквозь отверстія въ обѣихъ стѣнахъ. Ожидая хана, воеводы высылаютъ казаковъ въ степи, гдѣ изрѣдка растутъ высокіе дубы; тамъ, подъ каждымъ деревомъ, видите двухъ осѣдланыхъ лошадей: одинъ изъ всадниковъ держитъ ихъ за узду, а товарищъ его сидитъ на вершинѣ дуба и смотритъ во всѣ стороны; увидѣвъ пыль, слѣзаетъ немедленно, садится на лошадь, скачетъ къ другому дубу, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ пыль, стражъ сего дерева велитъ своему товарищу также скакать къ третьему дереву съ вѣстію, которая въ нѣсколько часовъ доходитъ до ближайшаго города или до передоваго воеводы». — Далѣе сіи иноземные наблюдатели, замѣчая (какъ и въ Иоанново время), что Россіане лучше быются въ крѣпостяхъ, нежели въ полѣ, спрашиваютъ: «чего со временемъ нельзя ожидать отъ войска безсмѣтнаго, которое, не боясь ни холода, ни голода и ничего, кромѣ гнѣва царскаго, съ толокномъ и сухарями, безъ обоза и крова, съ неодолимымъ терпѣніемъ скитается въ пустыняхъ сѣвера, и въ коемъ за славнѣйшее дѣло дается только маленькая золотая денъга (съ изображеніемъ св. Георгія), носимая счастливымъ витяземъ на рукавѣ или шапкѣ?»

Но цари уже не скупились и не щадили казны для лучшаго устройства ополченій. Уже Иоаннъ производилъ денежное жалованье войнамъ въ походахъ: Феодоръ или Году-

жалованье.

новъ давалъ, сверхъ помѣстныхъ земель, каждому дворянину и сыну боярскому пятнадцати-тысячной царской дружины отъ 12 до 100 рублей; каждому стрѣльцу и казаку 7 рублей, сверхъ хлѣбнаго запаса; конному войску на берегахъ Оки около 40,000 рублей ежегодно, что, вмѣстѣ съ платою иноземнымъ войнамъ (также боярамъ, екольничимъ и другимъ знатнѣйшимъ сановникамъ, изъ коихъ первые имѣли 700, а вторые отъ 200 до 400 рублей жалованья), составляло нѣсколько милліоновъ нынѣшней монетою и свидѣтельствовало о возрастающемъ богатствѣ Россіи, которое еще яснѣе уви-

димъ изъ слѣдующихъ подробныхъ
 Доходы. извѣстій о тогдашнихъ доходахъ государственныхъ:

1) Особенная царская отчина, 36 городовъ съ селами и деревнями, доставляла казнѣ дворцоваго вѣдомства, сверхъ денежнаго оброка, хлѣбъ, скоть, птицъ, рыбу, медъ, дрова, сѣно, чего, за содержаніемъ двора, въ расточительное Іоанново время продавалось ежегодно на 60,000 рублей, а въ Феодорово, отъ лучшаго хозяйства, введеннаго дворецкимъ Григорьемъ Васильевичемъ Годуновымъ, на 230,000 рублей (около 1.150,000 нынѣшнихъ серебряныхъ).

2) Тягло и подать государственная, съ вытей хлѣбомъ, а съ сохъ деньгами, приносили казнѣ четвертнаго вѣдомства 400,000 рублей: съ области Псковской 18,000, Новгородской 35,000, Тверской и Новоторжской 8,000, Рязанской 30,000, Муромской 12,000, Холмогорской и Двинской 8,000, Вологодской 12,000, Казанской 18,000, Устюжской

30,000, Ростовской 50,000, Московской 40,000, Сибирской (мѣхами) 20,000, Костромской 12,000 и проч.

3) Разныя городскія пошлыны: торговыя, судныя, питейныя, банныя, вносимыя въ Казну Большаго Прихода (съ Москвы 12,000, Смоленска 8,000. Пскова 12,000, Новгорода 6,000, Старой Русы, гдѣ варилась соль, 18,000, Торжка 800, Твери 700. Ярославля 1,200, Костромы 1,800, Нижняго 7,000. Казани 11,000, Вологды 2,000 и проч.) составляли 800,000 рублей, вмѣстѣ съ экономіею приказовъ Рааряднаго, Стрѣлецкаго, Иноземскаго, Пушкарскаго, которые, имѣя свои особенныя доходы, отсылали сберегаемыя ими суммы въ сей же Большой Приходъ — такъ, что въ сокровищницу кремлевскую, подѣ Феодорову или Годунову печать. ежегодно вступало, сверхъ главныхъ государственныхъ издержекъ на войско и дворъ, не мѣнѣе милліона четырехъ сотъ тысячъ рублей (отъ шести до семи милліоновъ нынѣшнихъ серебряныхъ). «Не смотря па сіе богатство» (пишетъ Флетчеръ въ своей книгѣ о Россіи) «Феодоръ, по совѣту Годунова, велѣлъ перелить въ деньги множество золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, наслѣдованныхъ имъ послѣ отца, ибо хотѣлъ симъ мнимымъ знакомъ недостатка въ монетѣ оправдать тягость налоговъ».

Къ умноженію государственнаго достоянія, Феодоръ на соборѣ духовенства и боярѣ (въ іюлѣ 1584) подтвердилъ уставъ Іоанновъ 1582 года, чтобы святители, церкви и монастыри безденежно отдали въ казну всѣ древнія княжескія отчины, вмѣстѣ съ землями, имъ заложеными, и впредь до новаго указа отмѣнили тарханныя или льготныя

грамоты, которыя знатную часть церковныхъ, боярскихъ и княжескихъ имѣній освобождали отъ государственныхъ податей, къ ущербу казны и ко вреду всѣхъ иныхъ владѣльцевъ, ибо крестьяне, уходили отъ нихъ въ льготныя жительства, чтобы не платить никакихъ налоговъ. Въ сей же соборной грамотѣ сказано: «Земли и села, отказанныя монастырямъ за упокой души, выкупаются наслѣдниками, или, буде ихъ нѣтъ, государемъ, для раздачи воинскимъ людямъ», коимъ уже не доставало земель помѣстныхъ.

Но обогащеніе казны, по извѣстію чужестранцевъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ вредило народному благосостоянію: 1) налоги, облегченные Феодоромъ, были все еще тягостны; 2) заведеніе питейныхъ домовъ въ городахъ, умножая пьянство, разоряло мѣщанъ, ремесленниковъ, самихъ земледѣльцевъ, губило достояніе ихъ и нравственность; 3) отъ монополій казны терпѣло купечество, лишаемое свободы продавать свои товары, если царскіе еще лежали въ лавкахъ. Флетчеръ пишетъ, что между

купцами славились богатствомъ одни
 Богатство
 Строгановыхъ. братья Строгановы, имѣя до трехъ
 сотъ тысячъ (около полутора милліона нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей наличными деньгами, кромѣ недвижимаго достоянія; что у нихъ было множество инопоземныхъ, нидерландскихъ и другихъ мастеровъ на заводахъ, нѣскольکو аптекарей и медиковъ, 10,000 людей вольныхъ и 5,000 собственныхъ крѣпостныхъ, употребляемыхъ для варенія и развоза соли, рубки лѣсовъ и воздѣлыванія земли отъ Вычегды до предѣловъ Сибири; что они ежегодно платили царю 23,000 руб-

лей пошрины, но что правительство, требуя болѣе и болѣе, то подъ видомъ налога, то подъ видомъ займа, разоряетъ ихъ безъ жалости; что въ Россіи вообще мало богатыхъ людей, ибо казна все поглощаетъ; что самые древніе удѣльные князья и бояре живутъ умѣреннымъ жалованьемъ и помѣстнымъ доходомъ (около тысячи рублей на cadaго), совершенно завися отъ милости царской». Однакожь бояре и многіе сановники имѣли знатныя отчины, какъ родовыя, такъ и жалованныя; а потомки древнихъ князей и въ Иоанново время еще владѣли частію ихъ бывшихъ удѣловъ: на примѣръ, славный князь Михайло Воротынскій въ 1572 году вѣдалъ треть Воротынска, какъ свою наследственную собственность.

Умножая войско и доходы, правительство занималось, какъ мы видѣли, и лучшимъ внутреннимъ устройствомъ государства, радѣло о безопасности лицъ и достоинія. Вопреки сказанію иноземцевъ, что въ Россіи не было тогда никакихъ гражданскихъ законовъ, кромѣ слѣпого произвола царей, сіи законы, издашыя первымъ самодержцемъ московскимъ (что достойно примѣчанія), дополненныя его сыномъ, исправленныя, усовершенныя внукомъ, служили неизмѣннымъ правиломъ во всѣхъ тяжбахъ — и Грозный, попирая святыя уставы челоуѣчества, оставлялъ гражданскіе пенарушимыми въ Россіи, не отнималъ даже истинной царской собственности у тѣхъ, которые могли доказать, что владѣютъ ею долге шести лѣтъ. Именемъ Феодоровымъ издавъ важ-

Судъ и
расправа.

ный политическій законъ объ укрѣпленіи земледѣльцевъ, Годуновъ не прибавилъ ничего болѣе къ Судебнику, но пекся о точномъ исполненіи онаго: желая славиться неумытнымъ правосудіемъ, оказывалъ его въ дѣлахъ гласныхъ, о чемъ свидѣлствуютъ и лѣтописцы, славя счастливый вѣкъ Феодоровъ. Какъ въ Іоанново, такъ и въ сіе время судъ съ расправою земскою зависѣли въ областяхъ, подъ главнымъ вѣдомствомъ Думы, отъ намѣстниковъ, избираемыхъ изъ бояръ, окольныхихъ и другихъ знатныхъ сановниковъ. Всѣ члены Феодоровой Думы были намѣстниками и рѣдко выѣзжали изъ Москвы; но они имѣли товарищей, тиуновъ, дьяковъ, которые съ ихъ вѣдома рѣшили дѣла. Пишутъ, что народъ вообще ненавидѣлъ дьяковъ корыстолюбивыхъ: опредѣляемые всегда на малое время, сіи грамотѣи приказные тѣмъ болѣе спѣшили наживаться всякими средствами; жалобы имѣли дѣйствіе, по обыкновенно уже послѣ смѣны грабителей: тогда судили ихъ строго, лишали всей незаконной добычи, выставляли на позоръ и сѣкли, привязывали лихоимцу къ шеѣ взятую имъ вещь, кошелькъ съ деньгами, соболя или что другое. Законъ не терпѣлъ никакихъ взятокъ, но хитрецы изобрѣли способъ обманывать его: челобитчикъ, входя къ судѣ, клалъ деньги предъ образами, будто бы на свѣчи; сію выдумку скоро запретили указомъ. Только въ день Свѣтлаго Воскресенія дозволялось судьямъ и чиновникамъ вмѣстѣ съ краснымъ яйцомъ принимать въ даръ и нѣсколько червонцевъ (коихъ цѣна обыкновенно возвышалась въ сіе время отъ 16 до 24 алтынъ и болѣе).

По крайней мѣрѣ видимъ достохвальное усиліе правительства искоренять зло, извѣстное и въ вѣки лучшаго гражданскаго образованія. Та же ревность къ уменьшенію преступленій ввела или сохранила у насъ отвратительную для сердца жестокость

Пытки и
казни.

въ законныхъ пыткахъ: чтобы вывѣдать истину отъ уличаемаго преступника, жгли его нѣскольکو разъ огнемъ, ломали ему ребра, вбивали гвозди въ тѣло. Убійцы и другихъ злодѣевъ вѣшали, казнили на плахѣ, или топили, или сажали на колъ. Осужденный, идучи къ лобному мѣсту, держалъ въ связанныхъ рукахъ горящую восковую свѣчу. Для благородныхъ людей воинскихъ облегчали казнь: за что крестьянина или мѣщанина вѣшали, за то сына боярскаго сажали въ темницу или сѣкли батогами. Убійца собственнаго холопа наказывался денежною пенею. Благородные люди воинскіе имѣли еще, какъ пишутъ, странную выгоду въ гражданскихъ тяжбахъ: могли, вмѣсто себя, представлять слугъ своихъ для присяги и для тѣлеснаго наказанія въ случаѣ неплатежа долговъ.

Торговля, хотя отчасти и стѣсняемая казенными монополіями, распространилась въ Феодорово время отъ успѣховъ внутренней промышленности. Любопытству и наблюдательному духу англичанъ, которые всѣхъ болѣе умѣли ею пользоваться, обязаны мы весьма обстоятельными объ ней свѣдѣніями. «Мало земель въ свѣтѣ (пишутъ они), гдѣ природа столь милостива къ людямъ, какъ въ Россіи, изобильной ея дарами. Въ садахъ и въ огородахъ множество

Торговля.

вкусныхъ плодовъ и ягодъ: грушъ, яблокъ, сливъ, дынь, арбузовъ, огурцовъ, вишни, малины, клубники, смородины; самые лѣса и луга служатъ вмѣсто огородовъ. Неизмѣримыя равнины покрыты хлѣбомъ: пшеницею, рожью, ячменемъ, овсомъ, горохомъ, гречею, просомъ. Изобиліе рождаетъ дешевизну: четверть пшеницы стоитъ обыкновенно не болѣе двухъ алтынъ (пятидесяти тридцати копѣекъ серебромъ). Одна безпечность жителей и корыстолюбіе богатыхъ производятъ иногда дороговизну: такъ въ 1588 году за четверть пшеницы и ржи платили въ Москвѣ 13 алтынъ. Хлѣбъ и плоды составляютъ важный предметъ торговли вѣнечней; а для богатства вѣнечней россияне имѣютъ:

1) Мѣха собольи, лисьи, куньи, бобровые, рысьи, волчьи, медвѣжьи, горностаевые, бѣличьи, коихъ продается въ Европу и въ Азію (купцамъ персидскимъ, турецкимъ, бухарскимъ, иверскимъ, армянскимъ) на 500 тысячъ рублей» (Ермаковы и новѣйшія завоеванія въ сѣверной Азіи обогатили насъ мягкою рухлядью. Феодоръ строго предписалъ сибирскимъ воеводамъ, чтобы они никакъ не выпускали оттуда въ Бухарію ни дорогихъ соболей, ни лисицъ черныхъ, ни кречетовъ, нужныхъ для охоты царской и для даровъ европейскимъ вѣнечносцамъ). «Лучшіе соболи идутъ изъ земли Обдорской, бѣлые медвѣди изъ Печерской, бобры изъ Колы; куньи изъ Сибири, Кадома, Мурома, Перми и Казани; бѣлки, горностаи изъ Галича, Углича, Новгорода и Перми.

2) Воскъ,—его продается ежегодно отъ десяти до пятидесяти тысячъ пудъ.

3) Медь,—употребляется на любимое питье россиянь, но идетъ и въ чужія земли, болѣе изъ областей Мордовской и Черемисской, Сѣверской, Рязанской, Муромской, Казанской, Дорогобужской и Вяземской.

4) Сало,—его вывозится отъ тридцати до ста тысячъ пудъ, болѣе изъ Смоленска, Ярославля, Углича, Новгорода, Вологды, Твери, Городца; но и вся Россія, богатая лугами для окотоводства, изобилуетъ саломъ, коего мало расходуется внутри государства на свѣчи, ибо люди зажиточные употребляютъ восковыя, а народъ лучину.

5) Кожы лоси, оленьи и другія, — ихъ отпускаютъ за границу до десяти тысячи. Самые большіе лоси живутъ въ лѣсахъ, близъ Ростова, Вытегды, Новгорода, Мурома и Перми; казанскіе не такъ велики.

6) Тюлений жиръ,—сихъ морскихъ животныхъ ловятъ близъ Архангельска, въ заливѣ св. Николая.

7) Рыбу,—лучшею считается такъ называемая бѣлая. Города, славнѣйшіе рыбною ловлею, суть Ярославль, Бѣлоозеро, Новгородъ Нижній, Астрахань, Казань, чѣмъ они приносятъ царю знатный доходъ.

8) Икру, бѣлужью, осетровую, севрюжью и стерляжью, — продается купцамъ нидерландскимъ, французскимъ, отчасти и англійскимъ; идетъ въ Италію и въ Испанію.

9) Множество птицъ,—кречеты продаются весьма дорогою цѣною.

10) Ленъ и пеньку,—ихъ менѣе отпускается въ Европу съ того времени, какъ Россія лишилась

Нарвы. Льномъ изобилуетъ Псковъ, пенькою Смоленскъ, Дорогобужъ и Вязьма.

11) Соль,—лучшія варницы въ Старой Русѣ; есть и въ Перми, Вычегдѣ, Тотъмѣ, Кинешмѣ, Соловкахъ, Астраханскія озера производятъ самосадку: купцы платятъ за нее въ казну по три деньги съ пуда.

12) Деготь,—его вывозятъ въ большомъ количествѣ изъ Смоленской и Двинской области.

13) Такъ называемые рыбы зубы или клыки моржовые,—изъ нихъ дѣлаютъ четки, рукоятки и проч.; составляютъ также лекарственный порошокъ, будто бы уничтожающій дѣйствіе яда. Идутъ въ Азію, Персію, Бухарію.

14) Слуду, употребляемую вмѣсто стекла,—ея много въ землѣ Корельской и на Двинѣ.

15) Селитру и сѣру,—первую варятъ въ Угличѣ, Ярославлѣ, Устюгѣ, вторую находятъ близъ Волги (въ озерахъ Самарскихъ), но не умѣютъ очищать ее.

16) Желѣзо, весьма ломкое,—его добываютъ въ землѣ Корельской, Каргополѣ и въ Устюгѣ Желѣзномъ (Устюжнѣ).

17) Такъ называемый новгородскій жемчугъ, который водится въ рѣкахъ близъ Новгорода и въ Двинской землѣ».

За сіи-то многія естественныя богатства Россіи Европа и Азія платили ей отчасти своими издѣліями, отчасти и свойственными ихъ климатамъ дарами природы. Обозначимъ здѣсь цѣну нѣкоторыхъ вещей, привозимыхъ тогда въ Архангельскъ на корабляхъ лондонскихъ, голландскихъ и французскихъ: лучший изумрудъ или яхонтъ стоилъ 60 рублей (нынѣшнихъ серебряныхъ 300);

золотникъ жемчугу, не самаго мелкаго, 2 р. и болѣе; золота и серебра пряденаго 5 р. литра; аршинъ бархату, камки, атласу, около рубля; англійскаго тонкаго сукна поставъ 30 р., средняго 12 р., аршинъ 20 алтынъ; кусокъ миткалю 2 р.; бочка вина французскаго 4 р., лимоновъ 3 р., сельдей 2 р.; пудъ сахару отъ 4 до 6 р., леденцу 10 р., гвоздики и корицы 20 р., пшена срацинскаго 4 гривны, масла деревяннаго 1½ р., пороху 3 р., ладону 3 р., ртути 7 р., свинцу 2 р., мѣди въ дѣлѣ 2½ р., желѣза прутаго 4 гривны, бумаги хлопчатой 2 р., саидалу берковецъ 8 р., стопа писчей бумаги 4 гривны. Сверхъ того иноземцы доставляли намъ множество своей серебряной монеты, цѣня ефимокъ въ 12 алтынъ; на одномъ кораблѣ привозилось иногда до 80,000 ефимковъ, съ коихъ платили пошлину, какъ съ товаровъ. Сія пошлина была весьма значительна: напримѣръ, погаи, торгую лошадьми, изъ выручаемыхъ ими денегъ платили въ казну пять со ста, и еще отдавали царю на выборъ десятую долю табуновъ своихъ; лучший конь ногайскій стоилъ не менѣе двадцати рублей.

Довольные выгодною мѣною съ европейскими народами въ своихъ сѣверныхъ пристаняхъ, купцы наши не мыслили ѣздить моремъ въ инныя земли; но любопытно знать, что мы въ сіе время уже имѣли корабли собственные: Борисовъ посланникъ въ 1599 году воз-
Корабли рос-
сійскіе.
 вратился изъ Германіи на двухъ большихъ морскихъ судахъ, купленныхъ и снаряженныхъ имъ въ Любекѣ, съ кормщикомъ и матросами нѣмецкими, тамъ нанятыми.

Нѣкогда столь знаменитая, столь полезная для Россіи торговля ганзейская, уже безсильная въ со- вмѣстничествѣ съ англійскою и съ голландскою, еще искала древнихъ слѣдовъ своихъ между развалинами Новгорода. Царь въ 1596 году дозво- лилъ Любеку снова завести тамъ гостинный дворъ съ лавками; но шведы мѣшали ея важному ус- пѣху, имѣя Нарву, о коей не преставали жалѣть Новгородъ, Псковъ и вся Россія.

«Видя въ торговлѣ средство обогащенія для казны (говоритъ Флетчеръ), и мало заботясь о благосостояніи своего купечества, цари вообще не доброхотствуютъ и народному образованію; не любятъ новостей, не пускаютъ къ себѣ инозем- цевъ, кромѣ людей нужныхъ для ихъ службы, и не дозволяютъ подданнымъ выѣзжать изъ отече- ства, боясь просвѣщенія, къ кое- му россияне весьма способны, имѣя много ума природнаго, замѣтнаго и въ самыхъ дѣтяхъ. Одни послы или бѣглецы російскіе яв- ляются изрѣдка въ Европѣ». Сказаніе отчасти ложное: мы не странствовали, ибо не имѣли обы- чая странствовать, еще не имѣя любопытства, свойственнаго уму образованному; купцамъ не запрещалось торговать внѣ отечества, и само- властный Іоаннъ посылалъ молодыхъ людей учить- ся въ Европѣ. Иноземцевъ же дѣйствительно пу- скали къ намъ съ разборомъ, и благоразумно. Въ 1591 году посоль Рудольфовъ, Николай Вар- кочъ, писалъ къ Борису, что какой-то итальян- скій графъ Шкотъ, призванный въ Москву Іоанномъ, желаетъ служить Θεодору; что сей графъ, достойно уважаемый императоромъ и мно-

гими вѣнценосцами, знаетъ всѣ языки подъ солнцемъ и всѣ пауки, такъ, что ни въ Италиі, ни въ Германіи нельзя пайти ему подобнаго. Борисъ отвѣтствовалъ: «Хвалю намѣреніе графа, мужа столь благороднаго и столь ученаго. Великій государь нашъ, жалуя всѣхъ иноземцевъ, которые къ намъ пріѣзжаютъ, безъ сомнѣнія отличить его; но я еще не успѣлъ доложить о томъ государю». Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи знали и не хотѣли Шкота, какъ лазутчика опаснаго или ненадежнаго человѣка, ибо людей ученыхъ мы не отвергали, но звали къ себѣ, на примѣръ, славнаго математика, астролога, алхимика, Джона Ди, коего Елисавета Англійская называла своимъ философомъ, и который находился тогда въ Богеміи. Теодоръ, чрезъ лондонскихъ купцовъ, предлагалъ ему 2000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно, а Борисъ особенно тысячу рублей, столь царскій и всю услугу, для того, какъ думали, чтобы пользоваться его совѣтами для открытія новыхъ земель на сѣверо-востокѣ, за Сибирью; но, вѣроятно же, не для того ли, чтобы поручить ему воспитаніе юнаго Борисова сына, отцевскою тайною мыслию уже готовимаго къ державству? Слава алхимика и звѣздочета въ глазахъ невѣжества еще возвышала знаменитость математика. Но Ди, страстный въ воображеніи только къ искусственному золоту философскаго камня, въ гордой бѣдности отвергнулъ предложеніе царя, изъявивъ благодарность, и какъ бы угадавъ, по вычетамъ своей любимой астрологій, грядущую судьбу Россіи и дома Борисова! — Всего ревностнѣе мы искали тогда въ Европѣ металлургистовъ, для на-

шихъ печерскихъ рудниковъ, открытыхъ еще въ 1491 году, но едва ли уже не бесполезныхъ, за неимѣніемъ людей искусныхъ въ горномъ дѣлѣ. Посылая къ императору (въ 1597 году) дворянина Вельяминова, царь приказывалъ ему вызвать къ намъ изъ Италіи, чего бы то ни стоило, мастеровъ умѣющихъ находить и плавить руду золотую и серебряную. Кромѣ четырехъ или пяти тысячъ иностранцевъ-воиновъ, нанимаемыхъ Теодоромъ, Московская Яузская слобода населялась болѣе и болѣе нѣмцами, которые въ Иоанново время обогащались продажею водки и меда, спѣсивились и роскошествовали до соблазна: жепы ихъ стыдились носить не бархатное или не атласное платье. Они въ Борисово царствованіе снова имѣли церковь, и хотя жили особенно, но свободно и дружелюбно сносились съ россиянами.— Постоянно слѣдуя правиламъ Иоанна III, золотомъ и честію маня къ себѣ художества, искусства, науки европейскія; размножая церковныя училища и число людей грамотныхъ, приказныхъ, коимъ самое дворянство завидовало въ ихъ важности государственной, цари, безъ сомнѣнія, не боялись просвѣщенія, но желали, какъ могли или умѣли, ему способствовать; и если не знаемъ ихъ мысли, то видимъ дѣла ихъ, благопріятныя для гражданскаго образованія Россіи. Означимъ нѣкоторые новые плоды онаго.

Измѣреніе и перепись земель, отъ 1587 до 1594 года, въ Двинской области, на обѣихъ сторонахъ Волги—вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ—служили, можетъ быть, поводомъ къ сочиненію

первой Россійской геометріи, коей списки, намъ извѣстны, недревнѣе XVII вѣка, «книги глубоко мудрой, по выраженію автора, дающей легкой способъ измѣрять мѣста самыя недоступныя, плоскости, высоты и дебри, радикасомъ и циркуломъ». Въ ней изъясняется сошное и вытное письмо, то есть раздѣленіе всѣхъ населенныхъ земель въ Россіи, для платежа государственныхъ податей, на сохи и выти (въ сохѣ считалось 800 четвертей доброй земли, а въ выти 12; въ четверти 1200 квадратныхъ сажень, а въ десятинѣ 2400). Къ сему времени относимъ и первую Россійскую ариметику, писанную не весьма ясно. Въ предисловіи сказано, что безъ сей численной философіи, изобрѣтенія финикійскаго, единой изъ семи свободныхъ мудростей, нельзя быть ни философомъ, ни докторомъ, ни гостемъ искуснымъ въ дѣлахъ торговыхъ, и что ея знаніемъ можно спискать великую милость государеву. Въ концѣ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о церковномъ кругѣ, о составѣ человѣческомъ, о фізіогномикѣ. Въ обѣихъ книгахъ, въ геометріи и въ ариметикѣ, употребляются въ счисленіи славянскія буквы и цифирь. Тогда же въ посольскихъ бумагахъ начали мы употреблять тайныя цифры: гонецъ Андрей Ивановъ въ 1590 году писалъ изъ Литвы къ царю вязью, литореею и новою азбукою, взятою у посла австрійскаго, Николая Варкоча. Такъ называемая Книга большого чертежа, или древнѣйшая географія Государства Россійскаго, состав-

Геометрія и
Ариметика.

Тайныя
цифры.

лена, какъ вѣроятно, въ царствованіе Θεодора, ибо въ ней находимъ имена Курска, Воронежя, Оскола, построенныхъ въ его время, не находя новѣйшихъ, основанныхъ Годуновымъ: Борисова на Донцѣ Сѣверскомъ и Царево-Борисова на устьѣ Протвы. Сія книга была переписана въ Разрядѣ около 1627 года, и рѣшитель для насъ многіе важныя географическіе вопросы, указывая, на примѣръ, гдѣ была Земля Югорская, Обдорія, Батыева столица, улусы ногайскіе.

Поле словесности не представляетъ намъ богатой жатвы отъ временъ Іоанна до Годунова; по языкъ украсился какою-то новою плавностію. Истинное, чувствомъ одушевленное краснорѣчіе видно только въ письмахъ Курбскаго къ Іоанну. Причислимъ ли къ писателямъ и самого Іоанна, какъ творца плодovitыхъ, велерѣчивыхъ посланій, богословскихъ, укорительныхъ и насмѣшливыхъ? Въ слогъ его есть живость, въ діалектикѣ сила. Лучшими твореніями сего вѣка, въ смыслѣ правильности и ясности, должно назвать Степенную Книгу, Минею Макаріеву и Стоглавъ. Вѣроятно, что митрополитъ Діонисій заслужилъ имя грамматика какими нибудь уважаемыми сочиненіями, но ихъ не знаемъ. Патріархъ Іовъ описалъ житіе, добродѣтели и кончину Θεодора слогомъ цвѣтистымъ, и не безъ жара; на примѣръ, такъ говоритъ о своемъ герое: «Онъ древнимъ царямъ благочестивымъ равнославленъ, нынѣшнимъ красота и свѣтлость, будущимъ сладчайшая повѣсть; не пригвождаясь къ суетному велелѣпію міра, умащаль

свою царскую душу глаголами Божественными, и рѣкою нескудною изливаль милости па вселенную; съ нѣжною супругою преспѣваль въ добродѣтели и въ вѣрѣ къ Богу... имѣлъ единое земное сокровище, единую блаженную лѣторасль корени державнаго, и лишился возлюбленной дщери, чтобы въ сердцѣ, хотя и сокрушенномъ, но съ умиленіемъ христіанскимъ предаться въ волю Отца небеснаго, когда синклить и весь народъ предавались отчаянію... О вѣсть страшная, вѣсть ужасная: любимый царь земли Русскія отходитъ къ Богу!.. но не смертію, а сладкимъ успѣніемъ; душа излетаетъ, а тѣло спокойно и недвижимо: не видимъ ни трепета, ни содроганія... Се время рыданія, не глаголовъ; время молитвы, не бесѣды... На насъ исполнилося вѣщаніе пророка: кто дасть источникъ слезъ очамъ моимъ, да плачу довольно?.. Скорби пучина, сѣтованія бездна!.. Отселѣ красный, многолѣтній престоль великія Россіи начинаетъ вдовствовать, и великій многолюдный градъ Москва приѣмлетъ сиротство жалостное.» Обязанный Борису своимъ первосвятительствомъ и чистосердечно ему преданный, онъ говоритъ объ немъ въ семь твореніи: «Въ счастливые дни Феодора Иоанновича строилъ подъ нимъ державу великій шуринь и слуга его, мужъ верховный, единственный въ Россіи не только сапомъ, но и разумомъ высокимъ, храбростию, вѣрою къ Богу. Его промысломъ цвѣла сія держава въ тишипѣ велелѣпной, къ изумленію людей и самого царя, ко славѣ правителя не только въ нашемъ отечествѣ, но и

въ дальнихъ предѣлахъ вселенныя, откуда знаменитые послы являлись здѣсь съ дарами многочисѣнными, рабски благоговѣть предъ царемъ и дивиться свѣтлой красотѣ лица, мудрости, добродѣтели правителя, среди народа, имъ счастливаго, — среди столицы имъ украшенной». — Іовъ писалъ еще утѣшительное посланіе къ Θεодоровой супругѣ, когда она тосковала о милой усопшей дочери; заклиналъ Ирину быть не только матерію, но и царицею, и христіанкою; осуждалъ ея слабость съ ревностию пастыря, но и жалѣлъ о горестной съ чувствительностию друга, оживляя въ ней надежду дать наслѣдника престолу, — сочиненіе достопамятное болѣе своимъ трогательнымъ предметомъ, нежели мыслями и краснорѣчіемъ. Патріархъ, напоминая Ирину ученіе Евангельское о довѣренности къ Вышней Благости, прибавляетъ: «Кто лучше тебя знаетъ божественное писаніе? Ты можешь наставлять иныхъ, храня всю мудрость опаго въ сердцѣ и въ памяти». Воспитанная при дворѣ Іоанновомъ, Ирина имѣла просвѣщеніе своего времени: читала св. писаніе и знаменитѣйшихъ отцовъ нашей церкви. Россіяне уже пользовались печатною Библіею Острожскаго изданія, но святыхъ отцовъ читали только въ рукописи. Между славянскими или русскими переводами древнихъ авторовъ, тогда извѣстными и сохраненными въ нашихъ библіотекахъ, напомнимъ Галеново разсужденіе о стихіяхъ большого и малаго міра, о тѣлѣ и душѣ, переведенное съ языка латинскаго, коимъ, вопреки сказанію одного иноземца-современника, не гнушались россияне: еще скудные средствами науки, они пользовались

всякимъ случаемъ удовлетворять своему любопытству; часто искали смысла, гдѣ его не было отъ неразумія писцовъ или толковниковъ, и съ удивительнымъ терпѣніемъ списывали книги, исполненныя ошибокъ. Сей темный переводъ Галена находился въ числѣ рукописей св. Кирилла бѣлозерскаго, слѣдственно уже существовалъ въ XV вѣкѣ. Упомянемъ здѣсь также о рукописномъ лечебникѣ, въ 1588 году предложенномъ съ языка польскаго для серпуховскаго воеводы, Ѣомы Аванасѣева Бутурлина. Сей памятникъ тогдашней науки и тогдашняго невѣжества любопытенъ въ отношеніи къ языку смѣлымъ переводомъ многихъ именъ и словъ ученыхъ.

Можетъ быть, относятся ко временамъ Ѣеодоровымъ или Годунова и старыя пѣсни русскія, въ коихъ упоминается о завоеваніи Казани и Сибири, о грозахъ Іоанновыхъ, о добродѣтельномъ Никитѣ Романовичѣ (братѣ царицы Анастасіи), о злодѣѣ Малютѣ Скуратовѣ, о впаденіяхъ ханскихъ въ Россію. Очевидцы рассказываютъ, дѣти и внуки ихъ воспѣваютъ происшествія. Память обманываетъ, воображеніе плодитъ, новый вкусъ исправляетъ, но духъ остается, съ нѣкоторыми сильными чертами вѣка — и не только въ нашихъ историческихъ, богатырскихъ, охотничьихъ, но и во многихъ нѣжныхъ пѣсняхъ замѣтна первобытная печать старины: видимъ въ нихъ какъ бы снимокъ подлинника уже неизвѣстнаго; слышимъ какъ бы отзывъ голоса давно умолкшаго; находимъ свѣжесть чувства, теряемую человекомъ съ лѣтами, а народомъ съ вѣками. Всѣмъ извѣстна пѣсня о царѣ Іоаннѣ:

Зачиналась каменная Москва,
 Начинался въ ней и Грозный царь:
 Онъ Казань городъ на славу взялъ,
 Мимоходомъ городъ Астрахань.

О сынѣ Іоанновомъ, осужденномъ на казнь:

Упадетъ звѣзда поднебесная,
 Угасаетъ свѣча воску яраго:
 Не станѣвится у насъ царевича.

Другая о витязѣ, который умираетъ въ дикой
 степи, на коврѣ, подлѣ огня угасающаго:

Припекаетъ свои раны кровавыя:
 Въ головахъ стоитъ животворящій крестъ,
 По праву руку лежитъ сабля острая,
 По лѣву руку его крѣпкой лукъ,
 А въ ногахъ стоитъ его добрый конь;
 Онъ кончаяся говоритъ коню:
 Какъ умру я, мой добрый конь,
 Ты зарой мое тѣло бѣлое
 Среди поля, среди чистаго;
 Побѣги потомъ во святую Русь:
 Поклонись моимъ отцу и матери,
 Благословенье свежи малымъ дѣтушкамъ;
 Да скажи моей молодой вдовѣ,
 Что женился я на другой женѣ:
 Я въ приданое взялъ поле чистое;
 Была свахою калена стрѣла,
 Положила спать сабля острая.
 Всѣ друзья-братья меня оставили,
 Всѣ товарищи разъѣхались:
 Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
 Ты служилъ мнѣ вѣрно до смерти.

О воинѣ убитомъ, коему постелею служить камышь, изголовьемъ кустъ ракиновый, одѣяломъ темная ночь осенняя, и коего тѣло орошается слезами матери, сестры и молодой жены:

Ахъ! мать плачетъ, что рѣка льется;
Сестра плачетъ, какъ ручьи текутъ;
Жена плачетъ, какъ роса падеть:
Взойдетъ солнце, росу высушить.

Сіи и многія иныя стихотворенія народныя, ознаменованныя истинною чувства и смѣлостію языка, если отчасти не слогомъ, то духомъ своимъ ближе къ XVI, нежели къ XVIII вѣку. Сколько пѣсенъ, уже забытыхъ въ столицѣ, болѣе и менѣе древнихъ, еще слышимъ въ селахъ и въ городахъ, гдѣ народъ памятливѣе для любезныхъ преданій старины! Мы знаемъ, что въ Іоанново время толпы скомороховъ (русскихъ трубадуровъ) ходили изъ села въ село, веселя жителей своимъ искусствомъ: слѣдственно тогдашній вкусъ народа благопріятствовалъ дарованію пѣсенниковъ, коихъ любилъ даже и постникъ Теодоръ.

Сей царь любилъ и художества: въ его время были у насъ искусные ювелиры (изъ коихъ знаемъ одного венеціанскаго, Художества, ремесла. именованнаго Франциска Асцентини), золотари, швеи, живописцы. Шапка, данная Теодоромъ патриарху Іереміи, украшенная камнями драгоценными и ликами святыхъ, въ описаніи Арсеніева путешествія названа превосходнымъ дѣломъ московскихъ художниковъ. Сей греческій епископъ видѣлъ на стѣнахъ Ирминіи палаты изящную мусію въ изображеніяхъ Спасителя, Бо-

гоматери, ангеловъ, іерарховъ, мучениковъ, а на сводѣ прекрасно сдѣланнаго льва, который держалъ въ зубахъ змѣю съ висящими на ней богатыми подсвѣчниками. Арсеній съ изумленіемъ видѣлъ также множество огромныхъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ во дворцѣ; одни имѣли образъ звѣрей: единорога, львовъ, медвѣдей, оленей; другіе образъ птицъ: пеликановъ, лебедей, фазановъ, павлиновъ, и были столь необыкновенной тяжести, что 12 человекъ едва могли переносить ихъ съ мѣста на мѣсто. Сія чудные сосуды дѣлались, вѣроятно, въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, и самыя тяжелыя, вылитыя изъ серебра ливонскаго, добычи Іоаннова оружія. Искусство золотошвеевъ, заимствованное нами отъ грековъ, издревле цвѣло въ Россіи, гдѣ знатные и богатые люди носили всегда шитую одежду. Θεодоръ желалъ завести и шелковую фабрику въ Москвѣ: Марко Чинопи, вызванный имъ изъ Італіи, ткалъ бархаты и парчи, въ домѣ, отведенномъ ему близъ Успенскаго собора. Размпоженіе церковей умножало число иконописцевъ: долго писавъ только образа, мы начали писать и картины, именно въ Θεодорово царствованіе, когда двѣ палаты—Большая Грановитая (памятникъ Іоанна III) и Золотая Грановитая (сооруженная внукомъ его) украсились живописью. Въ первой изображались Господь Саваоѣ, твореніе ангеловъ и человека, вся исторія Ветхаго и Новаго завѣта, мнимое раздѣленіе вселенной между тремя мнимыми братьями Августа Кесаря и дѣйствительное раздѣленіе нашего древняго отечества между сыновьями св. Владиміра (представленными въ митрахъ, въ одеж-

дахъ камчатныхъ, съ оплечьями и съ поясами златыми) — Ярославъ Великій, Всеволодъ I, Мономахъ въ царской утвари, Георгій Долгорукій, Александръ Невскій, Даніилъ Московскій, Калита, Донской и преемники его до самаго Теодора (который, сидя на тронѣ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ съ нарамennemомъ, въ жемчужномъ ожерельѣ, съ златою цѣпью на груди, держалъ въ рукахъ скипетръ и яблоко царское; у трона стоялъ правитель, Борисъ Годуновъ, въ шапкѣ мурманкѣ, въ верхней златой одеждѣ на опашку). Въ палатѣ Золотой на сводѣ и стѣнахъ, также представлялись священная и російская исторія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми аллегорическими лицами добродѣтелей и пороковъ, время года и феномены природы (весна изображалась отроковицею, лѣто юношею, осень мужемъ съ сосудовъ въ рукѣ, зима старцемъ съ обнаженными локтями; четыре ангела съ трубами знаменовали четыре вѣтра). Въ нѣкоторыхъ картипахъ, на свиткахъ, слова были писаны вязью, или невразумительными чертами, вмѣсто обыкновенныхъ буквъ. Золотая палата уже не существуетъ (на ея мѣстѣ дворецъ Елисаветинъ); а на стѣнахъ Грановитой давно изглажены всѣ картины, извѣстныя намъ единственно по описанію очевидцевъ. Упомянемъ также объ искусствѣ литейномъ. Въ Теодорово время имѣли мы славнаго мастера, Андрея Чохова, коего пня видимъ на древнѣйшихъ пушкахъ кремлевскихъ: на Дробовикѣ (вѣсомъ въ 2.400 пуд.), Троплѣ и Аспидѣ; первая вылита въ 1586, а вторая и третья, называемыя пицалями, въ 1590 году.

Успѣхи гражданскаго образованія были замѣтны и въ наружномъ видѣ столицы.

Москва. Москва сдѣлалась пріятнѣе для глазъ не только новыми каменными зданіями, но и расширеніемъ улицъ, вымощенныхъ деревомъ, и менѣе прежняго грязныхъ. Число красивыхъ домовъ умножилось: ихъ строили обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ два или въ три жилья, съ большими крыльцами, съ дощатыми свислыми кровлями, а на дворахъ лѣтнія спальни и каменные кладовыя. Высота дома и пространство двора означали знатность хозяина. Бѣдные мѣщане жили еще въ черныхъ избахъ; у людей избыточныхъ въ лучшихъ комнатахъ были изразчатыя печи. Для предупрежденія гибельныхъ пожаровъ, чиновники воинскіе лѣтомъ ежедневно объѣзжали городъ, чтобы вездѣ, по изготовленіи кушанья, гасить огонь. Москва — то есть, Кремль, Китай, Царевъ или Бѣлый городъ, новый деревянный, Замоскворѣчье и Дворцовыя слободы за Яузюю — имѣла тогда въ окружности болѣе двадцати верстъ. Въ Кремлѣ считалось 35 каменныхъ церквей, а всѣхъ въ столицѣ болѣе четырехъ сотъ, кромѣ придѣловъ; колоколовъ же не менѣе пяти тысячъ — «въ часы праздничнаго звона» (ишутъ иноземцы) «люди не могли въ разговорѣ слышать другъ друга». Главный колоколь, вѣсомъ въ 1,000 пудъ, висѣлъ на деревянной колокольнѣ среди Кремлевской площади; въ него звонили, когда царь ѣхалъ въ дальній путь или возвращался въ столицу, или принималъ знаменитыхъ иноземцевъ. Китай-городъ, обведенный кирпичною, пещеною стѣною и соединяемый съ Замоскворѣчемъ мостами, деревянными, или жи-

вымъ, и каменнымъ, всего болѣе украшался великолѣпною готическою церковію Василя Блаженнаго и Гостиннымъ дворомъ, раздѣленнымъ на 20 особенныхъ рядовъ: въ одномъ продавались шелковыя ткани, въ другомъ сукна, въ третьемъ серебро, и проч. На Красной площади лежали двѣ огромныя пушки. Въ сей части города находились дома многихъ бояръ, знатныхъ сановниковъ, дворянъ, именитыхъ купцовъ, и богатый Арсеналь или Пушечный дворъ; въ Бѣломъ городѣ (названномъ такъ отъ выбѣлѣнныхъ стѣнъ) Литейный дворъ (на берегу Неглинной), Посольскій, Литовскій, Арменскій, площади Конская и Сѣнная, Мясной рядъ, дома дѣтей боярскихъ, людей приказныхъ и купцовъ; а въ деревянномъ городѣ или Скородомѣ (то есть, наскоро выстроенномъ въ 1591 году) жили мѣщане и ремесленники. Вокругъ зданій зеленѣлись рощи, сады, огороды, луга; у самаго дворца косили сѣно, и три сада государевы занимали не малое пространство въ Кремлѣ. Мельницы — одна на устьѣ Неглинной, другія на Яузѣ — представляли картину сельскую. Нѣмецкая слобода не принадлежала къ городу, ни Красное Село, гдѣ обитали семьсотъ ремесленниковъ и торгашей, для коихъ готовила судьба, къ несчастію Борисова семейства, столь важное дѣйствіе въ нашей исторіи!

Въ Иоанново и Теодорово царствованіе древніе обычаи народныя, вѣроятно, мало измѣнились; но въ современныхъ извѣстіяхъ находимъ нѣкоторыя новыя подробности относительно къ сему любопытному для насъ предмету.

Обычаи и
правы.

Годуновъ, столь хитрый, столь властолюбивый, не могъ или не хотѣлъ искоренить мѣстничества бояръ и сановниковъ, которое доходило до крайности непонятной, такъ что ни одно назначеніе воеводъ, ни одно распредѣленіе чиновниковъ для придворной службы въ дни торжественныя не обходилось безъ распри и суда. Скажемъ примѣръ: Москва (въ 1591 году) уже слышала топотъ ханскихъ коней, а воеводы еще спорили о старѣйшинствѣ и не шли къ мѣстамъ своимъ. Изъ любви къ мнимой чести, не боялись безчестія истиннаго, ибо жалобщиковъ неправыхъ наказывали даже тѣлесно, иногда и безъ суда: князя Гвоздева (въ 1589 году) за мѣстничество съ князьями Одоевскими высѣкли батогами и выдали имъ головою, то есть, велѣли ему уничиженно молить ихъ о прощеніи. Князя Борятинскаго за споръ съ Шереметевымъ посадили на три дня въ темницу: онъ не смирился, вышелъ изъ темницы и не поѣхалъ на службу. Чѣмъ изъясняется сія странность? Отчасти гордостію, которая естественна человѣку, и во всякихъ гражданскихъ обстоятельствахъ ищетъ себѣ предмета; отчасти самую политикою царей, ибо мѣстничествомъ жило честолюбіе нужное и въ монархіи неограниченной для ревностной службы отечеству. Нѣтъ обыкновенія, нѣтъ предразсудка совершенно безсмысленнаго въ своемъ началѣ, хотя вредъ и превосходитъ иногда пользу въ дѣйствиіи сихъ вѣковыхъ обычаевъ. Годуновъ же могъ имѣть и цѣль особенную, слѣдуя извѣстному злему правилу: раздоромъ властвуй! Сіи всегдашнія мѣстничества питали взаимную пена-

висть между знатнѣйшими родами, Мстиславскими и Шуйскими, Глинскими и Трубецкими, Шереметевыми и Сабуровыми, Куракиными и Шестуновыми. Они враждовали, Борисъ господствовал!

Но споры о мѣстахъ не нарушали благочинія въ собраніяхъ двора: все утихало, когда царь являлся въ величїи разительномъ для пословъ иноземныхъ. «Закрывъ глаза, пишутъ очевидцы, всякій сказалъ бы, что дворецъ пустъ. Сїи многочисленные, золотомъ облитые сановники и безмолвны и недвижимы, сидя на лавкахъ въ нѣсколько рядовъ, отъ дверей до трона, гдѣ стоятъ рынды въ одеждѣ бѣлой, бархатной или атласной, опушенной горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя золотыми цѣпями (крестообразно висящими на груди), съ драгоценными сѣкирами, поднятыми на плечо, какъ бы для удара... Во время торжественныхъ царскихъ обѣдовъ служатъ 200 или 300 жильцовъ, въ парчевой одеждѣ, съ золотыми цѣпями на груди, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Когда государь сядетъ» (на возвышенномъ мѣстѣ, съ тремя ступенями, одинъ за трапезою золотою), «чиновники-служители низко кланяются ему, и по два въ рядъ идутъ за кушальемъ. Между тѣмъ подаютъ водку: на столахъ нѣтъ ничего, кромѣ хлѣба, соли, уксусу, перцу, ножей и ложекъ; нѣтъ ни тарелокъ, ни салфетокъ. Приносятъ вдругъ блюдъ сто и болѣе: каждое, отвѣданное поваромъ при стольникѣ, вторично отвѣдывается крайчимъ въ глазахъ царя, который самъ посылаетъ гостямъ ломти хлѣба, яства, вина, медъ, и собственною рукою, въ концѣ обѣда, раздаетъ имъ сушенныя венгерскія сливы;

Дворъ.

всякаго гостя отпускають домой еще съ цѣлымъ блюдомъ мяса или пироговъ. Иногда послы чужеземные обѣдаютъ и дома съ роскошнаго стола царскаго: знатный чиновникъ ѣдетъ извѣстить ихъ о сей чести и съ ними обѣдать; 15 или 20 слугъ идутъ вокругъ его лошади; стрѣльцы, богато одѣтые, несутъ скатерть, солонки и проч.; другіе (человѣкъ 200) хлѣбъ, медъ и множество блюдъ, серебряныхъ или золотыхъ, съ разными яствами». Чтобы дать понятіе о роскоши и лакомствѣ сего времени, выписываемъ слѣдующее извѣстіе изъ бумагъ Теодорова царствованія: въ 1597 году отпускали къ столу австрійскаго посла

Вина инозем-
ныя и яства
русскія.

изъ дворца Сытнаго семь кубковъ романи, столько же рейнскаго, мушкетеля, французскаго бѣлаго, бастру (или канарскаго вина), аликанту и мальвазіи; 12 ковшей меду вишневаго и другихъ лучшихъ; 5 ведеръ смородиноваго, можжевеловаго, черемуховаго и проч.; 60 ведеръ малиноваго, боярскаго, княжаго; изъ Кормоваго дворца 8 блюдъ лебедей, 8 блюдъ журавлей съ прянымъ зельемъ, нѣсколько пѣтуховъ разсолныхъ съ пбиремъ, куриць безкостныхъ, тетеревей съ шафраномъ, рябчиковъ съ сливами, утокъ съ огурцами, гусей съ пшеномъ срацинскимъ, зайцевъ въ лапшѣ и въ рѣпѣ, мозги лоси (и проч.), уха шафранная (бѣлая и черная), калы лимонныя и съ огурцами; изъ дворца Хлѣбепнаго калачи, пироги съ мясомъ, съ сыромъ и сахаромъ, блины, оладьи, кисель, сливки, орѣхи и проч. Цари хотѣли удивлять чужеземцевъ изобиліемъ, и дѣйствительно удивляли.

Древняя славянская роскошь гостеприимства, известная у нас под коренным русским именем хлѣбосольтва, оказывалась и въ домахъ частныхъ: для гостей не было скупыхъ хозяевъ. За то самый обидный упрекъ въ неблагодарности выражался словами: «ты забылъ мою хлѣбъ-соль». Сіе изобиліе трапезъ, долгій сонъ полдневный и малое движеніе знатныхъ или богатыхъ людей производили ихъ обыкновенную тучность, вмѣняемую въ достоинство: быть дороднымъ человѣкомъ значило имѣть право на уваженіе. Но тучность не мѣшала имъ жить дольше до восьмидесяти, ста и ста двадцати. Только дворъ и вельможи совѣтовались съ иноземными врачами. Феодоръ имѣлъ двухъ: Марка Ридлея, въ 1594 году присланнаго английскою королевою, и Павла, миланскаго гражданина. Первый жилъ въ Москвѣ пять лѣтъ и возвратился въ Лондонъ; о второмъ въ 1595 году писалъ Генрихъ IV въ Феодору, ласково прося, чтобы царь отпустилъ его на старости въ Парижъ къ родственникамъ и друзьямъ. Сіе дружеское письмо знаменитѣйшаго изъ мопарховъ Франціи осталось для насъ единственнымъ памятникомъ ея сношеній съ Россіею въ концѣ XVI вѣка. На мѣсто Ридлея Елисавета прислала къ Борису доктора Виллиса, коего испытывалъ въ знаніяхъ государственный дьякъ Василій Щелкаловъ, спрашивая, есть ли у него книги и лекарства? какимъ правиламъ слѣдуетъ, и на пульсѣ ли основываетъ свои сужденія о болѣзняхъ или на состояніи жидкостей въ тѣлѣ? Виллисъ ска-

Хлѣбосольтво.

Долгая жизнь.

Медики.

залъ, что онъ бросилъ все книги въ Любекѣ, и ѣхалъ къ намъ подъ именемъ купца, зная, какъ въ Германіи и въ другихъ земляхъ не благопріятствуютъ медикамъ, ѣдущимъ въ Россію; что лучшая книга у него въ головѣ, а лекарства изготовляются аптекарями, не докторами; что и пульсъ, и состояніе жидкостей въ болѣзни равно важны для наблюдателя искуснаго. Сии отвѣты казались не весьма удовлетворительными Щелкалову, и Виллиса не старались удержать въ Москвѣ. Борисъ въ 1600 году вызвалъ шесть лекарей изъ Германіи; каждому изъ нихъ онъ давалъ 200 рублей жалованья, сверхъ помѣстья, услуги, стола и лошадей; давалъ имъ патенты на санъ докторовъ: сію странную мысль внушилъ ему Елисаветинъ посланникъ Ли, убѣдивъ его назвать докторомъ лекаря Рейтлингера, который съ нимъ пріѣхалъ служить царю.

Мы имѣли тогда и разныхъ аптекарей: одинъ изъ нихъ, англичанинъ Френчгамъ, бывъ у насъ еще въ Іоанново время, при Годуновѣ возвратился изъ Лондона съ богатымъ запасомъ цѣлебныхъ растеній и минераловъ. Другой, Арендъ Клаузендъ, голландецъ, 40 лѣтъ жилъ въ Москвѣ. Но россияне, кромѣ знатныхъ, не вѣрили аптекамъ:

Лекарства. *простые люди обыкновенно лечились виномъ съ истертымъ въ пемъ порокомъ, лукомъ или чеснокомъ, а послѣ банею. Они не любили выхухоли въ лекарствахъ и никакихъ пилюль; особенно не терпѣли промывательнаго, такъ что самая крайность не могла побѣдить ихъ упрямства. Кто, бывъ отчаянно боленъ и соборованъ ма-

Разныя
обыкновенія.

сломя, выздоравливалъ, тотъ носилъ уже до смерти черную рясу, подобную монашеской. Женѣ его, какъ пишутъ, дозволялось, будто бы, выйти за другого мужа. Мертвыхъ предавали землѣ до сутокъ; богатыхъ оплакивало, и въ домѣ, и на могилѣ, множество нанимаемыхъ для того женщинъ, которыя вопили на распѣвъ: «тебѣ ли было оставлять бѣлый свѣтъ? не жаловалъ ли тебя царь государь? не имѣлъ ли ты богатства и чести, супруги милой и дѣтей любезныхъ?» и проч. Сорочины заключались пиромъ въ домѣ покойника, и вдова могла, безъ нарушенія пристойности, чрезъ шесть недѣль избрать себѣ новаго супруга. Флетчеръ увѣряетъ, что въ Москвѣ зимою не хоронили мертвыхъ, а вывозили отпѣтыя тѣла за городъ въ Божій (убогій) домъ, и тамъ оставляли до весны, когда земля разступалась и можно было безъ труда копать могилу. Убогій домъ.

«Россіяне (пишетъ Маржеретъ), сохраняя еще многіе старыя обычаи, уже начинаютъ измѣняться въ нѣкоторыхъ съ того времени, какъ видятъ у себя иноземцевъ. Лѣтъ за 20 или за 30 предъ симъ, въ случаѣ какого нибудь несогласія, они говорили другъ другу безъ всякихъ обиняковъ, слуга боярину, бояринъ царю, даже Іоанну Грозному: «ты думаешь ложно, говоришь неправду». Нынѣ менѣе грубы и знакомятся съ учтивостію; однакожь мыслить о чести не такъ, какъ мы: напримѣръ, не терпятъ поединковъ и ходятъ всегда безоружные, въ мирное время вооружаясь единственно для дальнихъ путешествій; а въ обидахъ вѣдаются судомъ. Тогда наказываютъ виновнаго батожьемъ, въ присутствіи обиженнаго и судьи,

или денежною пенею, именуемою безчестьемъ, соразмѣрно жалованью истца: кому дають изъ царской казны ежегодно 15 рублей, тому и безчестья 15 рублей, а женѣ его вдвое, ибо она считается оскорбленною вмѣстѣ съ мужемъ. За обиду важную сѣкутъ кнутомъ на площадяхъ, сажаютъ въ темницу, ссылають. Правосудіе ни въ чемъ не бываетъ такъ строго, какъ въ личныхъ оскорбленіяхъ и въ доказанной клеветѣ. Для самыхъ иноземцевъ поединокъ есть въ Россіи уголовное преступленіе».

Женщины, какъ у древнихъ грековъ или у восточныхъ народовъ, имѣли особенныя комнаты и не скрывались только отъ ближнихъ родственниковъ или друзей. Знатныя ѣздили зимою въ саняхъ, лѣтомъ въ колымагахъ, а за царицею (когда она выѣзжала на богомолье или гулять) верхомъ, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, обшитыхъ тафтою тѣлеснаго цвѣта, съ лентами, золотыми пуговищами и длинными, до плечъ висящими, кистями. Дома онѣ носили на головѣ шапочку тафтяную, обыкновенно красную, съ шелковымъ бѣлымъ новонникомъ или шлыкомъ; сверху для наряда большую парчевую шапку, упизанную жемчугомъ (а незамужнія, или еще бездѣтныя черную лисью); золотыя серги съ изумрудами и яхонтами, ожерелье жемчужное, длинную и широкую одежду изъ толстаго краснаго сукна, съ висящими рукавами, застегнутыми дюжиною золотыхъ пуговиць, и съ отложнымъ до половины спины воротникомъ собольимъ; подъ сею верхнею одеждою другую, шелковую, называемую лѣтникомъ

Верховая ѣзда
и нарядъ
женщинъ.

лять) верхомъ, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, обшитыхъ тафтою тѣлеснаго цвѣта, съ лентами, золотыми

съ рукавами надѣтыми и до локтя обшитыми парчею; подъ лѣтникомъ фреза, застегнутую до земли; на рукахъ запястье, пальца въ два шириною, изъ каменьемъ драгоценныхъ; сапожки сафьянные желтые, голубые, вышитые жемчугомъ, на высокихъ каблукахъ; всѣ молодые и старыя бѣлились, румянились, и считали за стыдъ не росписывать лицъ своихъ.

Между забавами сего времени такъ описываютъ левому Теодорову—медвѣжьей бой:

Забавы.

«охотники царскіе, подобно римскимъ гладиаторамъ, не боятся смерти, увеселяя государя своимъ дерзкимъ искусствомъ. Дикихъ медвѣдей, ловимыхъ обыкновенно въ ямы или тентами, держатъ въ клѣткахъ. Въ назначенный день и часъ собирается дворъ и несмѣтное число людей предъ театромъ, гдѣ должно быть поединку: сіе мѣсто обведено глубокимъ ровомъ для безопасности зрителей и для того, чтобы ни звѣрь, ни охотникъ не могли уйти другъ отъ друга. Тамъ является смѣлый боецъ съ рогатиною, и выпускаютъ медвѣдя, который, видя его, становится на дыбы, реветъ и стремится къ нему съ открытымъ зѣвомъ. Охотникъ недвижимъ: смотритъ, мѣтитъ — и сильнымъ махомъ всаживаетъ рогатину въ звѣря, а другой копецъ ея пригнетаетъ къ землѣ ногою. Уязвленный, яростный медвѣдь лѣзетъ грудью на желѣзо, орошаетъ его своею кровію и пѣною, ломитъ, грызетъ дровко — и если одолѣть не можетъ, то, падая на бокъ, съ послѣднимъ глухимъ ревомъ издыхаетъ. Народъ, доселѣ безмолвный, оглашаетъ площадь громкими восклицаніями живѣйшаго удовольствія, и героя ве-

дутъ къ погребамъ царскимъ пить за государево здравіе: онъ счастливъ сею единственною наградою, или тѣмъ, что уцѣлѣлъ отъ ярости медвѣдя, который въ случаѣ неискусства или малыхъ силъ бойца, ломая въ куски рогатину, зубами и когтями растерзываетъ его иногда въ минуту».

Говоря о страсти московскихъ жителей къ банямъ, Флетчеръ всего болѣе удивлялся нечувствительности ихъ къ жару и холоду, видя, какъ они въ жестокіе морозы выбѣгали изъ бань нагіе, раскаленные, и кидались въ проруби.

Ваши.

Извѣстіе сего наблюдателя о тогдашней нравственности россиянь не благопріятствовало ихъ самолюбію: какъ писатель учтивый предполагая исключенія, онъ укорялъ москвитянъ лживостію и слѣдствіемъ ея, недовѣрчивостію безпредѣльною, изъясняясь такъ: «москвитяне никогда не вѣрятъ словамъ, ибо никто не вѣритъ ихъ слову». Воровство и грабежъ, по его сказанію, были часты, отъ множества бродягъ и нищихъ, которые, неотступно требуя милостыни, говорили всякому встрѣчному: «дай мнѣ, или убей меня!» Днемъ они просили, ночью крали или отнимали, такъ что въ темный вечеръ люди осторожные не выходили изъ дому.—Флетчеръ, ревностный слуга Елисаветинъ, врагъ западной церкви, несправедливо осуждая и въ нашей все то, что сходствовало съ уставами римской, излишне чернить нравы монастырскіе, но признается, что искренняя набожность господствовала въ Россіи. Угождая ли общему расположенію умовъ, или въ

Набожность.

терзаніяхъ совѣсти надѣясь успокоить ее дѣйствіями внѣшняго благочестія, самъ Годуновъ казался весьма набожнымъ: въ 1588 году имѣя только одного сына-младенца, зимою носилъ его больного, безъ всякой предосторожности, Смерть первая въ церковь Василія Блаженнаго, и го Борисова сына. не слушалъ врачей: младенецъ умеръ.

Тогда же былъ въ Москвѣ юродивый, уважаемый за дѣйствительную или мнимую святость: съ распущенными волосами ходя по улицамъ нагой въ жестокіе морозы, опъ предсказывалъ бѣдствія и торжественно злословилъ Бориса, Юродивый. а Борисъ молчалъ и не смѣлъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, опасаясь ли народа, или вѣря святости сего человѣка. Такіе юродивые, или блаженные нерѣдко являлись въ столицѣ, носили на себѣ цѣпи или вериги, могли всякаго, даже знатнаго человѣка укорять въ глаза беззаконною жизнію и брать все, имъ угодное, въ лавкахъ безъ платы: купцы благодарили ихъ за то, какъ за великую милость. Увѣряютъ, что современникъ Іоанновъ, Василій Блаженный, подобно Николѣ Псковскому, не щадилъ Грознаго и съ удивительною смѣлостію воиалъ на стогнахъ о жестокихъ дѣлахъ его.

Упрекая россіянь суевѣріемъ, ипоземцы хвалили однакожъ ихъ терпимость, которой мы не измѣняли отъ временъ Олеговыхъ до Терпимость. Оеодоровыхъ, и которая въ нашихъ лѣтописяхъ остается явленіемъ достопамятнымъ, даже удивительнымъ, ибо чѣмъ изъяснить ее? Просвѣщеніемъ ли, котораго мы не имѣли? Истиннымъ ли понятіемъ о существѣ вѣры, о коемъ спорили и фи-

лософы и богословы? Равнодушіемъ ли къ ея догматамъ въ государствѣ искони набожномъ? Или естественнымъ умомъ нашихъ древнихъ князей воинственныхъ, которые хотѣли тѣмъ облегчить для себя завоеванія, не тревожа совѣсти побѣждаемыхъ, и служили образцемъ для своихъ преемниковъ, оставивъ имъ въ наслѣдіе и земли разновѣрныя и миръ въ земляхъ? То есть, назовемъ ли сію терпимость единственно политическою добродѣтелію? Во всякомъ случаѣ она была выгодною для Россіи, облегчивъ для насъ и завоеванія и самыя успѣхи въ гражданскомъ образованіи, для коихъ мы долженствовали заманивать къ себѣ иновѣрцевъ, пособниковъ сего великаго дѣла.

Къ счастью же нашему, естественные враги Россіи не слѣдовали ея благоразумной системѣ: магометане, язычники поклонялись у насъ Богу, какъ хотѣли; а въ Литвѣ неволили христіанъ Восточной церкви быть папистами: говоримъ о зачалѣ такъ называемой Уніи въ Сигизмундово время, происшествіи важномъ своими политическими слѣдствіями, коихъ не могли ни желать, ни предвидѣть ея виновники.

Духовенство литовское, отвергнувъ Уставъ Флорентійскій, снова чтило въ константинопольскомъ первосвятителѣ главу своей церкви: патріархъ Іеремія на возвратномъ пути изъ Москвы захаль въ Кіевъ, отрѣшилъ тамошняго митрополита Онисифора, какъ двоеженца, и на его мѣсто посвятилъ Михаила Рагозу; судилъ епископовъ, наказывалъ архимандритовъ недостойныхъ. Сія строгость произвела неудовольствіе; дѣйствовали

и другія причины: домогательство папы и воля королевская, обольщенія, угрозы. Еще въ 1581 году хитрый іезуитъ Антоній Поссевинъ, обманутый не менѣе хитрымъ Іоанномъ, съ береговъ Шелоны писалъ къ Григорію XIII, что для удобнѣйшаго обращенія московскихъ еретиковъ должно прежде озарить свѣтомъ истины Кіевъ, колыбель ихъ вѣры; совѣтовалъ ему войти въ сношеніе съ митрополитомъ и съ епископами литовскими, послать къ нимъ мужа ученаго, благоумнаго, который могъ бы убѣжденіями и ласками изготовить торжество римской церкви въ землѣ раскола. Антоній писалъ и дѣйствовалъ: внушилъ Баторію мысль завести іезуитское училище въ Вильнѣ, чтобы воспитывать тамъ бѣдныхъ отроковъ греческаго исповѣданія въ правилахъ римскаго; старался о переводѣ славнѣйшихъ книгъ латинской богословіи на языкъ російскій; самъ ревностно проповѣдывалъ, и не безъ успѣха, такъ что многіе литовскіе дворяне начали говорить о соединеніи церковей и благопріятствовать западной, угождая болѣе міру, нежели совѣсти, ибо, не взирая на свои права и вольности, утверждаемыя королями и сеймами. единавѣрцы наши въ Литвѣ долженствовали вездѣ и всегда уступать первенство католикамъ; бывали даже тѣснымы, — жаловались и не находили управы. Колебались умы и самыхъ духовныхъ сановниковъ, ибо папа и Сигизмундъ III, исполняя совѣтъ іезуита Антонія, съ одной стороны предлагали имъ выгоды, честь и доходы новыя, а съ другой представляли униженіе Византійской церкви подъ игомъ оттомановъ. Не грозили насиді-

емъ и гоненіемъ; однакожь, славя счастье едино-
вѣрія въ государствѣ, напоминали о непріятно-
стяхъ, которыя испытало духовенство въ Литвѣ,
отвергнувъ Уставъ Флорентійскій. Еще митропо-
литъ Рагоза тайлъ свою измѣну, хвалился усер-
діемъ къ православію и велѣлъ сказать москов-
скимъ посламъ, ѣхавшимъ въ Австрію чрезъ вла-
дѣнія Сигизмундовы, что не смѣетъ видѣться съ
ними, будучи въ опалѣ, въ гоненіи за твердость
въ догматахъ Восточной церкви, всѣми оставляе-
мой, совершенно беззащитной; что за него стоялъ
одинъ воевода новгородскій, Ѳеодоръ Скуминъ, но
и тотъ уже безмолствуетъ въ страхѣ; что папа
неотмѣнно требуетъ отъ короля и вельможъ при-
соединенія литовскихъ епархій къ церкви Рим-
ской, и хочетъ отдать кievскую митрополию сво-
ему епископу; что онъ (митрополитъ) долженъ
неминуемо сложить съ себя первосвятительство и
заклучиться въ монастырѣ. Послы совѣтовали
ему быть непреклоннымъ въ бурѣ и лучше умер-
еть, нежели предать святую паству на расхи-
щеніе волкамъ латинства. Михаилъ, лука-
вый и корыстолюбивый, хотѣлъ еще въ послѣд-
ній разъ нашего золота, и взялъ въ задатокъ
нѣсколько червонцевъ, ибо цари не безъ хитро-
сти, давали милостыню духовенству литовско-
му, чтобы оно питало въ народѣ любовь къ сво-
имъ единовѣрнымъ братьямъ. Въ томъ же (1595)
году сей лицемѣръ, призвавъ въ Кіевъ всѣхъ
епископовъ, усовѣтовалъ съ ними искать мира и
безопасности въ нѣдрахъ Западной церкви. Толь-
ко два святителя, львовскій Гедеонъ Балабанъ и
Михаилъ премышльскій, изъявили сопротивленіе;

но ихъ не слушали, и, къ живѣйшему удовольствію короля, послали епископовъ, Ипатія владимірскаго и Кирилла луцкаго, въ Римъ, гдѣ въ храмѣ Ватиканской, они торжественно лобызали ногу Климента VIII, и предали ему свою церковь.

Сіе происшествіе исполнило радости папу и кардиналовъ: славили Бога, честили пословъ духовенства російскаго (такъ называли епископовъ владимірскаго и луцкаго, чтобы возвысить торжество Рима), отвели имъ великолѣпный домъ — и когда, послѣ многихъ совѣщаній, всѣ затрудненія исчезли, когда послы обязались клятвою въ вѣрномъ наблюденіи Устава Флорентійскаго, принявъ за истину исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, бытіе чистилища, первенство епископа римскаго, но удерживая древній чинъ богослуженія и языкъ славянскій — тогда папа обнялъ, благословилъ ихъ съ любовію, и правитель его Думы, Сильвій Антонинъ, сказалъ громгласно: «Наконецъ, чрезъ 150 лѣтъ (послѣ Флорентійскаго собора) возвращаетесь вы, о епископы російскіе! къ каменю вѣры, на коемъ Христосъ утвердилъ церковь; къ горѣ святой, гдѣ самъ Всевышній обитать благоизволилъ; къ матери и наставницѣ всѣхъ церквей, къ единой истинной—Римской!» Пѣли молебны, на память вѣкамъ внесли въ лѣтописи церковныя повѣсть о возсіаніи новаго свѣта въ странахъ полунощныхъ; вырѣзали на мѣди образъ Климента VIII, російянина падающаго ницъ предъ его трономъ и надпись латинскую: *Ruthenis receptis...* Однакожь радость была не долговременна.

Во-первыхъ, святители литовскіе, измѣняя православію, надѣялись, по обѣщанію Климентову, засѣдать въ Сенатѣ наравнѣ съ латинскимъ духовенствомъ, но обманулись: папа не сдержалъ слова, отъ сильнаго противорѣчія епископовъ польскихъ, которые не хотѣли равняться съ уніатами. Во-вторыхъ, не только святитель львовскій, Гедеонъ, со многими другими духовными савошниками, но и нѣкоторые знатнѣйшіе вельможи, наши единовѣрцы, воспротивились уніи, особенно воевода кievскій, славный богатствомъ и душевными благородными свойствами, князь Константинъ Острожскій. Говорили и писали, что сіе мнимое соединеніе двухъ вѣръ есть обманъ; что митрополитъ и клеветы его приняли латинскую, единственно для вида удержавъ обряды греческой. Народъ волновался; храмы пустѣли. Чтобы важнымъ, священнымъ дѣйствіемъ церковнаго собора утишить раздоръ, всѣ епископы съѣхались въ Брестъ, гдѣ присутствовали и вельможи королевскіе, послы Климента VIII и патріарха византійскаго; но, вмѣсто мира, усилилась вражда. Соборъ раздѣлился на двѣ стороны; одна предала анаемѣ другую — и съ сего времени существовали двѣ церкви въ Литвѣ: уніатская или соединенная, и благочестивая или несоединенная. Первая зависѣла отъ Рима, вторая отъ Константинополя. Уніатская, подъ особою защитою королей и сеймовъ, усиливалась, гнала благочестивую въ ея сиротствѣ жалостномъ — и долго стонъ нашихъ единовѣрныхъ братьевъ исчезалъ въ воздухъ, не находя ни милосердія, ни справедливости въ верховной власти. Такъ одинъ изъ сихъ

ревностныхъ христіанъ греческаго исповѣданія торжественно, на сеймѣ, говорилъ королю Сигизмунду: Мы, усердные сыны республики, готовы стоять за ея цѣлость; но можемъ ли идти на враговъ внѣшнихъ, терзаемые внутреннимъ: злобною униєю, которая лишаетъ насъ и безопасности гражданской и мира душевнаго? Можемъ ли своею кровію гасить пылающія стѣпы отечества, видя дома пламень, никѣмъ не гасимый? Вездѣ храмы наши затворены, священники изгнаны, достояніе церковное расхищено; не крестятъ младенцевъ, не исповѣдуютъ умирающихъ, не отпѣваютъ мертвыхъ, и тѣла ихъ вывозятъ какъ стерво въ поле. Всѣхъ, кто не имѣли вѣрѣ отцевъ, удаляютъ отъ чиновъ гражданскихъ; благочестіе есть опала; законъ не блюдетъ насъ... вопіемъ — не слушаютъ!.. Да прекратится же тиранство! или (о чемъ не безъ ужаса помышляемъ) можемъ воскликнуть съ пророкомъ: суди ми, Боже, и разсуди прію мою!» Сія угроза исполнилась позднѣе, и мы, въ счастливое царствованіе Алексія, столь легко приобрѣли Кіевъ съ Малороссією отъ насилія униатовъ.

Такимъ образомъ іезуитъ Антопій, король Сигизмундъ и папа Климентъ VIII, ревностно дѣйствуя въ пользу Западной церкви, невольно содѣйствовали величію Россіи!

